

Александр
Беляев

ИЗОБРЕТЕНИЯ
ПРОФЕССОРА
ВАГНЕРА

А

* *

А. Беляев

Изобретения профессора Вагнера

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

РАССКАЗЫ

ББК 84Р7—4
Б43

Текст печатается по изданию:

Беляев А. Р. Собр. соч.: В 8 т. — М.: Молодая гвардия, 1964. — Т. 8.

Б $\frac{4702000000-10}{M152(03)-88}$ 35—88

© Составление, оформление, историко-литературная справка, Пермское книжное издательство, 1988

ISBN 5—7625—0088—8

ИЗОБРЕТЕНИЯ ПРОФЕССОРА ВАГНЕРА

*Материалы к его биографии,
собранные А. Беляевым*

ТВОРИМЫЕ ЛЕГЕНДЫ И АПОКРИФЫ

I. Человек, который не спит

Иван Степанович Вагнер, профессор 1-го Московского университета по кафедре биологии, давно известен своим ученым коллегам как исключительно разносторонний ум, талантливый изобретатель и смелый экспериментатор. Широкой же публике Вагнер стал известен всего пять лет назад, когда ему пришлось выступить в качестве обвиняемого по так называемому «собачьему делу» в народном суде.

У меня сохранились газеты того времени. Вот как в одной из них корреспондент, присут-

ствовавший на суде, описывает внешность профессора Вагнера:

«В его каштановых волосах, окладистой русой бороде и нависших усах можно было заметить только несколько серебристых волосков. Свежий цвет лица, румяные щеки и блестящие глаза говорили о здоровье. Ему нельзя было дать более сорока лет».

А в это время профессору Вагнеру было за пятьдесят.

Обвинялся он в похищении собак для производства научных опытов. На суде выяснились очень интересные обстоятельства. Оказывается, профессор Вагнер изобрел средство от усталости, а также средство против сна; сон же, по словам профессора, представляет собой блезнь.

Вагнер поставил себе задачей охватить большее количество знаний, чем то, которое может вместить человеческий мозг. И профессор добился этого благодаря тому, что, не нуждаясь в отдыхе и сне, мог работать почти двадцать четыре часа в сутки. Кроме того, путем тренировки он выработал способность думать обеими половинками мозга независимо одна от другой. Его глаза двигались также независимо один от другого, и Вагнер мог, таким образом, наблюдать за несколькими явлениями сразу. Он мог писать одновременно правой и левой рукой...

Все это и многое другое выяснилось на «собачьем процессе», и имя профессора Вагнера сразу сделалось известным публике, читающей газеты. Его так и называли: «Человек, который не спит».

Я был одним из тех, которые заинтересовались профессором Вагнером. Мне очень хотелось познакомиться с ним. Случай пришел мне на помощь. Я познакомился с Вагнером в Крыму, в Симеизе, мы имели с ним несколько интереснейших бесед.

Потом Вагнер куда-то исчез. Вообще он довольно часто меняет места жительства, что не мешает ему читать лекции в Московском университете. Для этого он пользуется радиопередачей. И только для практических занятий он является в Москву на месяц или на два. Все его ученики преуспевают, и университетское начальство не возражает против такого заочного метода обучения.

Итак, он исчез, хотя его голос пунктуально слышался в аудитории. Слухи о его необычайных опытах и изобретениях продолжали передаваться из уст в уста. Я тщательно записывал эти рассказы. Некоторые из них казались мне настолько неправдоподобными, что я ставил в записной книжке на полях знак вопроса, чтобы проверить правдивость рассказа, когда встречу Вагнера или узнаю его адрес. Говорили, что он в Ленинграде занимается ка-

кими-то радиоопытами, что собирается на Новую Землю, но адреса он никому не сообщал. И лишь недавно он неожиданно напомнил о себе. На своем коротковолновике однажды вечером я принял от него радиотелеграмму. Он слал мне привет и сообщал адрес.

Я тотчас же переписал все рассказы о его изобретениях, которые мне пришлось услышать, и послал ему, прося сообщить мне, что в них правда и что ложь. Его ответ убедил меня, что мои опасения были не напрасны. Увы, более половины моих документов о профессоре Вагнере оказались апокрифами. Творимые легенды возникали на моих глазах. Среди этих легенд были не только рассказы об изобретениях Вагнера, но и любопытные эпизоды из его жизни. Для иллюстрации я приведу некоторые из этих выдуманных историй, прежде чем перейти к подлинным происшествиям. Во всех записях я старался дословно передавать речь рассказчиков.

II. Случай с лошадью

На ежегодных скачках 21 мая 1926 года в Ипсоне* всеобщее внимание привлек розыгрыш главного приза в пять тысяч фунтов стерлингов.

* И п с о н — местечко близ Лондона.

Среди трехлеток прекрасных английских скакунов выделялись два претендента на первенство: светло-золотистая Лорелей и рыжий красавец Викинг. Большинство ставок было поставлено на этих двух лошадей, уже показавших свои необычайные качества на тренировочных пробегах. Но Викинг, по всеобщему признанию, имел больше шансов на выигрыш.

Скачки начались. Не прошло и минуты, как Лорелей и Викинг выдвинулись из строя на голову, а еще через несколько секунд Викинг опередил своих соперников уже на полтора корпуса.

— Браво, Викинг! — кричала иступленная толпа. Победа, казалось, была за ним. Но вот на повороте случилось событие, которое, вероятно, надолго останется в памяти тех, кто присутствовал на этом дерби.

Викинг словно обезумел. Он не свернул на повороте, а понесся прямо на загородку, расшибся и упал. Налетевшие сзади лошади едва не раздавили бедного Викинга вместе с его жокеем. Избавившись от одной опасности, они попали в другую. Часть толпы, ставившая на Викинга, пришла в бешенство. Почтенные джентльмены, сами рискуя попасть под копыта лошадей, прыгивали с трибун на скаковую дорожку с явным намерением растерзать предателя жокея. Они не сомневались, что жокей был подкуплен владельцем Лорелей, крупным куп-

цом, шелковым оптовиком. К счастью, опытный жокей не пострадал при падении. Он учел момент и побежал от гнавшей за ним толпы с такой скоростью, словно хотел принять участие в скачках вместо выбывшего из строя Викинга.

Злость и негодование проигравших на Викинге были так сильны, что многие из сбежавшихся к месту происшествия толкали Викинга в живот ногою. Это было безобразное зрелище. Толпа запрудила всю беговую дорожку. Пришлось на время прекратить скачки. Трибуны напоминали кратер вулкана, наполненный кипящей лавой. И эта лава человеческих страстей была не менее страшна, чем магма.

Когда первое волнение улеглось, немедленно приступили к следствию. На помощь жокею вовремя подоспел отряд полисменов, которые и спасли его от самосуда толпы. Жокей, конечно, клялся и божился, что он ни в чем не повинен и сам не знает, что с Викингом; обыкновенно конь слушался малейшего движения руки. Толпа не верила словам жокея, но, так как никто не мог доказать его виновности, следствие временно было направлено в иную сторону. Викинга подняли на ноги и тщательно осмотрели. Грудь его была серьезно повреждена, часть кожи и мяса сорвана, но это были свежие ранения от удара о загородку. Глаза и ноги лошади были как будто не повреждены. Она смотрела

нормально. Викинга хлестнули хлыстом и посмотрели, как он пойдет. Шатаясь, Викинг двинулся вперед. Перед ним был столб. Викинг, как слепой, шел на столб, не сворачивая. И, лишь ударившись грудью, остановился.

— Он ослеп! — слышались голоса.

Один джентльмен подошел и махнул перед глазами Викинга шляпой. Викинг невольно вздернул голову.

— Видит!

— Он помешался! — крикнул кто-то.

— Разве лошадь может помешаться? — возразили ему. — Они бесятся, но это бывает совсем иначе.

Викинга отвели от столба, стегнули, и он вновь пошел. Удивительное дело! Он шел только по прямой линии, не сворачивая ни направо, ни налево. В конце концов он зашел в тупик между двумя киосками и стоял там, словно он, сгорая со стыда, хотел уйти ото всех, никого не видеть. Опытные конюхи сразу определили, что Викинг без посторонней помощи не может выйти из тупика, в который зашел лишь потому, что тупик лежал на пути его прямолинейного странствования.

Теперь уже ни у кого не оставалось сомнения в том, что Викинг болен странной болезнью прямолинейности. Это не снимало обвинения с жокея, но все же несколько разбивало уверенность в том, что болезнь лошади — его рук дело.

Жокеи слишком привязываются к лошадям; и было трудно допустить, что жокей мог пойти на такое преступление. Испортить лошадь могли чужие. Но как жокей недосмотрел?

Толпа опять бросилась к жокею:

— Болел чем-нибудь Викинг?

— Болел, — отвечал жокей. — Конюх говорил мне, что Викинг накануне скачек плохо ел и плохо пил. Мистер Джиббс, владелец Викинга, даже хотел отказаться от участия в скачках, но мистер Томпсон, ветеринарный врач, сказал, что это пустяки и что к утру всё пройдет. Он сам обещал наблюдать за Викингом. И действительно, мистер Томпсон пробыл в конюшне Викинга всю ночь...

Продолжение следствия было после скачек. И уже не толпа, а следователь допросил мистера Томпсона. Ветеринар уверял, что, кроме легкого недомогания, которое произошло по вине конюха, нарушившего режим кормления, Викинг ничем болен не был. Да и в настоящее время он, Томпсон, затрудняется определить болезнь Викинга, хотя должен констатировать, что Викинг действительно болен: он может ходить лишь по прямой.

Для диагноза болезни Викинга были привлечены лучшие силы медицины и ветеринарии, но никто ничего не мог понять. Прекрасная лошадь была испорчена. Но кем, когда и как? Викинг задал ученым неразрешимую загадку.

Вот тут-то на сцену и выступил профессор Вагнер, который в это время находился в научной командировке в Оксфорде. Прочитав в газетах о том, что никто не может понять болезнь Викинга, Вагнер написал письмо в редакцию:

«Викинг теперь стоит не дороже своей рыжей шкуры. Убейте Викинга, вскройте ему череп, и вы узнаете, в чем заключалась его болезнь».

Это было сказано так решительно, словно Вагнер уже посмотрел, что делается в голове больного Викинга. А ведь Вагнера даже на скачках не было.

Владелец Викинга послушался этого совета и, убив лошадь, вскрыл череп. И что же обнаружилось? У Викинга не хватало части мозга. Очевидно, подкупленный кем-то ветеринар ночью проделал эту операцию и так удачно зашил места сечения на голове лошади, что никто не заметил следов операции. Томпсон отрицал это преступление. Но в результате тщательного обыска были найдены улики, и в конце концов Томпсон сознался. За последнее время он получал столько угрожающих писем, что в тюрьме почувствовал себя безопаснее, чем на свободе.

После этого случая имя профессора Вагнера стало известно и в Англии...

(Сообщено г. А. А. К.)

Иван Степанович Вагнер написал на обратной стороне последнего листа этой рукописи:

«Выдумки. Ничего подобного со мной не было. В мае 1926 года за границу не выезжал. При двустороннем удалении лобных долей мозга у лошади, как и у собаки (над которыми я сам производил опыты), могли действительно обнаружиться такие странности: животное (конечно, и человек), лишенное лобных долей, обнаруживает непрочность статической координации, неспособность поворачиваться из стороны в сторону, благодаря чему оперированная таким образом собака всегда бежит по прямому направлению и, забившись в угол или в тесный закоулок, не в состоянии выйти оттуда без посторонней помощи.

Как видите, все это похоже на случай с Викингом. Но... во-первых, я просматривал лондонские газеты за это время и не нашел ничего похожего на описанный вашим знакомым случай. Во-вторых, если бы этот случай произошел, то в Лондоне нашлось бы немало ученых, которые смогли бы понять болезнь Викинга, не представляющую ничего загадочного для всякого, кто изучает рефлексологию. А в Англии ее изучают не меньше, чем у нас. В-третьих, болезнь Викинга, конечно, обнаружилась бы на

первом же повороте от его конюшни, и жокей не явился бы на скачки с такой лошастью».

III. О блохах

Однажды приехал профессор Вагнер в Париж. Его пригласил к себе для научной консультации наш соотечественник доктор Воронов, тот самый, который занимается вопросом омоложения. Идет Вагнер по Парижу из гостиницы к Воронову и видит на одной улице дом, а на доме вывеска:

«Здесь дают представления ученые блохи».

Профессор Вагнер решил нанести визит своим ученым коллегам. Блохи оказались действительно замечательными. Танцевали кадрили, передвигали пушечки, катали друг друга в картонных экипажах, боксировали и даже катались на крохотных велосипедиках.

Владелец блошиной труппы, когда узнал, что его уса́тый посетитель — ученый, разговорился и показал Вагнеру самые лучшие номера. В заключение сеанса директор накормил всю труппу на собственной руке и отпустил отдыхать. После обеда блоха поспать любит.

— Одно плохо, — говорил владелец блошиного театра, — уж очень малы ростом мои артисты. Теперь редко у кого встречается хорошее зрение. Если зрители очень низко наклоняются,

то артисты их в нос щелкают, а издали мало кто видит. Через линзы смотреть тоже неудобно: блоха движется и то уйдет из поля зрения, то из фокуса выйдет. Но зато какие сильные и умные животные! Ведь они тянут тяжести, в несколько сот раз превышающие вес их тела. А их прыжки! Обыкновенная человеческая блоха имеет в длину: 2,2 миллиметра самец и три-четыре миллиметра самка. Ну и в высоту миллиметра два — два с половиной. А прыгать блохи могут вверх на целый метр. Да и вперед почти на столько же. Это значит — почти в пятьсот раз больше своего роста! Что же было бы, если бы блоха была ростом с человека?

— Да... — сказал Вагнер и задумался.

Так, задумчивый, и к доктору Воронову пришел.

Воронов обрадовался дорогому гостю. Все свои новинки показывает: юношу лет восемнадцати — бывшего старика — и грудную старушку. Перелечили ее малость, и она превратилась в грудного младенца.

— Но это ничего, — говорит Воронов, — она у меня скоро вырастет и говорить начнет. Вот только не знаю, не придется ли ее заново языкам учить. Она хорошая лингвистка была.

Вагнер слушает, а сам этак сквозь усы: «Да, да, да...» А потом говорит:

— Все это очень хорошо. А блоху в рост человека вы можете сделать?

Воронов даже рот открыл.

— Зачем? — спрашивает.

— Ради науки, для опыта.

— Нет, — говорит Воронов, — прямо скажу, не могу.

А сам даже покраснел от стыда.

— Так я и думал. А я сделаю, — заявляет Вагнер. — Дайте мне только помещение да блох побольше.

И начал Вагнер опыты делать. Парижанки ему блох приносили, а он кормил этих блох вытяжками из каких-то желез и витаминами «ижица».

Вырастил Вагнер дюжину блох ростом с черного таракана и подарил владельцу блошиного театра. Очень благодарил Вагнера владелец. Весь Париж ходил смотреть на диковинных блох, пока не случилась маленькая неприятность: одна блоха-таракан угодила в лоб самому господину президенту республики, отчего в голове его перепутались государственные дела первейшей важности. Крамольную блоху убили, а на остальных цепочки надели, чтобы слишком высоко не запрыгивали. Вагнера из-за этой блохи из Франции едва не выслали. Однако уцелел.

На полный человеческий вырост Вагнер пустил только две блохи, чтобы на корм меньше денег выходило. И стали эти две блохи расти не по дням, а по часам. Держал он их в клетке

на цепочке, а кормил кровью. Каждый день с боем в бочках кровь привозили.

Вы представляете себе, что такое блоха, если ее увеличить раз в тысячу? Нет зверя страшнее! Даже сторожа из зверинца, приставленные к этим блохам, тряслись от ужаса. А когда блохи протягивали сквозь прутья клеток свои щупальца и жала, у сторожей ноги подгибались и они из комнаты убегали.

И вот случилось несчастье. Когда длина блохи-самки была равна ста семидесяти семи сантиметрам (самец имел рост немного меньше), а мускулы и челюсти сделались сильнее львиных, выскочила блоха-самка из клетки. Порвала цепи, прогрызла за ночь заднюю деревянную стенку и через дырку — прыг! — ускакала.

А это было как раз в ночь под четырнадцатое июля — национальный французский праздник, взятие Бастилии. В этот день весь Париж на улице. И вдруг такое происшествие! Блоха в рост человека тоже как бы разрушила свою Бастилию, разорвала цепи и прыг на улицу! А на улице народ с раннего утра уже толпится.

«Зверинец» Вагнера помещался на улице Кювье, рядом с зоопарком. Блоха в несколько прыжков пересекла весь Париж. Она перескочила одним прыжком через винные склады, которые занимают целый квартал, вторым прыжком перемахнула через Собор Парижской бого-

матери на другую сторону Сены, потом двинулась обратно, в два-три прыжка долетела до Дома инвалидов, перепрыгнула его, следующим гигантским прыжком перелетела через Эйфелеву башню. Триста метров высоты не составляли для блохи никакого затруднения. Она перелетела башню еще на двести метров выше, причем в воздухе едва не столкнулась со стайкой пародирующих аэропланов. Площадь Йены и площадь Этуаль были следующими этапами. Усевшись на Триумфальной арке, она решила отдохнуть.

Публика вначале с восторгом приветствовала появление крылатого «зверя». Все были уверены, что это один из замечательнейших номеров уличного карнавала. Может быть, какой-нибудь изобретатель решил в этот день преподнести нации сюрприз — новый летательный аппарат типа геликоптера с вертикальным подъемом и спуском. Для большего же эффекта изобретатель придал своему аппарату такой чудовищный вид. Правда, об опытах Вагнера знал весь Париж. Но никто не предполагал, что блоха выглядит так чудовищно.

Скоро, однако, восторг толпы сменился ужасом. Блоха, отдохнув на Триумфальной арке, неожиданно спрыгнула на улицу в гущу толпы и вдруг, схватив какого-то веселящегося гражданина своими щупиками, вонзила острый хоботок в левое плечо. Парижанин отчаянно за-

кричал. Толпу охватил такой ужас, что все стояли несколько минут как окаменелые, а потом бросились бежать, словно их подхватила волна отлива. Блоха спокойно высосала граммов семьсот крови и, вынув хоботок, прыгнула на арку. Француз, побледневший от потери крови и испуга, упал. К счастью, блоха не высосала всей крови, а ее в жилах француза было 5740 граммов. Потеря двух тысяч граммов угрожала бы смертью. Но блоха удовлетворилась меньшим. Может быть, так ей легче было прыгать. И она предпочитала пить крови поменьше, но чаще.

Через несколько минут она опять слетела с арки, напала на какую-то старушку и всадила ей в спину хоботок. Отведав старушечьей крови, блоха вынула жало и обратила свой взор на молоденькую модистку. Блоха сделалась настоящей кровопийцей.

На место происшествия уже спешил отряд полиции. Но не успели полицейские дать залп, как блоха вскочила на арку, хотя уже и не так легко, как прежде.

Перепрыгнув через отряд полицейских, блоха поскакала по Елисейским полям, перелетела через площадь Согласия и опустилась на лужайку в саду Тюильри.

Профессор Вагнер уже знал о происшествии. Он поспешил отдать распоряжение поскорее убить вторую гигантскую блоху-самца. Если б

и самец вырвался на волю, то было бы плохо. Что, если бы эти блохи расплодились?..

Весть о страшном хищнике быстро облетела Париж. Улицы, как вымерли. Жители баррикадировали окна, опасаясь, чтобы блоха не прыгнула к ним в дом, разбив стекла. Вооруженные отряды гонялись за блохой, но она одним прыжком скрывалась от них. Аэропланы тоже ничего не могли поделать. Не бросать же бомбы над городом!

А блоха очень хорошо чувствовала себя в городе. Человеческая кровь ей понравилась гораздо больше, чем коровья, которой кормили ее в заключении. И она продолжала свои налеты.

Париж был напуган. Блоха превратилась в какого-то чудовищного Минотавра*, требующего человеческих жертв. Но не было героя Тезея*, который освободил бы город от страшилища. Кандидаты в Тезея являлись. Но им не удавалось убить блоху.

Многие начали поговаривать, что во всем виноват Вагнер, что, может быть, он даже со злым умыслом вырастил и пустил на Париж

* **Минотавр** — мифическое чудовище, полубык-получеловек, скрывавшийся в Лабиринте на острове Крит, которым правил царь Минос. Минотавр питался мясом преступников, а также пожирал ежегодно семь юношей и столько же девушек. Убит был Минотавр Тезеем — мифическим афинским царем и героем.

такую блоху. Вот и немцы начали нос задирать. Это не простая блоха...

А Вагнер не спал — ведь он никогда не спит — и думал обеими половинками мозга, как бы поправить свою ошибку. Очень все вышло неприятно, и Воронов смется.

Мэр города Парижа вызвал Вагнера к себе и говорит ему:

— Наше терпение истощилось. Даю вам двадцать четыре часа на удаление блохи. Мы и так стали ужасно малокровные от блохи.

— Давить блох, — отвечает Вагнер, — это не моя специальность, а как поймать блоху, я могу дать совет. Блоху поймает только человек, который сможет сам прыгать, как блоха. Я придумал такие инструменты, чтобы человек мог прыгать по-блошиному. Поедем на Марсово поле, я вам покажу.

Поехали. Профессор Вагнер привез с собой чемодан, а в чемодане лежат какие-то пружины и красный костюм, похожий на клопа.

— Вот эти пружины, — говорит Вагнер, — надо привинтить к рукам и ногам, а костюм из резины, пневматический, надевается на тело, чтобы не расшибиться, если без привычки упадешь на бок или на спину. Кто хочет попробовать?

— Я!.. И я!.. Я!..

Вагнер выбрал одного. Надел на него резиновый костюм, к подошвам и ладоням пристро-

ил ремешками дощечки с большими спиральными пружинками вроде матрацных, поставил человека на четвереньки и надул красную резиновую оболочку. Получился прямо гигантский клоп, напившийся крови.

— Прыгайте! — говорит Вагнер.

Молодой человек поднял передние лапы, скакнул, опрокинулся на спину, раза два подскочил и лежит на спине, как жук, лапами машет.

— Не могу, — говорит, — с земли подняться. Лучше с высоты.

Перевернули «клопа», принесли три стола, поставили друг на дружку, а наверх посадили «клопа».

— Прыгай!

Прыгнул «клоп», взвился вверх и опять на спину. Раз, другой, третий подпрыгнул — лежит.

— Ничего, научится, — успокаивает Вагнер.

И опять отнесли «клопа» на стол. И что же, наловчился-таки «клоп». Прыгнул, ударился на все четыре лапки и взвился вверх, что твоя блоха, выше дома. Опять ударился пружинами о землю и еще выше подпрыгнул.

— Браво! — кричат.

А он, когда в третий раз на землю спустился, вдруг сам кричит:

— Как же я теперь остановлюсь? — и упрыгнул.

И правда. Вот задача! Прыгать-то он может, а остановиться не умеет.

— Держите меня! — кричит.

Побежали за ним, да где там! В три прыжка все Марсово поле пролетел.

— Пропал мальчишка! Теперь так и будет прыгать вокруг земного шара...

Однако, на свое счастье, он в реку Сену угодил. До дна нырнул, потом резиновый пузырь на спине вынес его, а люди выловили.

Как ни плохо пришлось смельчаку, от блохи еще хуже приходилось. И молодой человек, а за ним и другие молодые люди начали учиться прыгать по-блошиному и скоро большого искусства достигли. Даже в строю могли прыгать. Очень это военному министру понравилось.

— Новый род войск, — говорит, — прыгуны! Через окопы очень легко могут перепрыгивать.

Стали прыгуны за блохой охотиться. Извели ее вконец. Из Парижа выгнали. Пить-есть не давали, все гнали. Подохла блоха в Аржантейле. И двадцать молодых «Тезеев» несли в Париж шкуру «Минотавра».

На радостях президент наградил профессора Вагнера орденом Почетного легиона.

— Только, — говорит, — улетайте из Парижа с первым же аэропланом!..

(Рассказ записан со слов двух лиц — гг. Н. А. П. и К. Е. Н. Они рассказывали почти одновременно, перебивая и дополняя друг друга: отсюда некоторая невыдержанность стиля.)

Замечание профессора Вагнера:

«Опять выдумки! Со мной этого не было. Но нечто подобное я читал несколько десятков лет назад в каком-то журнальчике. Мне, кажется, начинают приписывать легендарные подвиги.

Предположение, что, если бы блоха была ростом с человека, она могла бы прыгать через высочайшие дома, совершенно неверно: упускается из виду, что притяжение Земли увеличивается прямо пропорционально массе тела или пропорционально кубу линейного увеличения. Несмотря на всю анатомическую приспособленность блохи к прыжкам, увеличенная до человеческого роста блоха прыгала бы почти так же, как человек, или чуть-чуть выше.

У меня есть один проект относительно прыгания, но совсем в другом роде. Я думал о прыгании через пропасти и реки автомобилей и даже поездов, которым сообщался бы известный разгон путем переустройства профиля пути. Мостов не нужно будет делать. Принцип американских гор. Почему бы не устроить такой прыжок вагонов через Ла-Манш? Может быть, это было бы выгоднее, чем постройка тоннеля под Ла-Маншем. Я уж присмотрел и местечко: самое узкое место канала — всего тридцать три километра. Берега крутые, скалистые. Мне только некогда заняться подсчетами. Собираюсь

лететь на Новую Землю. Если будут спрашивать — зачем, говорите: разводить страусов.

Ваш Вагнер».

Разводить страусов! Это, конечно, шутка. Быть может, из таких шуток профессора, принятых всерьез и дополненных воображением, и возникли апокрифические рассказы о его изобретениях...

IV. Человек-термо

Рубцов — это я. Илья Ильич. Двадцать четыре года от роду. Румян, весел, подвижен. Товарищи называют меня Чижиком.

Товарищи — это Пронин Иван и Дашкевич Казимир, он же Казя. Пронин похож на меня, он так же молод, весел и подвижен. А Дашкевич даже на самого себя не всегда бывает похож. Он как весенняя погода: то дождь, то снег, то солнышко, то тучи, то тепло, то холодно — всего понемножку. Казя — высокий, худощавый, угловатый. Он здоров, но мнителен и часто находит в себе несуществующие болезни.

Судьба забросила нас очень далеко — на острова Новой Земли. Мы работали радистами на метеорологической станции. Для меня Новая Земля была самой новой. Для Дашкевича но-

вость Новой Земли значительно устарела. Казе надоели однообразные «киносеансы» северного сияния, надоели морозы, зимы без солнца.

— Довольно, три года отдежурил, — говорил он, — и баста! С первым же пароходом я уезжаю отсюда. А если какой-нибудь гидроплан случайно навестит нас, непременно улечу. Я болен. Я совершенно разбит. Меня лихорадит. У меня ломит все тело, как будто...

— Как будто тебя «дружески обнимал белый медведь». Слыхали. Не повторяйся, Казя! — сказал Пронин. — Ты уже третий день киснешь. Пойди к профессору Вагнеру, он, наверно, вылечит тебя.

— Вагнер не медик, — ответил Казя.

— Профессор Вагнер — энциклопедист, всеобъемлющий ум. Пойди к нему, и он очень быстро излечит твою болезнь. Вот Чижик проводит тебя.

Дашкевич нерешительно посмотрел на меня, вздохнул и сказал:

— Няnek мне не нужно. Дойду и сам... А ну как Вагнер меня прогонит! Скажет: я вам не доктор...

Пронин схватил шапку Дашкевича и нахлобучил ему на голову. В то же время я накинул Казе на плечи доху, Пронин раскрыл дверь, и мы вытолкнули нашего товарища на сорокаградусный мороз. Покончив с этим человеколюбивым деянием, мы уселись за аппараты и

углубились в работу. Я принимал, а Пронин отправлял метеорологические бюллетени.

Прошел час, а Дашкевич все еще не возвращался. Профессор Вагнер жил недалеко от нас, всего в десяти минутах ходьбы. Пора бы Дашкевичу вернуться. Я уже начал беспокоиться. Волновался и Пронин.

— Трудный случай, — сказал он. — Сам Вагнер, очевидно, затрудняется поставить диагноз. Видно, всерьез заболел наш Казя...

В это время замерзшая дверь ужасно затрещала, заскрипела и открылась. Клубы пара на мгновение наполнили всю комнату, и, когда они рассеялись, мы увидели нашего друга, вышедшего из морозного облака, как Венера из морской пены. Мы внимательно смотрели друг на друга: Дашкевич на нас — с загадочной насмешливостью, мы на него — вопросительно.

Наконец Пронин не выдержал и спросил:

— Был?

Дашкевич с той же загадочной улыбкой молча кивнул головой.

— Вылечил?

Дашкевич не отвечал. Лицо его было очень красно, и он быстро и часто дышал. Очевидно, его лихорадка усилилась. Мне даже показалось, что от него пышет жаром, как от нашей железной печки, когда она накалена.

— Перелечил меня профессор Вагнер! — со

смехом ответил Дашкевич и быстро прошел в свою комнату.

— Скверно! — тихо сказал Пронин. — Если Вагнер не помог, то Дашкевичу не выжить...

Мы углубились в работу. Вдруг дверь из комнаты Дашкевича открылась и из нее вышел он сам, но... в каком виде! Он был в спортивном бескостюме. Весь красный, словно только что парился в бане до седьмого пота, Дашкевич быстро прошел через комнату, не обращая на нас никакого внимания, открыл дверь... и вышел на сорокаградусный мороз.

Это было нелепо, неожиданно и страшно. Поступок Дашкевича был равносильен самоубийству. В несколько минут он отморозит себе руки и ноги и смертельно застудит легкие. Бедный Казя, он мог совершить это только в бреду! Однако что же мы сидим? Надо бежать на помощь, пока не поздно! Я быстро поднялся и начал надевать свою доху. От волнения никак не мог попасть рукою в рукав. Пронин уже оделся и помог мне.

— Скорей, скорей!

Мы выбежали за дверь.

Стояла светлая лунная ночь. От дома дорога шла вниз, к небольшому озеру, из которого мы брали себе воду. На этой дороге мы увидели необычайный феномен.

По дороге медленно катился огромный шар из клубов пара. На морозе пар превращался

в иней, который составлял как бы внешнюю подвижную оболочку шара. Лунный свет отражался на сверкающих кристаллах инея и давал радужные ореолы. Позади шара тянулся хвост из снежных хлопьев. Можно было подумать, что по дороге катится маленькая планетка, упавшая с неба вместе со своим атмосферным одеянием. Но мы сразу поняли, что это за планетка: странный феномен оставлял на снегу ясные и довольно глубокие оттиски босых человеческих ног. Это шел наш Казя, окутанный облаком пара, который валил от его разгоряченного лихорадочкой тела.

«Быть может, это пар, — думал я, — несколько охраняет тело Дашкевича от жгучего действия холода, совершенно так же, как атмосфера охраняет Землю от действия абсолютного холода межзвездных глубин. Но надолго ли Казе может хватить его внутреннего тепла? Оно улетучится из его тела прежде, чем Казя дойдет до озера».

— Казя! Казя! Остановись! — кричали мы, преследуя облако, катящееся по дороге.

Самого Казю мы не могли рассмотреть в этом облаке пара.

Дашкевич ничего нам не ответил, но ускорил шаги. Маленькие снежные вихри закружились за ним. Он уже подбежал к берегу озера, ступил на лед, остановился и вдруг отчаянно закричал. Над местом, где он стоял, поднимался

целый столб пара. Мы побежали на крик, вошли в молочный пар и осторожно, ощупью пробрались к тому месту, откуда слышался голос Дашкевича. Голос этот доносился снизу.

— Черт возьми, лед растаял под ногами! — кричал Казя. — Я провалился и теперь не могу выбраться. Когда я хватаюсь за край льда, лед тает и превращается в воду...

Я разглядел смутное пятно Казиной головы и схватил наугад руку. Да, это была рука, если только я не схватился за горящую головню: жар этой руки ощущался даже сквозь мою меховую рукавицу. «Однако какова же должна быть температура его тела?» — с удивлением подумал я.

Мы вытащили нашего друга на берег. Из ледяной ванны на сорокаградусный мороз! Но несчастный Казя в бреду и огне лихорадки не чувствовал холода и опасности. Он встряхнулся, как медведь, вылезший из воды, и побежал от нас вдоль озера. Ему легко было бежать. Он бежал по утоптанной дороге со скоростью собаки, мы в наших меховых костюмах не могли догнать его. Скоро блестящий шар нашего «парового» друга сверкнул на бугре и скрылся.

Что делать? Бежать следом за Дашкевичем? Но мы не могли надолго оставить радиостанцию. В нашей работе и так произошел перерыв. Мы решили, что один из нас должен отправиться работать, а другой займется поисками

ми сбежавшего больного. Но так как Дашкевич был сильнее каждого из нас в отдельности, то мы решили пригласить на помощь профессора Вагнера. Пронин поспешил на радиостанцию, а я помчался к Вагнеру.

— Что вы сделали с нашим другом? — спросил я Вагнера.

Профессор посмотрел на меня одним глазом и ответил, не отрываясь от лампового передатчика:

— Я ничего ему не сделал плохого. А что наш больной? Как он себя чувствует?

— Сбежал! — поспешно ответил я. — Сбежал, когда у него, вероятно, не менее сорока градусов температура. Голый сбежал!

Профессор Вагнер улыбнулся.

— Хорошая штука? — спросил он, указывая на аппарат. — Такой конструкции вы еще не встречали.

Аппарат был действительно занятный, но мне было не до него.

— Коротковолновик? — небрежно спросил я и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Послушайте, профессор, оставьте ваши опыты и помогите мне поймать и вернуть нашего убежавшего друга, пока он не погиб окончательно.

— При обычном порядке вещей, — ответил Вагнер, не двигаясь с места, — товарищ Дашкевич должен был давно погибнуть. И нам оставалось бы только разыскивать его мертвое об-

леденевшее тело. Но так как товарищ Дашкевич чувствует себя превосходно...

— Откуда вы это знаете?

— Из ваших же собственных слов. Ведь Дашкевич не погиб, даже покупавшись в озере. Он дышит парами, как паровоз, и гуляет в трусиках за Полярным кругом, как будто он на пляже в Крыму. Не беспокойтесь о вашем Казе, садитесь вот сюда и слушайте. Ведь вы сами спрашивали, что я сделал с Дашкевичем.

— Но, профессор, теперь не время...

— Самое время! Садитесь же. Уверяю вас, что с Казей ничего плохого не случится. Опыт удался.

— Опять опыт? — удивленно спросил я.

— Ну, разумеется.

Вагнер неожиданно сжал мою руку у локтя. Я вскрикнул.

— Больно? Я так и думал. У вас болят суставы, когда вы работаете с регенеративным приемником. Чувствуете повышение температуры. Ну, открыли радио, но еще совершенно не изучили характера этого зверя. То, что мы знаем о радио, это еще только детский лепет. Наши знания и область применения радио расширяются с каждым днем. Вы знаете, что короткими волнами сейчас начали пользоваться врачи для лечения некоторых болезней, искусственно поднимая радиоволнами температуру тела больных. И вот мне пришла в голову

мысль: а почему бы не отапливать искусственно человеческое тело при помощи коротких радиоволн?

— Но ведь человеческое тело естественно отапливается, — сказал я.

— Да, но этого недостаточно. Здоровый человек обладает автоматическим изменением температуры всего в пять-семь десятых градуса в продолжение суток. На болезнь организм человека реагирует повышением или понижением температуры на два-три градуса против нормы. Крайние пределы колебаний составляют всего шесть-семь градусов.

— Устойчивость нашей температуры — большой прогресс, — сказал я. — Не потому ли вымерли многие крупные животные, что они были холонокровными, — их кровь имела почти одинаковую температуру с окружающим воздухом?

— Моя мысль не противоречит вашей. Выслушайте меня до конца. Вы знаете, каковы крайние температурные пределы жизни человеческих организмов. Простейшие организмы переносят очень низкие температуры и могут быть возвращены к жизни. Без особой погрешности можно сказать, что даже стоградусный холод не является вполне смертоносным для живых существ. Жар как будто переносится труднее: при температуре свыше пятидесяти пяти градусов Цельсия белки свертываются. Но обезво-

женные белки, например куриный, могут переносить температуру даже в сто шестьдесят — сто семьдесят градусов выше нуля. Так вот я поставил себе задачей расширить пределы колебаний температуры человеческого тела, подчинить эти колебания воле человека и, конечно, сделать их безвредными для организма. Каждое теплокровное животное имеет свою более или менее постоянную температуру: у человека она равна 37° , у обезьяны — 38° , у лошади — 39° , у быка — $39,7^{\circ}$, а у голубей и кур даже $42,5^{\circ}$. Это постоянство имеет свои неудобства, и человек должен преодолеть их. Биологический прогресс не закончен. Человеческий организм должен выработать в будущем идеальный регулятор температуры.

Мы не знаем, какова была температура тела пещерного человека, но она была, конечно, выше, чем у современного человека. Теплые жилища и костюмы еще более способствовали понижению температуры тела. Это уже прогресс. Человек должен обладать идеальным отоплением тела. И тогда климат не будет иметь для него никакого значения. Такой человек-термо будет в состоянии отправиться в спортивных трусиках на Северный полюс, не ощущая никакого холода, а на экваторе он будет прохлаждаться в знойных песках пустыни. Вы понимаете, какие перспективы это откроет для человечества! Домов не нужно будет строить. Одежды не надо.

Жилищного кризиса не существует. Вы можете спать на ледяном поле даже без рубашки...

— Но я могу растопить свою «кровать» и провалиться в воду, как это было с Дашкевичем.

Вагнер внимательно выслушал мое замечание.

— Необходимо, — сказал он, — обуваться в туфли или галоши, чтобы не проваливаться.

— Значит, без наряда все-таки не обойтись?

— Впоследствии можно будет регулировать температуру отдельных частей тела. Ведь и сейчас у нас не все части тела обогреваются одинаково. Концы ног могут быть холодными, а туловище — горячим.

— И вот таким человеком-термо вы сделали Дашкевича?

— Не совсем. Самопроизвольное регулирование температуры тела — это дело очень отдаленного будущего. Дашкевича я сделал искусственно человеком-термо, повышая его температуру при помощи коротких радиоволн. В этом нет еще ничего необычного. Радиоволны сами повышают температуру тела даже тогда, когда мы не желаем этого. Моя задача сводилась к тому, чтобы найти средство расширить границы изменения температуры, не причиняя организму вреда. Вы видели Дашкевича. Как он себя чувствует?

— По-видимому, хорошо. Но он очень усиленно, часто и глубоко дышит. И от него валит

такой пар, словно он из жаркой бани выбежал на морозный воздух.

Вагнер кивнул головой.

— При повышении температуры тела и при охлаждении тела действием наружного воздуха потребление кислорода увеличивается. Дашкевичу приходится усиленно работать легкими, чтобы снабжать клеточные ткани кислородом. Но одними легкими трудно доставить организму нужное количество кислорода, и на помощь приходит дыхание кожи. Ведь она тоже дышит всеми пятнадцатью тысячами квадратных сантиметров своей поверхности. Вот почему Дашкевич отправился на прогулку голым: мороз не страшен ему, а обнаженное тело лучше может справиться с кожным дыханием. И, судя по выделяемому Дашкевичем пару, он дышит кожей великолепно. Все в порядке. Не хотите ли последовать примеру Дашкевича? Я могу и из вас сделать «теплого парня» — человека-термо, и вы отправитесь на поиски вашего друга в купальном костюме, только в галошах и с одеялом под мышкой. О питании вы можете не заботиться. Вам не надо будет варить пищу: ваш желудок будет иметь достаточную температуру, чтобы в лучшем виде сварить сырую и даже мороженую рыбу. Вам нужно будет заботиться только об одном — чтобы идти в полосе радиоизлучения. Я буду действовать направленными радиоволнами. Можете взять с собою компас.

Я укажу направление. Желаете проделать опыт? Уверяю вас, вы не подвергнетесь никаким неприятностям. Вам необходимо будет только приготовить свой организм. Я введу вам в кровь изобретенный мною раствор солей. Согласны вы на это?

— Да, но мне скоро надо сменять Пронина.

— Я подежурю за вас на радиостанции. Не беспокойтесь. Мы с Прониным справимся, а вы отправляйтесь за Дашкевичем. Вам не трудно будет найти его, так как, подобно вам, он не будет выходить из полосы радиоизлучения. Повторяю: Дашкевичу мороз не страшен, и ваш друг не простудится, но все же я буду спокойнее, если вы найдете его и приведете домой. Он ушел без оружия. На него могут напасть медведи, их немало шляется в здешних местах. Так по рукам?

Через несколько минут я уже стоял в трусиках посреди комнаты.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Вагнер.

— Как будто мое тело начинает наливаться огнем. Ужасно жарко!

— Привыкнете. Дышите глубже и чаще. Это у вас скоро войдет в привычку. Сердце? Дайте послушаю. Пульс? Сто. Теперь это нормально. Я вам до двухсот его догоню. Уж поистине небу жарко станет! Ну, марш! Отправляйтесь!

Вагнер широко открыл дверь, впустив клубы

холодного пара. Мне было немного жутко, но я поборол нерешительность и вышел на улицу. И тотчас же пар окутал меня.

— Я ничего не вижу, — сказал я, беспомощно поворачиваясь.

— Когда вы пойдете, пар не будет вам мешать, — сказал Вагнер. — Добрый путь!

С одеялом под мышкой, в резиновых галошах я пошел по дороге, поглядывая на компас, поднесенный к самым глазам. По всему моему телу и по лицу струился горячий пот.

Собаки нашего маленького поселка, увидав странное зрелище, отчаянно залаяли и затем в паническом ужасе убежали от меня. «Если и звери будут так же бояться меня, это неплохо», — подумал я, спускаясь к озеру.

Луна уже несколько дней не заходила за горизонт, она кругами ходила по небу, наполняя призрачным светом полярную ночь. Вагнер был прав: когда я шел, пар не очень мешал мне видеть. Я следил за отпечатками ног Дашкевича на льду вдоль берега озера. Бедный Дашкевич! Ему без галош, вероятно, нелегко ходить. Там, где он останавливался, следы углублялись: горячие ноги расплавляли лед. И Дашкевичу приходилось идти, не останавливаясь по крайней мере над озерами и реками.

Странное дело: я не прошел и часа, как почувствовал адский голод и жажду. Благодаря высокой температуре в моем организме проис-

ходило усиленное сгорание, и организм требовал топлива, то есть еды. Да, я мог не беспокоиться о приготовлении горячей пищи: мне было достаточно сырой рыбы.

Я сошел на озерный лед, расстелил одеяло, лег и положил руку на лед. Скоро лед начал таять, а рука все глубже уходила в лед. Мне пришлось опустить руку почти до плеча, прежде чем пальцы коснулись воды. К проделанной мною отдушине скоро приплыло множество рыб. Я прямо хватал их руками и поедая сырым. Никогда в жизни я столько не ел. Удивительно, как только мог выдержать мой желудок!

И я пил, пил без меры. Но этому не приходилось удивляться. Я читал, что человек под тропиками, работая на солнце, выделяет в сутки до двенадцати литров воды и таким образом освобождает количество тепла, достаточное для нагревания шести тысяч пятисот литров воды на один градус. Некий естественный регулятор тела, очевидно, путем выделения воды пытался понизить температуру до нормальных тридцати семи градусов. Усиленное же выделение пота вызвало повышенную жажду.

Насытившись и напившись, я пошел дальше, но скоро опять почувствовал голод и жажду, снова принялся за рыбную ловлю, съел вдвое больше прежнего и выпил чуть ли не пол-озера. Я сделался прожорлив, как выхухоль, съедающий каждый день столько пищи, сколько весит

его тело. Интересно, чем питался Дашкевич, который должен был обладать таким же чудовищным аппетитом, как и я? Дашкевич не имел галош и одеяла, как мог он ловить рыбу? Однако скоро я заметил яму на берегу и дыру, уже полузамерзшую, в озерном льду. Очевидно, осторожный Дашкевич расплавлял снег и лед до земли и осторожно подползал к краю берега. Да, ему было трудненько добывать пищу. Надо поспешить к нему на помощь.

Я быстро шел вдоль озера. Следы босых ног Дашкевича были ясно видны. Он, как и я, шел по компасу. Луна светила ярко. Она медленно продвигалась на небе, делая круг над моей головой, словно желала посмотреть со всех сторон на необычайное зрелище — катящийся по земле паровой шар.

Кругом было пустынно и тихо. Только мое шумное дыхание нарушало тишину, как тяжелые вздохи паровоза на одинокой заброшенной степной станции.

Ледяная равнина тянулась без конца, а Дашкевича все не было видно. Я начал уставать, и мне хотелось спать. Судя по положению луны, уже давно наступила полночь. Надо было думать о ночлеге. Я шел, выбирая подходящее местечко. На севере горизонт потемнел. Оттуда шла туча. И звезды при ее приближении словно падали в огромный черный мешок и исчезали. Вот черный бредень тучи собрал звезды с пол-

неба и подобрался к луне. Еще немного, и луна оказалась проглоченной темной пастью тучи. Настала тьма.

Пошел снег. Но, попадая на горячую паровую оболочку, окружавшую меня, хлопья снега превращались в капли дождя, и они падали на мои обнаженные плечи и спину, как на раскаленную плиту, и превращались в пар, а с ног стекали на землю горячим потом. Да, как это ни странно, находясь за Полярным кругом в студеную зимнюю ночь, я попал под влажный тропический ливень. Но этот ливень существовал только для меня. Кругом бушевала метель.

И как это бывает на севере, когда небо покрывается тучами, воздух потеплел. Температура с сорока градусов ниже нуля поднялась, вероятно, до пяти ниже нуля. Я же испытывал настоящую жару. Я не мог еще регулировать свою температуру. Короткие радиоволны нагревали меня так, что я чувствовал себя, как в жгучий полдень под экватором. Капли дождя нагревались, прежде чем достигали моего тела, и не могли охладить ужасного жара. Я несколько раз бросался на землю, чтобы охладиться, и чувствовал, как погружаюсь в снег, который буквально плавился от моего разгоряченного тела.

Наконец снежный буран прекратился. Черный бредень тучи начал обратно вытряхивать звезды. Скоро выглянула луна. Я оглянулся назад

и увидел сверкающую на пушистом снегу ледяную полосу, которую оставил замерзавший позади меня дождь, стекающий с моего тела.

Пора отдохнуть. Я разложил на снегу одеяло — оно было влажное от дождя — и растянулся на нем. Но я не рисковал простудиться, одеяло начало быстро высыхать, лишь только мое тело прикоснулось к нему; от одеяла пошел пар, как от влажного белья, которое гладят слишком горячим утюгом.

Я крепко уснул. Открыв глаза, я ничего не увидел: очевидно, тучи вновь затянули небо. Однако такой черной, непроницаемой темноты я еще никогда не видел. Внимательно осматриваясь, я, наконец, заметил звезду над самой моей головой. Что за странность! Как будто тучи покрывали все небо за исключением маленького кружочка в зените. Я быстро поднялся и пошел вперед, но тогда ударился о ледяную стенку. Повернул в сторону, сделал несколько шагов — опять стенка. Это было непонятно. Я хорошо помнил, что уснул на совершенно ровном и открытом месте, а теперь я находился в какой-то ледяной пещере.

Я пошел назад и упал в яму, которая находилась посреди пещеры. Дойдя до стен, я обошел вокруг. Стены были гладкие, ледяные и нигде не имели выхода. Ледяной пол пещеры имел покатость к центру и в центре — большую впадину. Вся пещера имела вид полушария с

небольшим отверстием в потолке. Быть может, это жилище каких-нибудь местных жителей, которые нашли меня на льду и принесли к себе в юрту. Но эта юрта не имела ни дверей, ни окон, и притом в ней никого не было, кроме меня.

Каким образом я попал сюда? Единственно только через отверстие в потолке. Оно находилось над моей головой на высоте четырех метров. Удивительно, как я не расшибся, если меня сбросили оттуда! Да, я в ловушке. В этой мышеловке я умру с голоду, если не выберусь отсюда. Но как? До дыры в потолке не дотянуть. Стены? Я постучал в стены. Они, видимо, были очень толсты. Непонятная история! Я сел на землю и начал тереть себе лоб. Подо мною не было одеяла, и я чувствовал, как мое тело медленно погружается в таявший подо мною снег. Внезапно я хлопнул себя по голове и расхохотался.

Ну да, конечно! Все очень просто. Я сам засадил себя в эту тюрьму. Когда я уснул, мое горячее тело растопило снег вокруг меня. Несмотря на одеяло, я медленно погружался в снег, пока не оказался лежащим на каменистой почве, как бы в центре воронки. Пар, выходящий из моего тела, смерзался и падал вокруг меня инеем, образуя ледяное кольцо. Оно постепенно нарастало, превращалось в стенку, которая замкнулась свеху сводом. Горячее ды-

хание пробило в этом своде дыру совершенно так же, как в берлоге медведя, засыпанного снегом. Я оказался в центре ледяного купола. От теплоты моего тела стенки этого полушария подтаивали внутри и наращивались снаружи инеем, в который превращалась теплота, выходящая из отверстия.

Это, однако же, удивительно! Я спокойно уснул на голой ледяной равнине, а проснулся в собственном ледяном доме, таком прочном, что ни один медведь не проникнет в него. Дом, который вырос самостройкой. Это очень удобно. К сожалению, архитектор не предусмотрел устройства двери. Впрочем, это дело поправимое.

Я подошел к ледяной стене самостройного дома и, согнув голову, прижал ко льду темя. От стенки повалил пар, и на землю потекла вода. Лед быстро таял. Скоро я почувствовал, что голова моя прошла сквозь стенку. Окно было готово. Я крутил головой, расширяя дыру, затем втянул голову назад и посмотрел наружу.

Передо мной была все та же снежная бесконечная равнина, залитая лунным светом. Я повернул голову налево, направо. Вдруг увидел невдалеке белого медведя. Нет, это медведица с двумя медвежатами.

Медведица подняла голову и расширенными ноздрями втягивала пар, выходящий из сделанного мною окна. Теплый мех и толстая шку-

ра, очевидно, не предохраняли медведей от действия направленной короткой радиоволны. От медведицы и медвежат валил густой пар. Звери испытывали непривычное и, видимо, неприятное чувство жара. Они мотали головой, тыкались носом в снег, поднимались на задние лапы и махали передними, как бы обдувая себя, потом вдруг валились на землю и начинали кататься в снегу. Медвежата ревели таким густым басом, какого нельзя было ожидать от младенцев их возраста, хотя бы и медвежьего происхождения.

Вся почтенная семья, видимо, была очень голодна. И я был голоден не меньше их. Мы с большим аппетитом смотрели друг на друга. Я хотел пообедать медвежатиной, они — человечесиной. Ледяная стена разделяла нас, и мы могли только облизываться, глядя друг на друга. Пар, исходящий от моего тела, вероятно, был необычайно приятен для обоняния медведицы. Она поднялась на задние лапы и всунула морду в окошечко. Я схватил ее за нос. Медведица заревела, отшатнулась от окна, но не убежала. Столь не деликатное обращение раздражило медведицу, а известно, что всякое раздражение у несложных натур только возбуждает аппетит. Плотноядно поглядывая на меня, медведица засунула лапу в окно и начала ломать стенку. Лед был довольно толстый, стена не легко поддавалась, однако кусок за куском

отлетал под могучими ударами, и дыра расширялась.

Дело принимало для меня скверный оборот. У медведицы было гораздо больше шансов победить мною, чем у меня — полакомиться медвежатиной. Надо было подумать о бегстве. Я подошел к противоположной стене и начал протавить вторую дыру. Работа моя продвигалась довольно успешно, но и медведица не теряла времени даром. Она работала уже двумя лапами. Еще немного, и дыра расширится настолько, что медведица в состоянии будет проникнуть в домик. И тогда конец...

Еще одно усилие, и моя голова вынырнула за стенку. Теперь надо расширить дыру. Я приложился плечами к ледяной стенке. Готово. Можно вылезать.

Но не успел я и наполовину продвинуться, как невольно вскрикнул и втянулся назад: передо мною стояла медведица. Хитрое животное поняло мой маневр. Медведица, видя, что я вылезаю из домика, обежала вокруг и встретила меня оскаленными зубами.

Когда лакомый кусок уходит из-под носа, нос, естественно, следует за лакомым куском. Медведица попыталась последовать за мной. Но дыра была для нее узка, и медведица, всадив в дыру с разбегу голову и правую лапу, завязла в окне. Временно она была лишена свободы. Этим надо было воспользоваться. Я выбрался

наружу через первое оконце, расширенное медведицей, и побежал.

Нет, я не бежал, я летел со скоростью штормового ветра в десять баллов. Луна хорошо освещала мне путь. Я бежал по гладкой ледяной дорожке, оставленной дождем, стекавшим с моего тела во время снежной бури. Однако эта дорожка скоро кончилась, и я побежал целиной.

Я оглянулся назад. Далеко позади двигалась черная точка, а за нею — две поменьше. Медведица высвободилась из своего капкана и догоняла меня со своими медвежатами. Теперь шло состязание на скорость, а ставкой была сама жизнь. Успею ли я добежать до дому?.. Время от времени я оглядывался и с ужасом замечал, что преследовавшие меня точки все увеличивались. Скоро я уже мог различить фигуры белой медведицы и ее детенышей. От быстрого бега я задыхался. К тому же я давно не ел и ослаб от голода. Но страх придавал мне силы. Я уже приближался к озеру, находившемуся недалеко от нашего дома.

Если пересечь небольшой залив, то можно сократить путь. Но на беду во время этого бешеного бега я потерял галоши. Бежать же без галош через озеро по льду было очень опасно: я мог провалиться, как Дашкевич. И я решил свернуть в сторону. Но не успел я отбежать и десятка метров, как почувствовал жгучую

боль в правой руке. Боль и ожог. Я не мог понять, в чем дело, и продолжал бежать. Еще несколько шагов направо, и меня охватил ледяной холод. Невольно я свернул влево, и опять благодетельное тепло разлилось по всему телу.

Несколько раз повторялось это ощущение. Когда я выбегаю из луча радиоволны, температура моего тела понижается до нормальной, и я начинаю испытывать окружающий холод. Температура же воздуха, должно быть, не менее тридцати градусов ниже нуля. Для голого человека — не шутка!

Я принужден бежать по прямому направлению. Но это прямое направление ведет меня через озерный лед. Я оглянулся назад. Пока я остановился и размышлял, медведица успела значительно нагнать меня. Она бежала ровной переваливающейся иноходью, как будто небыстрой, но очень спорой.

Я вновь пустился бежать. Вот и лед. Если бежать очень быстро, он не успеет подтаять. Бегу. Твердый лед под моими ступнями превращается в мягкую патоку. Нога уходит в жижу, затрудняя бег. Несколько раз ноги мои увязали по щиколотку. Хорошо еще, что лед толстый... А медведица приближается.

Теперь я бегу почти наравне с медведицей. Вот она обгоняет меня. Пересекает прямую линию между мною и домом. Я отрезан... Медведица приближается ко мне. Я бросаюсь в сто-

рону и кричу, кричу во всю силу легких. Бегу по снегу зигзагами, поднимаясь по склону холма, на котором стоит наш дом. Медведица бежит за мной. Я принужден отклониться от прямого пути. Жгучий холод схватывает раскаленными щипцами мое тело. Но я бегу, бегу, задыхаясь, стуча зубами и дрожа всем телом. Я слышу за собой тяжелые шаги медведицы. Еще одно усилие... Бр!.. Как холодно! В нескольких шагах от дома я попадаю в горячую струю радиоволн... Дверь. Только бы она не была закрыта изнутри!.. Медведица возле меня. Она поднимается на задние лапы и хочет крепко обнять меня, как дорогого друга. Я открываю дверь и вбегаю в комнату. Падаю на пол и теряю сознание...

Медведица, очевидно, не тронула меня, потому что я слышу, словно сквозь сон, голоса профессора Вагнера и Дашкевича, который, наверно, вернулся раньше меня.

— Такого рода заболевание, конечно, не может быть вызвано действием коротких радиоволн, — говорит профессор. — Товарищ Рубцов простудился. Ого! Сорок и три десятых.

«Как мог я простудиться? — думаю я. — Конечно, только выйдя из сектора направленной радиоволны. В этом главное неудобство искусственного отопления человеческого тела. Когда люди научатся произвольно регулировать свою температуру без внешних воздействий, тогда

действительно можно будет безопасно гулять в костюме Адама вдоль Полярного круга».

(Рассказ записан со слов т. И. И. Р., недавно прибывшего с Новой Земли. Ответа от профессора Вагнера по поводу этого рассказа еще не получено.)

КОВЕР-САМОЛЕТ

Впервые я узнал о профессоре Вагнере много лет тому назад. В одном журнале, который теперь трудно разыскать, я прочитал забавную историю — «Случай на скачках».

На Московском ипподроме был большой день. Афиши оповещали о «грандиозной программе», о высоких денежных призах и драгоценных призовых кубках, об участии в скачках лучших лошадей, наездников, русских и иностранных, о встрече мировых чемпионов. Скопление публики было необычайное. Завсегдатаи бегов и скачек указывали новичкам на знаменитых наездников и красивых, выхоленных до блеска призовых лошадей, называли их звучные имена, вспоминали их родословную, победы, рекорды, резвость, имена владельцев и заводчиков — словом, все, что может интересовать завязанного поклонника тотализатора.

И вдруг среди блестящих, гордых своею красотой представителей лошадиной аристократии кто-то заметил старую клячу. Она была так необычайно худа, что можно было легко пересчитать у нее все ребра. Разбитые ноги опухли в коленных суставах и искривлены. Голова печально опущена, нижняя отвисшая губа шевелилась, словно кляча шептала, жалуясь на свою судьбу. На кляче восседал никому не известный мальчик-жокей, босоногий, в красной ситцевой рубашке. Чьи-то зоркие глаза заметили, что мальчик привязан к лошади.

Скоро ужасную клячу, словно сбежавшую с живодерни, увидали и другие зрители. Люди смеялись, удивлялись, спрашивали, негодовали. Как могла попасть сюда эта лошадь? Кто допустил такое неслыханное издевательство? Какому безумцу принадлежит она? Смотрите: она дерзко становится в первый ряд с лучшими скакунами мира... Человек в цилиндре машет флажком. Медные трубы полкового оркестра блестят на солнце и сотрясают воздух звуками марша. Старт дан, и... тут начинается самое необычайное, фантастическое...

Мальчик-жокей в красной ситцевой рубашке низко наклоняется к спине лошади и крепко сжимает рычажок на луке седла. В тот же момент кляча начинает с такой быстротой передвигать ноги, что кажется фантастической сороконожкой, несущейся вихрем по ипподрому.

Не успели лучшие призовые лошади отойти от стартовой линии на три-четыре корпуса, как страховидная кляча обежала круг, разорвала грудью ленту у финиша, не останавливаясь, пронеслась по кругу еще два раза и, наконец, остановилась как вкопанная, низко опустив голову с отвисшей губой; при этом что-то несколько раз хлопнуло, как хлопушка. Кляча выиграла, и владелец ее должен был взять головукружильный приз.

Минуто тысячи зрителей находились в оцепенении, а в следующую ипподром превратился в клокочущий вулкан. Люди обезумели, кричали, размахивали руками, истерически визжали. Вокруг клячи быстро собралась горланящая толпа. Слышались негодующие крики:

- Обман! Жульничество! Долой!
- Смотрите, под брюхом мотор...
- Величиной с сигарную коробку...
- И тонкие рычаги прикреплены к ногам.
- Кто собственник этой клячи?
- Убить! Растерзать его! Где он?
- Вот он, в панаме... изобретатель Вагнер...
- Хоть и физик, а жулик. Бей его!..
- Господа! — старался перекричать толпу человек в панаме. — Успокойтесь. Я не ставил на свою клячу. Я не собирался обыгрывать вас... Я хотел только...

Крики негодования заглушили его голос. Над панамой поднялись кулаки, зонты, трости. Не-

известно, чем это кончилось бы, если бы Вагнер не поднял ярко сверкнувший на солнце шар величиной с бильярдный.

— Бомба! — взвизгнул он. Толпа в ужасе ша-рахнулась. Изобретатель исчез.

Таково было событие, описанное в журнале. Я заинтересовался Вагнером, разыскал его и, познакомившись, заговорил о случае на ипподроме. Молодой изобретатель безнадежно махнул рукой.

— Моя очередная глупость. Чепуха. Сколько раз я зарекался «не той улицей ходить» — не расшибать лбом стену. И вот очередная шишка... — И он потер лоб, на котором в самом деле была шишка. — Донкихотство.

— Могло быть хуже, — рассмеявшись, сказал я. — Вас спасла находчивость. Но о какой стене и о каком донкихотстве вы говорите?

— О стене косности, тупости, консерватизма нашего правительства и нашей общественности. Мы безнадежно отстали в технике от Европы и Америки. Мы еще с сохой не расстались. Основой нашей энергетики до сих пор являются натуральные лошадиные спины. От всего этого можно прийти в отчаянье. Не могу я с этим примириться, ну и до сих пор донкихотствую. Пользуюсь каждым удобным и неудобным случаем, чтобы убедить этих людей в том, что маленький мотор может быть сильнее большой лошади, что самодвижущийся экипаж перего-

нит любого рысака. — Глаза Вагнера насмешливо прищурились. — Эта кляча, которую вы видели, не живая, это автомат, механическая игрушка. Они даже не заметили этого. Увидели только моторчик и рычаги. Не правда ли, хорошо сделано? — весело спросил он, увидев на моем лице изумление, смешанное с восхищением. Вслед за этим он вздохнул. — Мне не удалось даже объяснить. Они помешаны на деньгах, на тотализаторе... Негодяи! Они заподозрили даже, что я хотел просто обыграть их. Однако перевернем эту печальную страницу и поскорее забудем о ней, — сказал Вагнер уже с обычным своим добродушием. — Меня занимает сейчас одна увлекательная идея... одно изобретение... — И он снова потер шишку на лбу.

— Это вас на ипподроме так разукрасили? — спросил я.

— Да... нет, это я сам себя. Одна идея голову распирает, и вот шишки. На лбу и на затылке. Заходите почаще, гостем будете.

Я воспользовался этим приглашением, зачастил к Вагнеру и каждый раз заставлял его с новой шишкой на голове и ссадинами на руках. «Идея», как болезнь, выходила наружу. Вагнер отделялся шутками и не открывал истинной причины этих ранений. Однажды он встретил меня с забинтованной головой и перевязанной правой рукой. Весело улыбаясь, он подал мне левую руку и сказал:

— Идея созрела. Да, мне кажется, пора снимать урожай.

— Не подождать ли, пока можно будет снять бинты? — участливо спросил я.

— Пустяки. Если вы мне поможете... Отлично. Я и не сомневался в вас. Так вот, приезжайте ко мне на дачу завтра же, и вы увидите... Да вы сами увидите, что увидите... — и Вагнер хитро прищурил правый глаз — левый был забинтован.

На другой день рано утром я сошел с поезда на заброшенном полустанке и зашагал по пустынной проселочной дороге. Кругом ни дач, ни леса. Довольно унылое, пустынное местечко. На горизонте серые крестьянские хаты — деревня Колодези — цель моего путешествия. В деревне действительно было немало колодцев с высокими журавлями. Примета: возле самого высокого журавля, в «чистой» половине крестьянской хаты, поселился Вагнер. Он встретил меня уже без бинтов, угостил крепким чаем со сливками и ржаными лепешками с маслом и сказал:

— Ну-с, если вы не устали, идемте.

Изобретатель взял со стола небольшой чемодан, в сенях захватил весло, две удочки и вышел на пыльную улицу.

— А удочки и весло зачем? — удивленно спросил я.

— Маскировка, — подмигнул мне Вагнер. —

Чтобы за нами не увязались любопытные, увидав, что люди с чемоданами идут не к станции, а в поле. А так все решат, что мы отправляемся на рыбную ловлю.

У меня насчет этой маскировки было особое мнение: если что и могло возбудить любопытство туземцев, так это именно удочки. Мне было хорошо известно, что на три десятка километров вокруг не было ни реки, ни озера, где бы водилась рыба. К счастью, деревня словно вымерла — все были на полевых работах. Нам встретилась только одна древняя старушка, выползшая погреться на солнце. Увидев удочки, она долго провожала нас удивленными глазами, приоткрыв беззубый рот.

Мы вышли за околицу и бодро зашагали к так называемому старому полигону, отстоящему километра на четыре от деревушки. Здесь когда-то были военные лагеря. Огромное поле, поросшее сорняками, с одной стороны было огорожено покосившимся старым забором, с другой — замыкалось земляным валом. Возле забора и за ним возвышались огромные кучи сухого конского навоза. Вагнер остановился возле этих «авгиевых конюшен», бросил удочки и уселся на чемодан. Он всю дорогу хранил молчание. Я сгорал от любопытства, но не спрашивал, зная, что скоро Вагнер сам откроет мне свою тайну. И вот этот момент наступил... Начало было неожиданное.

— Как вам кажется, хорошо ли сделан человек? Мне кажется, плохо. Хуже блохи. Вы смеетесь? Напрасно. Блоха — ничтожное насекомое. Так. А прыгает она в десятки и сотни раз выше своего роста. Человек же — венец мироздания — прыгает в высоту на два метра и в длину на три-четыре метра, самое большее. Разве это не оскорбительно для человеческого достоинства?

— И вы решили исправить эту несправедливость природы? — спросил я Вагнера, начиная догадываться.

— Да, я смею думать, что мне удастся исправить эту недоделку. Человек научился переплывать океаны, подниматься в воздух, кататься на коньках, ходить на лыжах, влезать на гладкие телеграфные столбы. Почему бы ему не научиться прыгать по-блошиному, если не в сотни, то хотя бы в десятки раз выше и дальше своего роста? Каким образом? Пользуясь мускульной силой рук и ног и небольшим приспособлением.

Вагнер открыл чемодан и вынул оттуда четыре пружины, несколько напоминающие матрачные. Пружины были прикреплены к дощечкам, на дощечках имелись ремни. Две пружины были большие — для рук, — объяснил изобретатель, — и две поменьше — ножные. Вагнер быстро привязал ремнями дощечки с пружинами к ногам и попросил меня, чтобы я помог привязать пружины на руки.

— Все это пока примитивно. Испытание прин-

ципа. Главная трудность — рассчитать равновесие, — говорил он, пока я затягивал ему ремни. — Благодарю вас. Теперь вы поможете мне влезть на забор. Вот нам и весло пригодится.

Новорожденный человек-блоха влез на забор. Вернее сказать, я собственноручно приподнял и усадил его, так как со своими пружинами он был совершенно беспомощен.

— Ну-с, итак, начинаем. Внимание! Раз, два, три!..

Вагнер прыгнул. Пружина на ноге зацепилась за выступающую доску забора, и изобретатель упал боком.

— Первый блин комом, — добродушно сказал он.

— Судя по вашим шишкам и царапинам, это далеко не первый блин, — заметил я.

— На этих пружинах — первый. Последняя модель. Помогите мне, пожалуйста, подняться и снова взобраться на забор.

Это становилось утомительным.

— Итак, начинаем.

— Продолжаем, — поправил я.

— Весь вопрос в том, чтобы удачно прыгнуть на четвереньки. Блохе прыгать легче, у нее шесть ног, — сказал Вагнер. — А ну, гоп!

Уже по тому, как он падал — головою вниз, я угадал, что прыжок снова будет неудачным. И действительно, первый удар — всею тяжестью тела — пришелся на руки. Вагнера подбросило

вверх и назад. Описав дугу, он исчез за забором.

Я нашел незадачливого изобретателя на куче лошадиного навоза. Вагнер лежал на спине и копошился, как жук, который тщетно пытался перевернуться на ноги. К моему удивлению, лицо Вагнера сияло от удовольствия.

— Пружины-то, пружины каковы, а? Как подбросило! На этот раз будет толк.

И, когда Вагнер прыгнул в третий раз, был толк. Даже, пожалуй, больший, чем ожидал сам изобретатель. «Блохе» удалось опуститься на все четыре ноги и сделать прыжок. Вагнер, по-видимому, пустил в ход мускулы ног, так как второй прыжок был выше и дальше. Третий, четвертый еще лучше. И вдруг я услышал взволнованный крик:

— Держите меня! Я не могу остановиться!

Несчастный! Об этом он и не подумал. Я бросился за ним, но куда там! Вагнер, как гигантская блоха, огромными прыжками быстро удалялся от меня. Высокий земляной вал преграждал ему путь. Прыгун не мог повернуть в сторону. Еще несколько прыжков — и Вагнер ударился головой о земляной вал, перевернулся вверх ногами и упал.

— Я не пробил дыры в земляном валу? — медленно, с трудом ворочая языком, спросил меня Вагнер, когда пришел в себя. Он еще мог шутить.

Я не видел Вагнера несколько лет. Неожиданно он сам напомнил о себе, позвонив по телефону. Он приглашал меня к себе на дачу так просто, словно мы расстались с ним только вчера.

«Есть новости. Если позволите, я заеду за вами на автомобиле».

Не прошло и часа, как я уже ехал с Вагнером в его машине по великолепной автостраде Москва — Минск. Внешне Вагнер мало изменился, только борода его стала как будто длиннее и гуще. Он сам правил крытым автомобилем удлиненной, хорошо обтекаемой формы. Машина летела с такой скоростью, что я едва мог различить встречные мосты, красивые гостиницы, стоявшие у дороги в живописных уголках — на лесистых холмах или на берегу реки. После часа такой бешеной езды Вагнер уменьшил скорость, свернул с автострады на хорошую шоссе-сую дорогу, еще с полчаса летел со скоростью пятидесяти километров в час и наконец остановился возле уединенного коттеджа.

— Вот мы и дома.

Мы наскоро позавтракали в уютной столовой с широким венецианским окном. Вагнер неожиданно вынул откуда-то из-под стола массивный бокал и протянул мне:

— Держите!

Я принял бокал и был очень удивлен, не почувствовав его тяжести. Поставил на стол, но не успел разжать пальцы, как бокал взлетел к потолку и там остался. Должно быть, вид у меня был комический, потому что Вагнер рассмеялся и сказал:

— Ну и вид у вас! Хоть на экран. Однако из чего же вы будете пить яблочный сидр? Сами виноваты. Других стаканов у меня нет.

— Вы, может быть, мне все-таки объясните, профессор, этот фокус? — спросил я.

— Я не фокусник и не волшебник, — ответил он, как будто немного обидевшись.

— Бокал был, кажется, металлический. В потолке же, вероятно, был скрытый магнит. Угадал я или нет?

— Все в свое время объяснится. Погода отличная, идемте подышать чистым воздухом. Но прежде я хочу взвесить вас на весах. — Он взвесил меня, зачем-то предложил положить в карман гирьки весом в 1 килограмм 800 граммов и сказал: «Пунктум».

Мы вышли из дому и направились к большому полю, которое виднелось за березовой рощей. Мне показалось, что среди поля находится озеро: между белыми стволами берез я видел блестящую поверхность, и, только подойдя ближе, я убедился в своей ошибке: большая часть поля была покрыта словно блестящим войлоком, ровным и гладким. Издали этот «ко-

вер» с матовым блеском светло-серого цвета был похож на поверхность воды.

Вагнер смело зашагал по «озеру», я совсем несмело — за ним. Посредине «ковра» площадью несколько сот квадратных метров я увидел небольшой крест, как мне показалось. Когда мы подошли к нему ближе, оказалось, что одна «крестовина» представляла собой щель в ковре, а другая — повернутый поперек щели болт, сидящий на стержне. От этого центрального креста расходились во все стороны скобы, несколько напоминающие дверные ручки.

Вагнер повернул болт так, что он стал против отверстия. В то же мгновение я почувствовал, что мы поднимаемся, как на ковре-самолете.

— Держитесь за скобы! — крикнул мне Вагнер.

Я ухватился за ручку, и вовремя, так как наш «самолет» сильно качнуло. К счастью, порывов ветра больше не повторялось, и мы так плавно поднимались, что я не мог отделаться от впечатления, будто не мы идем вверх, а земля, поле, березовая роща, дача Вагнера медленно опускаются.

— Наш ковер-самолет поднимался бы быстрее, если бы не сопротивление воздуха, — сказал Вагнер. Он сидел против меня, держась за скобу, похожую на дверную ручку. Нас разделяла щель, сквозь которую, когда ковер-само-

лет находился на земле, пропускаясь болт, удерживающий самолет от подъема, как якорь.

— Да, наш летательный аппарат не слишком-то обтекаемой формы; по крайней мере при полетах по вертикали, — отозвался я, с трудом заставляя себя говорить: до такой степени ошеломило меня это необычайное приключение.

— Теперь вы не скажете, что над нами магнит, который притягивает нас? — спросил Вагнер, хитро прищурив голубые глаза.

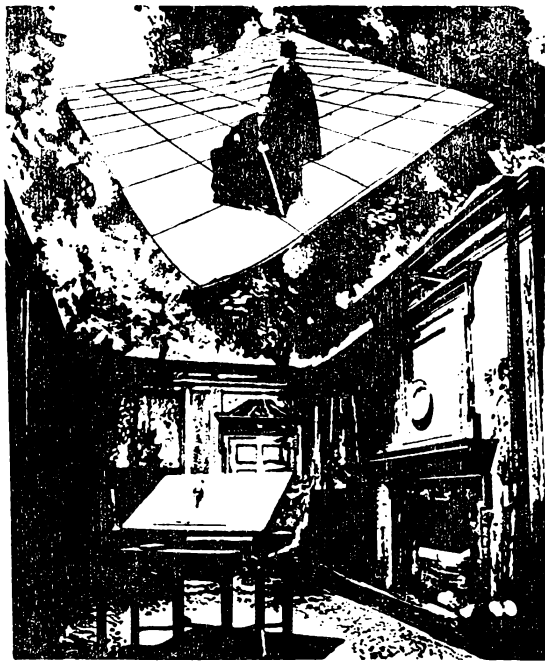
— Увы, это выше моего понимания, — ответил я.

Вагнер громко захохотал.

— Трудная задача, — наконец сказал он. — Вы можете вообразить, что я изобрел какой-нибудь кеворит-экран, защищающий тела от земного тяготения. Но кеворит — чистейшая и неосуществимая фантазия. Вы могли бы вообразить, что я зарядил наш ковер-самолет электричеством, одноименным с земным зарядом, и ковер-самолет отскочил от земли, как бузинный шарик...

— Я ничего не воображаю, — возразил я. — Сейчас меня интересует, как высоко мы поднимаемся. Ведь мы одеты по-летнему, и у нас нет кислородных приборов.

— Можете быть совершенно спокойны, — ответил Вагнер. — Подъемная сила нашего ковра-самолета очень невелика. Его потолок имеет всего две-три сотни метров. Видите, наш подъем

уже замедляется. А когда наступит вечер, температура понизится, влажность воздуха увеличится, и наш ковер-самолет пойдет на снижение. Мой расчет совершенно точен. Пунктум. Недаром я выверил ваш вес. Ну вот. А пока... у нас есть еще много времени, и я могу объяснить вам секрет нашего ковра-самолета... Смотрите, сколько мальчишек сбежалось посмотреть на нас. И откуда только они берутся?.. Кричат, машут шапками...

Нас медленно относило за рошу. Скоро река и толпа ребят на берегу скрылись из виду.

— Так вот, — продолжал Вагнер, — все эти чудеса родились из научных работ над физикой тонких пленок, мало известных широкой публике. Советую вам познакомиться с этим предметом. Коротко говоря, наш ковер-самолет сделан из так называемой твердой пены. Это тело, состоящее из множества ячеек-пузырьков. Сплав магния и бериллия. Размер ячеек меньше одного миллиметра, а толщина стенок — одна десятитысячная миллиметра. Пустоты ячеек заполнены водородом. При толщине стенок — тонких пленок — в одну тысячную миллиметра уже получается невесомый материал, а при толщине в одну десятитысячную, как у нас, металл становится летающим. При известной величине ковра-самолета из такого металла он, как видите, может поднять не только самого себя, но и добавочный груз. Простите, но я сниму бо-

тинки — привык ходить на даче босиком, — прервал он свои объяснения, снял ботинки и поставил возле себя. — Итак, — сказал он... Но в этот момент неизвестно откуда налетел порыв ветра, наш ковер-самолет качнуло, ботинки полетели на землю, облегченный самолет рванулся вверх. Вагнер вскрикнул, и этот крик больше походил на стон. Я понял: увы, теперь нам не помогут ни ночная сырость, ни понижение температуры. Мы не могли выпустить газ, чтобы снизиться, как аэронавты. Газ нашего ковра-самолета был глубоко запрятан внутри искусственной «пенистой» структуры. Мы не могли управлять движением самолета ни по вертикали, ни по горизонтали. Мы были беспомощны. У нас не было радиостанции. Мы не имели запасов пищи и воды. Этот Вагнер — неплохой изобретатель, но очень непрактичный человек. Я был зол на него, тем более что мне уже хотелось есть и мучила жажда.

— Не напоминает ли вам наше положение старую историю о человеке, который вздумал прыгать по-блошиному? — Вагнер сердито засопел, но промолчал. — Нечего сказать, в хорошенькое положение мы попали, — продолжал я пилить его. — Ночью может наступить буря, наш ковер-самолет перевернет, и мы разобьемся. Или же мы съедим друг друга от голода, как потерпевшие кораблекрушение. Или погибнем

от жажды, и наши тела будут расклеваны птицами...

Вагнер громко расхохотался.

— Я не знал, что вы такой веселый человек и умеете шутить в самых затруднительных обстоятельствах! — искренне сказал он, и мне стало стыдно. — Но положение наше не столь уж трагическое, как вам кажется. К счастью, мой ковер-самолет сварен из твердой пены, которая довольно-таки хрупка. Мы можем отламывать куски от нашего ковра, он уменьшится в размерах и опустится, как опускается плот под непосильной тяжестью. Скорее за работу!

Вагнер стал отламывать куски пористой пены, начиная с краев щели в центре ковра. Я последовал его примеру. Мы бросали обломанные куски в сторону и вниз, но они неизменно всплывали наверх и пропадали где-то в синеве неба.

— Сплав недешевый, жаль терять эти куски, но мои знакомые летчики поймают их в сети. Все эти куски будут летать на одной высоте, не выше десятка километров. Видите, мы уже снижаемся. Еще несколько кусков... Подождите бросать, под нами, кажется, озеро. Так и есть. Придется сбросить балласт. Снимайте ботинки!

Мы благополучно приземлились в зарослях орешника и привязали подтяжками и поясами изуродованный ковер-самолет, чтобы он не улетел. Домой возвращались босиком, голодные и возбужденные...

ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА

— Прямо от станции идет через весь поселок большая улица — Советская. По ней вы и идите. Дачи окончатся, начнется полевая дорога, идите по ней мимо спортивной площадки вниз, к речке. У самой речки и будет деревня Стрябцы. Идите по улице налево до конца деревни. Второй дом слева — обратите внимание на огромные дубовые ворота — это и будет моя дача. Хозяйка, Анна Тарасовна Гуликова, летом живет на мельнице. А до мельницы рукой подать. На всякий случай вы сходите к хозяйке на поклон — она женщина строгая. Скажите, что вы приехали ко мне в гости, будете ночевать и что я приеду попозже.

Такими напутствиями снабдил меня Иван Степанович Вагнер, приглашая к себе на подмосковную дачу. В этом году профессор Вагнер жил в Москве, так как трест точной механики по его заказу заканчивал сооружение какого-то сложного аппарата и присутствие Вагнера было необходимо. Почти все свободное время Вагнер проводил в мастерских треста, редко выезжая на дачу. Но в этот день — субботу — работы в мастерских окончились рано, и Вагнер обещал мне приехать и провести со мною воскресенье.

Я без труда нашел дачу Вагнера и пошел познакомиться с Тарасовной. Несмотря на вечер, было очень жарко. Лето и осень в том году

были исключительно знойные. Маленькая речушка Илевка, на которой стояла мельница Тарасовны, совсем пересохла. Еще не доходя до мельницы, я услышал женский голос силы и высоты необычайной. Голос этот, принадлежавший вдове Гуликовой, запомнился мне на всю жизнь — он прямо контузил барабанные перепонки. Притом Тарасовна обладала способностью выпускать в минуту столько слов, что даже премированная стенографистка не в состоянии была бы записать и половины. На этот раз Тарасовна обрушила все свое пулеметное красноречие на голову крестьянина, привезшего рожь для помола. Крестьянин почесывал лохматую бороденку, а Тарасовна, упершись кулаками в широкие бедра, кричала:

— Не видишь, что ли? Курица вброд речку переходит, а он — молоть! Тут лягушки передохли от суши, а ты — молоть! Самовар поставить воды не наберешь, а он — молоть! Вчера Жучка последнюю воду вылакала, а ты — молоть!..

«А он — молоть», «а ты — молоть», — звучало как припев. Крестьянин слушал долго и внимательно, потом крикнул и начал собираться в обратный путь.

Тарасовна обратила внимание на меня. Узнав, что я гость ее дачника, она снизила голос на несколько тонов, отчего пронзительность его не

уменьшилась, и с деланной приветливостью пригласила меня «быть как дома».

— Неужели в самом деле даже на самовар не хватит? — спросил я, с опаской поглядывая на речку и чувствуя, что в горле у меня пересохло.

— Хватит, хватит, не беспокойтесь. У нас колодец есть. Васька! Поставь самовар гостю.

Я обернулся и увидел лежащего на траве парня лет восемнадцати; это был сын Тарасовны и ее помощник — подсыпка на мельнице. Васька лениво встал, стегнул прутом траву и побрел к дому, а Тарасовна еще долго терзала мне уши пронзительным голосом, жалуясь на бездожде, на пересохшую Илевку, на бога, на весь свет. Мельница ее стояла, а ведь мельница кормит ее с детьми, кормит весь год.

— И что за народ несознательный! Сами видят: комару напиться не хватит, а они — молоть. Как будто я сама от хлеба отказываюсь!..

— Самовар закипел! — крикнул Василий со двора.

— Милости просим.

Я еще не успел отпить чай в садике среди захудалых яблонь, как услышал знакомый голос Вагнера:

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок...

— Скучаете? — Вагнер уселся за столик рядом со мной.

Он рассказал мне, что делается в городе, я ему — о своих впечатлениях.

— Да, надо помочь Тарасовне. Пойдемте после чая к ней на мельницу, — предложил профессор.

И мы отправились. Вагнер был в самом жизнерадостном настроении.

— Можно посмотреть устройство вашей мельницы? — спросил он.

Тарасовна милостиво разрешила, и мы с профессором вошли в полумрак мельницы. Вагнер осмотрел ее немудреную механику.

— За полторы тысячи лет до нашей эры строились мельницы, мало чем отличавшиеся от этой, — сказал Вагнер. — Сколько она у вас в день намалывала?

— Сколько привезут, столько и намалывала, — отвечала Тарасовна. — Полсотни центнеров, а то и больше, когда воды много.

— Так, так, — Вагнер задумчиво кивал головой. — Полсотни центнеров не обещаю, но десятков можно будет смолоть. Для начала. А потом посмотрим.

— Сотню! Если бы хоть сотню! — вздохнула Тарасовна.

Вагнер постоял еще несколько минут над жерновами, попробовал вал, подумал и сказал:

— Вот что, Анна Тарасовна. Я вам поставлю маленький двигатель. Надо будет только переставить жернова — эти будут велики для моего

двигателя. Я прилажу ваши старые, из них можно будет сделать маленькие. Василий поможет мне. Но только уговор дорожке денег. Двигатель мой будет находиться в ящике. Не открывайте этот ящик и не смотрите, что в нем находится, иначе вы испортите двигатель, и тогда уж я ничем не помогу вам. Идет?

— Да что вы! Да конечно! Да разве я?.. Будьте милостивы!

Вагнер принялся за работу. Василий и я помогали ему. Я решил, что, по всей вероятности, Вагнер хочет поставить небольшой керосиновый или нефтяной двигатель. Но почему такая таинственность?

Мы проработали почти до полуночи. Когда мы с Василием свалились от усталости и крепко заснули, Вагнер продолжал работать: ведь он не нуждался в отдыхе.

Проснувшись утром, я отправился на мельницу. Вагнер был там. Он установил над жерновами довольно объемистый ящик и теперь был занят тем, что выводил через потолок железную трубу.

— Помогите мне, — сказал он.

— Дымовая труба? — спросил я.

Вагнер промычал в ответ что-то неопределенное, но глаза так насмешливо и весело поглядывали на меня, что я решил: Вагнер затевает что-то любопытное. Это не похоже на газолиновый двигатель.

— Что находится в этом ящике? — спросил я.

— Двигатель.

— Какой?

— Увечный.

— Вечный? — переспросил я, думая, что ослышался. Но Вагнер ничего не ответил. Он сильно застучал топором, прорубая дыру в потолке. Через эту дыру он вывел трубу. Затем Вагнер попросил нас удалиться и, оставшись один, занялся последними приготовлениями. Через несколько минут я услышал, как медленно заворачивались жернова. Я посмотрел на трубу, поднимающуюся метров на пять над крышей, но не заметил над ней ни малейшего признака дыма или пара.

Вагнер открыл двери мельницы и пригласил нас войти.

— Мельница работает, — сказал он, обращаясь к Тарасовне. — Видите эту ручку на ящике? Когда захотите остановить мельницу, поверните ручку.

— Зачем останавливать? Зерна хоть отбавляй, день и ночь молоть буду.

— Ну и мелите на здоровье. Только помните уговор: ящика не открывать.

Тарасовна начала благодарить Вагнера.

— Пока еще не за что. Когда соберете муку за помол, тогда поблагодарите. Идем, — обратился он ко мне.

Мы вышли на улицу.

— Сейчас я еду в Москву, — сказал Вагнер. — Приеду обратно к обеду на очень интересной машине.

— Автомобиль?

— Д-д-да, — протянул Вагнер. — Автофуга. Самобежка, так сказать. Да вот увидите.

Махнув мне на прощанье рукой, Вагнер отправился на станцию, бодрый, свежий, несмотря на то, что проработал всю ночь. Я пошел в сад, разыскал местечко в тени сарая и углубился в чтение. Однако в этот день мне не суждено было насладиться отдыхом.

Душераздирающий женский крик раздался со стороны мельницы. Словно два накаленных добела штопора просверливали мне барабанные перепонки, а заодно и мозг. Неистовый вопль, разорвавший тишину сонных Стрябцов, мог быть произведен только голосовыми связками почтенной вдовы Гуликовой. Вероятно, епископ Гаттон, заживо съеденный крысами, не кричал так перед смертью, как вопила Тарасовна. Но что могло ее так напугать? На мельнице было немало крыс и мышей, но Тарасовна привыкла к ним. Не успел я подняться с земли, как крик неожиданно прекратился на захлебывающейся ноте, как будто Тарасовне кто-то сжал горло. Я побежал к мельнице.

После яркого солнца в полумраке мельницы в первый момент я ничего не мог разобрать. Все было тихо. Жернова продолжали свою ра-

боту. Я сделал несколько шагов и зацепился ногой за что-то мягкое. Глаза мои уже несколько привыкли к полумраку. Наклонившись, я увидел лежащее ничком на полу грузное тело вдовы Гуликовой. Одна рука ее была отброшена в сторону, пальцы судорожно сжаты в кулак, другая рука была прижата телом... Убийство?.. Внезапная смерть?.. Я повернул тело Тарасовны, взял руку и нащупал пульс. Он был еле ощутим. Тарасовна, видимо, находилась в глубоком обмороке.

Я взял ковш и побежал к речке, чтобы набрать воды и побрызгать на Тарасовну. Мне казалось, что я вернулся очень быстро. Но за это время Тарасовна уже пришла в себя. Не успел я подойти к широким дверям мельницы, как оттуда выбежала с тем же неистовым криком Тарасовна. Как взбесившаяся корова, она налетела на меня, сбила с ног, причем вода из ковша, предназначенная для приведения ее в чувство, окатила меня самого. Бок мой был порядочно ушиблен тяжелой стопой пробежавшей по моему повергнутому телу Тарасовны, затылок сильно болел. Я пролежал на земле, вероятно, с минуту, пока, наконец, получил возможность соображать. В конце деревни, около сельсовета, слышался крик Тарасовны, прерываемый отрывистыми восклицаниями. Я с трудом поднял голову и уселся на пыльной дороге. По случаю праздника крестьяне были дома, и члены сель-

совета, сидя на завалинке у избы председателя, мирно обсуждали общественные дела, когда крик Тарасовны взорвался перед ними, как бомба. Председатель поковырял в ушах, словно извлекая оттуда застрявшие визги Тарасовны, и что-то сказал ей. Она вновь начала громко тараторить. Потом все поднялись. Председатель окликнул милиционера, и все двинулись к мельнице. Я заметил, что Тарасовна, женщина отнюдь не робкого десятка, шла в самой гуще толпы, видимо боясь выступить вперед. Я поднялся, отряхнулся и приветствовал представителей власти.

— Ну, показывай, где это? — спросил председатель, замедляя шаг.

— Да вот ящик над жерновом, видишь? — сказала Тарасовна, не входя в мельницу.

Председатель, видимо, боялся, но «положение обязывает». Он осторожно подошел к ящику.

— Вот оно штука-то какая. Как же этот ящик открывается? Ну-ка, может, ты лучше понимаешь? — обратился он к милиционеру.

Милиционер, молодой парень в веснушках, подошел к ящику и храбро поднял крышку. В тот же момент Тарасовна крикнула и выбежала на улицу. Вслед за нею бросилась бежать и набившаяся в мельницу толпа любопытных. Только представители власти остались на мельнице. Но и они невольно отшатнулись, за-

глянув в ящик. Я подошел ближе и, когда увидал, что находится в ящике, был поражен не меньше остальных.

В ящике был заключен конец горизонтально вращающегося вала. К валу прикреплено колесо с ручкой. Человеческая рука — живая рука! — крепко держала эту ручку, и, видимо, она же вращала колесо, а вместе с ним и вал, приводящий в движение через шестерни жернова. В локтевом суставе рука была прикреплена к металлическому цилиндру. Этот цилиндр был соединен с трубой, выходящей наружу. Кроме того, в цилиндр были вставлены две стеклянные трубочки и, по-видимому, электрические провода, выходящие из ящика поменьше. На этом же небольшом ящике были установлены гальванометр и манометр.

Да, неспроста Тарасовна так кричала. Странное и жуткое впечатление производила эта работающая живая человеческая рука. Тарасовну, как и ее легендарную прародительницу Еву, погубило любопытство. Вагнер оказался таким же плохим знатоком женской психологии, как и библейский бог. Не скажи Вагнер Тарасовне, что в ящик смотреть нельзя, она не поинтересовалась бы механизмом, приводящим в движение жернова, вполне удовлетворенная тем, что они вертятся. Но Вагнер запретил ей смотреть и этим возбудил непреодолимое любопытство.

И теперь она узнала страшную истину: ее жернова вертятся рукою мертвеца!

Представители власти были ошеломлены. Они не знали, как реагировать на такой непредусмотренный законом случай.

— Гражданин! Вылезайте из ящика! — крикнул милиционер, предполагая, что если рука движается, то она принадлежит живому человеку, который, очевидно, спрятан в ящике. Но рука продолжала вертеть колесо, и никакой гражданин не появлялся.

— Негде тут человеку спрятаться, — сказал председатель. — Видишь, плечо в банку вдвинуто, а выше один маленький ящичек.

— Нарушение кодекса о труде, — глубоко-мысленно сказал зять председателя, весовщик железнодорожной станции. — Без биржи труда нанята и, наверное, незастрахованная. Нарушение дней отдыха и рабочего времени. Можно обжаловать постановление.

— Чья рука? — спросил милиционер, оживившись.

— Дачник мой Вагнер пристроил мне. Его рука! — ответила Тарасовна. — «Я, — говорит, — мельницу тебе в ход пушу, только не смотри в ящик». Разве ж я знала? Тьфу! Чтоб покойническими руками хлеб зарабатывать? Не хочу я работать на чертовой мельнице!

— А чем плохо? — спросил старик с хитрыми прищуренными глазами. — Кормить не надо,

платить не надо, а работает круглые сутки. Это бы и к косе такую штуку приладить или, скажем, молотить. Ты лежи на печи да ешь калачи, а она...

— А ты молчи! — сердито сказал милиционер. — Не сбивай. Я спрашиваю, рука чья? Может быть, тут смертоубийство произошло. Может, человеку руку отрезали, и он теперь без руки ходит и ищет, где рука.

— Батюшки-светы! — заголосила Тарасовна. — Ну, как сюда придет да крикнет: «Отдай мою руку!»

— Вот то-то и оно. Это, граждане, не шутка, а преступление по статье уголовного кодекса. Где твой дачник Вагнер?

— В Москве. Сегодня должен быть.

— Вот мы его арестуем и допрос с него снимем. Откуда он человечью руку достал и на каком кодексе ее эксплуатирует? Помол прекратить! Незаконно.

— Ах, батюшки! — опять вскрикнула Тарасовна. Теперь она горько раскаивалась в своем любопытстве, а еще больше в том, что сгоряча разболтала о напугавшей ее руке. — Разве ее остановишь? Ведь на нее кричи не кричи — не услышит, ушей нету. Крутит и крутит.

— Ну и пусть крутит, а зерна не засыпай.

Громко разговаривая, все ушли с мельницы. Я остался посмотреть, что будет делать Тарасовна. Она не осмелилась послушаться прика-

зания начальства и больше не засыпала зерна в воронку. Но она пожалела руку, которая теперь напрасно вертела жернова, а может быть, жалко стало жерновов, и Тарасовна остановила работу руки, повернув рычажок на ящике.

— Натворили вы дел! — сказал я Тарасовне, сердясь на нее за то, что ее любопытство и болтливость наделают теперь хлопот Вагнеру. Я ни на минуту не сомневался в том, что Вагнер не совершал никакого преступления.

— Это вы натворили! — ответила она с раздражением. — Всю мельницу опоганили! Вот и люди говорят: чертова мельница.

Председатель сельсовета и милиционер вернулись с печатью и сургучом. Милиционер вспомнил, что не принято мер к охране следов преступления.

— Перестала молоть? — спросил милиционер.

— Пошабашила, — ответила Тарасовна.

Председатель наложил печать на дверцы ящика, в котором находилась рука, причем Тарасовна ужасно боялась, чтобы председатель не спалил мельницу. Но все обошлось благополучно. Вторая печать была наложена на дверь мельницы.

Я пошел по дороге навстречу Вагнеру, намереваясь предупредить его о событиях дня. Однако мой маневр не удался. Милиционер окликнул меня и предложил вернуться. Мне ничего

больше не оставалось, как пойти в сад и продолжать прерванное чтение.

Деревня волновалась и гудела, как встревоженный улей. Все с нетерпением ожидали приезда Вагнера, а он заставил себя ожидать довольно долго. Уже начало смеркаться, когда мальчишки, сторожившие на дороге, закричали: — Едет! Едет!

Все поспешили на дорогу. К нам действительно подъезжал Вагнер. Но на каком экипаже! Представьте себе длинный канцелярский стол, покрытый сукном, спускающимся до самой земли. Наверху по краям «стол» огорожен дощатой или железной стенкой сантиметров пятьдесят высоты. Это, очевидно, и была та «самобежка», о которой говорил мне Вагнер.

Из-за горы поднималась сизая туча. Ветер крутил на дороге маленькие смерчи пыли. Приближался дождь, давно жданный Тарасовной.

— Садитесь! — крикнул Вагнер, увидев меня. Он остановил свою необычайную тележку, я прыгнул и уселся рядом с ним. В это время толпа, предводительствуемая председателем сельсовета, уже подошла к самобежке.

— Гражданин, слазьте, вы арестованы! — сказал председатель.

Неожиданно порыв ветра поднял край сукна, которым была завешена самобежка. Крик ужаса прокатился по толпе, и она отшатнулась, словно не слабый ветер, а сильнейший ураган

вдруг ударил по ней. Пронзительный визг Тарасовны покрыл все голоса. Несколько минут продолжалось это смятение, причины которого я не понимал.

Вагнер спокойно посмотрел на толпу, взялся за руль управления, и... толпа снова вскрикнула еще громче прежнего. Самобежка поднялась на дыбы, как лошадь, которую опытный наездник заставляет повернуться всем своим корпусом на задних ногах. Затем Вагнер направил свой экипаж в гору, не обращая внимания на крики толпы, председателя и милиционера. Милиционер бросился вдогонку, но Вагнер перевел рычаг скорости, и самобежка с необычайной легкостью начала брать подъем.

Милиционер остался позади, но он не хотел мириться со своим поражением. Он бежал вслед за нами. До станции было недалеко. Мы ехали еще не на полной скорости. Через несколько минут после того, как мы миновали станцию и выехали на шоссе, ведущее к Москве, мы услышали за собою треск мотоцикла. Очевидно, милиционер, раздобывший откуда-то машину, решил продолжать погоню. Вагнер улыбнулся.

— Вот я сейчас покажу вам все качества моей самобежки.

Он продолжал ехать с тою же скоростью, не обращая внимания на приближающегося преследователя. И когда милиционер уже почти нагнал нас, Вагнер повернул... нет, не повернул,

а сделал такой вираж, который совершенно невозможен для обыкновенного автомобиля. Он внезапно остановил самобежку и затем как-то подвинул ее всем корпусом вправо к краю дороги, словно самобежка могла бежать не только вперед, но и вбок. Это было сделано так неожиданно, что милиционер не успел сдержать мотоцикла и проскочил вперед.

Но Вагнер не удовлетворился этим эффектом. Он вновь пустил самобежку вперед и скоро оказался впереди милиционера, как бы подзадоривая его. В это время пошел дождь. На шоссе образовались большие лужи, стекавшие в довольно глубокие канавы по обе стороны шоссе. Вагнер подпустил своего преследователя еще ближе и вдруг, круто повернув, направил самобежку поперек шоссе, в канаву. Я невольно ухватился за борт. Но мои опасения были напрасны. Самобежка, как маленький танк, благополучно переползла через канаву и побежала по изрытому, кочковатому полю. Милиционер со своим мотоциклом, конечно, не мог последовать за нами. Он сломал бы свою машину в первой же канаве.

— Вот видите! — сказал Вагнер, видимо сам восхищенный своим изобретением.

— Великолепно! — воскликнул я. — Но как устроена эта самобежка и что испугало толпу, когда она увидела ваш экипаж?

— Погоня отстала, мы можем побеседовать, —

сказал Вагнер. — Наклонитесь и приподнимите сукно.

Я приподнял сукно и вскрикнул от удивления. Сукно прикрывало... три пары голых человеческих ног!

— Позабавились, и довольно, — сказал Вагнер, смеясь. — Надо уважить и товарища милиционера, он честно выполнял свой долг. Едем обратно и сдадимся в руки представителя власти. Мы вернемся на дачу и объясним все происшествие. У меня имеются документы о том, что все руки и ноги взяты мною для научных опытов из анатомического театра; ясно, что никакого убийства я не совершал.

— Но каким же образом эти ноги и рука, вращающая жернова...

— А вот подождите, — перебил меня профессор, — сейчас сделаем церемонию сдачи в плен, а потом я расскажу вам.

И когда эта церемония была проделана, Вагнер, продолжая ехать на своей самобежке под конвоем милиционера, сопровождавшего нас на мотоцикле, начал свои пояснения:

— Буду краток. Говорят, жизнь есть горение. Однако последние наблюдения над жизненными процессами показали, что это совсем не так. Жизнь не есть горение, но без горения жизнь не может долго длиться. В мышцах нашли особое вещество гликоген, который с химической точки зрения представляет собой почти то же,

что и сахар. Так вот, при работе мышцы в ней из этого сахара образуются молочная кислота и теплота, то есть свободная энергия. Вычислено, что при переходе сахара в один грамм молочной кислоты освобождается сто семьдесят калорий. Таким образом, работа мышцы, или, если хотите, ее жизнь, происходит без окисления или сгорания. Но когда в работающей мышце выделилось тепло (энергия) и появился гликоген, то без кислорода эта молочная кислота исчезнуть не может, и мышца не в силах дальше работать. Но перенесите вы такую утомленную мышцу в атмосферу кислорода, и молочная кислота тотчас исчезнет, кислород будет поглощен, причем выделяются углекислота и тепло, как при всяком горении.

Куда же девается молочная кислота? Она вновь превращается в сахар. Только пятая часть ее исчезает бесследно. Таким образом, можно сказать, что мышца — машина, работающая за счет химической энергии, которая возникает при переходе тел с более сложным строением в тела более простые за счет падения потенциала химической энергии. Значит, для того чтобы энергия мышцы восстанавливалась, необходимо лишь снабжать ее кислородом. В атмосфере чистого кислорода при известных условиях опыта мышца делается неустойчивой.

Вот на этом я и строил свои изобретения с отрезанными у трупов руками и ногами. Зачем

им пропадать, если они могут нести полезную работу? Вы знаете, что органы человеческого тела могут жить, отделенные от тела, неопределенно долгое время, если только их питать надлежащим образом. Они могут функционировать, то есть выполнять свою обычную работу. Человеческие мышцы — это великолепно построенные машины. Почему бы их не заставить работать после смерти владельца, возбуждая сокращение электрическим током?

Вам известно, что мои мышцы также не знают усталости. Но я шел в борьбе с усталостью своих мышц несколько иным путем. Я изобрел анти-токсины усталости. С рукой на мельнице и ногами под этим экипажем я поступил иначе. Прежде всего я обеспечил их питанием. Особый физиологический раствор, весьма близкий к составу крови (заметьте: усиленно насыщаемый кислородом), питает мышцы руки на мельнице и этих ног. Обильное снабжение кислородом делает мышцы неутомимыми. Электрический ток вызывает их сокращение.

— А зачем тогда вы устроили на мельнице трубу?

— Я опасался, что мучная пыль может попасть в сосуд с питательной жидкостью и сгустит ее, сделав негодной для «кормления» руки. По трубе получается кислород прямо из воздуха. Это мое изобретение, значительно удешевляющее эксплуатацию мышечной силы человека.

Вы только подумайте, какие перспективы открывает мое изобретение! Со временем все люди, как и я сейчас, не будут знать мышечного утомления. Производительность человеческого труда возрастет необычайно. Но этого мало: мы заставим работать и мертвых. Подумать только: миллионы лет потребовалось природе для того, чтобы создать такой совершенный механизм, как человеческое тело, и вот смерть навсегда уничтожает эту великолепную машину! Разве не нелепо? Если мы не в состоянии победить смерть совершенно, то продлим по крайней мере работу мышц. Представьте себе фабрику, машины которой приводятся в движение отрезанными от тела человеческими руками.

— Жуткая картина!

— Ничего. Польза скоро заставила бы людей смотреть другими глазами на эту картину. Вот я поставил руку на мельницу. Тарасовна испугалась. Но выгода для нее ясна. И в конце концов она, вероятно, не отказалась бы от того, чтобы ее покойный муж продолжал оказывать ей помощь своими руками... Приехали.

Дождь прошел. При нашем въезде в деревню из всех изб начали выбегать люди, окружившие нас. «Суд» окончился быстро. Вагнер предъявил бумажки из Москвы, и они оказались убедительными.

Тарасовна просила его убрать поскорее с мельницы мертвую руку. Она боялась, что эта

рука когда-нибудь ночью задушит ее. Впрочем, в руке не было и надобности. Сильный дождь поднял воду речонки, и она готова была заменить руку мертвеца. И эту руку, несмотря на протест Вагнера, отнесли на кладбище и закопали.

(Сообщено П. Е. Якименко.)

По поводу этого рассказа Вагнер написал: «Научное объяснение факта дано довольно правильно. Мышца животного или человека, даже вырезанная из тела, действительно обладает некоторым запасом потенциальной химической энергии благодаря тому, что в ней имеются материалы, способные к распаду. Если такую мышцу раздражать электрическим током, она может выполнять известную работу. После работы в мышце появляется молочная кислота. Но при кислородном питании молочная кислота исчезает, и мышца вновь делается способной к работе. Таким образом, в атмосфере чистого кислорода мышца может сделаться неутомимой. Такой опыт с неутомимой мышцей я действительно производил на даче. При помощи электричества я заставил двигаться руку человека, которая даже производила некоторую работу. Опыт продолжался всего несколько минут и являлся повторением опытов, уже преданных в некоторых научных лабораториях. Но практического значения такая «посмертно работающая мышца» иметь не может. Игра не будет стоить

свеч — кислород дорого стоит. О непосредственном добывании его из воздуха наподобие того, как это делают легкие, я только думаю. Быть может, воспользуюсь механизмом легких и сердца-мотора. Вы теперь сами поймете, что в рассказе от науки и что от фантазии.

Вагнер».

НАД БЕЗДНОЙ

I. Таинственная дача

Во время своих прогулок в окрестностях Симеиза я обратил внимание на одинокую дачу, стоявшую на крутом склоне горы. К этой даче не было проведено даже дороги. Кругом она была обнесена высоким забором с единственной низкой калиткой, которая всегда была плотно прикрыта. И ни куста зелени, ни дерева не виднелось над забором. Кругом дачи — голые уступы желтоватых скал; меж ними кое-где росли чахлые можжевельники и низкорослые, кривые горные сосны.

«Что за фантазия пришла кому-то в голову поселиться на этом диком, голом утесе? Да и живет ли там кто-нибудь?» — думал я, бродя вокруг дачи.

Я еще никогда не видел, чтобы кто-нибудь выходил оттуда. Любопытство мое было так ве-

лико, что я, признаюсь, пытался заглянуть во двор таинственного жилища, взобравшись на вышележащие скалы. Но дача была так расположена, что, откуда бы я ни заходил, я мог видеть только небольшой угол двора. Он был так же пуст и невозделан, как и окружающая местность.

Однако после нескольких дней наблюдений мне удалось заметить, что по двору прошла какая-то пожилая женщина в черном.

Это еще больше заинтересовало меня.

— Если там живут люди, то должны же они поддерживать хоть какую-нибудь связь с внешним миром, ну, хотя бы ходить на базар за продуктами!

Я стал наводить справки среди своих знакомых, и, наконец, мне удалось удовлетворить мое любопытство. Правда, никто не знал достоверно об обитателях дачи, но один знакомый сообщил мне, что, по слухам, там живет профессор Вагнер.

Профессор Вагнер!

Этого было достаточно, чтобы совершенно приковать мое внимание к даче. Мне во что бы то ни стало захотелось увидеть необычайного человека, наделавшего столько шума своими изобретениями. Но как?.. Я буквально стал шпионить за дачей. Я чувствовал, что это было нехорошо, и все-таки продолжал свои наблюдения, целыми часами в разное время дня и даже

ночи просиживая за можжевельным кустом, недалеко от дачи.

Говорят, если человек неотступно преследует одну цель, то рано или поздно он достигнет ее.

Как-то рано утром, когда только что рассвело, я вдруг услышал, что заветная дверь в высоком заборе скрипнула. Я весь насторожился, сжался и затаив дыхание стал следить, что будет дальше.

Дверь открылась. Высокий человек с румяным лицом, русой бородой и нависшими усами вышел и внимательно осмотрелся вокруг. Конечно, это он, профессор Вагнер!

Убедившись, что вокруг никого нет, он стал медленно подниматься вверх, дошел до небольшой горной площадки и начал заниматься там какими-то совершенно непонятными для меня упражнениями. На площадке были разбросаны камни различной величины. Вагнер подходил к ним и делал попытки поднять их, затем, осторожно ступая, переходил на новое место и опять брался за камни. Но все они были так велики и тяжелы, что даже профессиональный атлет едва ли смог бы сдвинуть их с места.

«Что за странная забава!» — подумал я. И вдруг я был так поражен, что не мог сдерживать невольное восклицание. Произошло что-то невероятное: профессор Вагнер подошел к огромному обломку скалы, величиною более человеческого роста, взял за выступавший острый

край и поднял обломок с такой легкостью, как если бы это был кусок картона. Вытянув руку, он начал описывать дуги этим обломком скалы.

Я не знал, что подумать. Или Вагнер обладал сверхъестественной силой... но тогда почему он не мог поднять небольшие сравнительно камни, или... Я не успел додумать свою мысль, как новый фокус Вагнера еще больше поразил меня.

Вагнер бросил глыбу вверх, как маленький камешек, и она полетела, поднявшись на высоту двух десятков метров. С волнением ожидал я, как грохнет эта глыба на землю. Но обломок падал обратно довольно медленно. Я насчитал десять секунд, прежде чем глыба опустилась вниз. И, когда она была над землей на высоте человеческого роста, Вагнер подставил руку, поймал и удержал глыбу, причем рука его даже не дрогнула.

— Хо-хо-хо! — весело баском рассмеялся Вагнер и далеко отшвырнул от себя глыбу. Она, пролетев некоторое время параллельно земле, вдруг круто изменила линию полета на отвесную, быстро упала и со страшным грохотом разлетелась в куски.

— Хо-хо-хо! — опять рассмеялся Вагнер и сделал необычайный прыжок. Поднявшись метра на четыре, он пролетел вдоль площадки в мою сторону. Он, очевидно, не рассчитал прыжка, так как с ним случилась такая же история, что и с глыбой: неожиданно он стал быстро падать.

И если бы не откос, куда он упал, Вагнер, вероятно, расшибся бы насмерть. Он упал неподалеку от меня, по другую сторону можжевельного куста, застонал и выбралился, ухватившись за колено. Погладив ушибленное место, он сделал попытку встать и вновь застонал.

После некоторого колебания я решил обнаружить свое присутствие и подать ему помощь.

— Вы очень расшиблись? Не помочь ли вам? — спросил я, выходя из куста.

По-видимому, мое появление не удивило профессора. По крайней мере он ничем не проявил его.

— Нет, благодарю вас, — спокойно ответил он, — я сам пойду. — И он сделал новую попытку встать. Лицо его исказилось от боли. Он даже откинулся назад. Нога в колене быстро пухла. Было очевидно, что без посторонней помощи ему не обойтись.

И я стал действовать решительно.

— Идемте, пока боль не обессилила вас еще больше, — сказал я и поднял его.

Он повиновался. При каждом движении больная нога причиняла ему страдание. Мы медленно поднимались по крутому склону. Я почти нес Вагнера на себе и сам изнемогал под тяжестью его довольно грузного тела. Но вместе с тем я был чрезвычайно доволен, что таким образом получил возможность не только увидеть, но и познакомиться с профессором Ваг-

нером, побывать в его жилище. Впрочем, может быть, дойдя до калитки, он поблагодарит меня и не впустит к себе? Эта мысль беспокоила меня, когда мы подходили к высокому забору его дачи. Но он ничего не сказал, и мы переступили заветную черту, — да едва ли он мог что-либо сказать. Ему было совсем плохо. От боли и сотрясения он почти потерял сознание. Я тоже валялся от усталости. И все же, прежде чем ввести его в дом, я успел бросить через плечо пытливый взгляд на двор.

Двор был довольно обширный. Посреди стоял какой-то прибор, похожий на аппарат Морена. В глубине двора, в земле, виднелось какое-то большое, застланное толстым стеклом круглое отверстие. Вокруг этого отверстия, от него к дому и еще в нескольких направлениях из земли выступали металлические дуги, находившиеся друг от друга на расстоянии полуметра.

Больше я ничего не успел рассмотреть. Навстречу нам из дома вышла испуганная пожилая женщина в черном — его экономка, как я потом узнал.

Мы уложили профессора Вагнера в кровать.

II. «Заколдованный круг»

Вагнеру было совсем худо. Он тяжело дышал, закрыв глаза, бредил.

«Неужели от сотрясения может погибнуть эта гениальная машина — мозг профессора Вагнера?» — думал я с беспокойством.

Больной бредил математическими формулами и от времени до времени стонал. Растерявшаяся экономка стояла беспомощно и только повторяла:

— Что ж теперь будет? Батюшки, что ж теперь будет?..

Мне пришлось подать профессору первую помощь и ухаживать за больным.

Только на второй день к утру Вагнер пришел в себя. Он открыл глаза и смотрел на меня вполне сознательно.

— Благодарю вас... — слабо проговорил он.

Я дал ему пить, и он, кивнув мне головой, попросил оставить его. Утомленный тревожными вчерашнего дня и бессонной ночью, я, наконец, решил оставить больного одного и вышел во двор подышать свежим утренним воздухом. Незнакомый аппарат, стоявший посреди двора, вновь привлек мое внимание. Я подошел к нему и протянул руку.

— Не ходите! Стойте! — услышал я за собой приглушенный, испуганный голос экономки. И в тот же миг я почувствовал, что моя рука вдруг стала необычайно тяжелая, как будто к ней привесили огромную гирю, которая рванула меня вниз с такою силой, что я упал на землю. Невидимая гиря придавила кисть моей

руки. С большим усилием я отвел руку назад. Она болела и была красна.

Около меня стояла экономка и сокрушенно качала головой.

— И как это вы... Разве можно?.. Вы лучше не ходите по двору, а то вас и совсем сплющит!

Ничего не понимая, я вернулся в дом и положил на больную руку компресс.

Когда профессор вновь проснулся, он выглядел уже совсем бодрым. Очевидно, у этого человека был необычайно здоровый организм.

— Что это? — спросил он, указывая на мою руку.

Я объяснил ему.

— Вы подвергались большой опасности, — сказал он.

Мне очень хотелось скорее услышать от Вагнера разъяснение всего необычайного, что мне пришлось пережить, но я удержался от вопросов, не желая беспокоить больного.

Вечером в тот же день Вагнер, попросив передвинуть его кровать к окну, сам начал говорить о том, что так занимало меня.

— Наука изучает проявления сил природы, — начал он без предисловия, — устанавливает научные законы, но очень мало знает сущность этих сил. Мы говорим: «электричество, сила тяжести». Мы изучаем их свойства, используем для своих целей. Но конечные тайны своей природы они открывают нам очень неохотно.

И потому мы используем их далеко не в полной мере. Электричество в этом отношении оказалось более податливым. Мы поработили эту силу, овладев ею, заставили работать на себя. Мы ее перегоняем с места на место, копим в запас, расходует по мере надобности. Но сила тяжести — это поистине самая неподатливая сила. С ней мы должны ладить, больше приспособляться к ней, чем приспособлять ее к своим нуждам. Если бы мы могли изменять силу тяжести, управлять ею по своему желанию, аккумуляровать, как электричество, то какое могущественное орудие мы получили бы! Овладеть этой непокорной силой было давнишним моим желанием.

— И вы овладели ею! — воскликнул я, начиная понимать все происшедшее.

— Да, я овладел ею. Я нашел средство регулировать силу тяжести по своему желанию. Вы видали мой первый успех... Ох... успехи иногда дорого стоят!.. — вздохнул Вагнер, потирая ушибленное колено. — В виде опыта я уменьшил силу тяжести на небольшом участке около дома. И вы видели, с какой легкостью я поднял глыбу. Это сделано за счет увеличения силы тяжести на небольшом пространстве моего двора... Вы едва не заплатились жизнью за свое любопытство, приблизившись к моему «заколдованному кругу».

Да вот, посмотрите, — продолжал он, указы-

вая рукой в окно. — По направлению к даче летит стая птиц. Может быть, хоть одна из них пролетит над зоной усиленного притяжения...

Он замолчал, и я с волнением наблюдал за приближающимися птицами. Вот они летят над самым двором...

И вдруг одна из них камнем упала на землю и даже не разбилась, а прямо превратилась в пятно, которое покрыло землю слоем, вероятно, не толще папиросной бумаги.

— Видали?

Я содрогнулся, представив себе, что и меня могла бы постигнуть такая же судьба.

— Да, — угадал он мою мысль, — вы были бы раздавлены тяжестью собственной головы и превратились бы в лепешку. — И, опять усмехнувшись, он продолжал: — Фима, моя экономка, говорит, что я изобрел прекрасное средство сохранять продукты от бродячих кошек. «Совсем их не губите, — говорит она, — а чтоб лапы прилипли: другой раз не явятся!» Да... — сказал он после паузы, — есть кошки еще более вредные и опасные — двуногие, вооруженные не когтями и зубами, а пушками и пулеметами.

Представьте себе, каким оградительным средством будет покоренная сила тяжести! Я могу устроить заградительную зону на границах государств, и ни один враг не переступит ее. Аэропланы будут падать камнем, как эта птица. Больше того, даже снаряды не в силах

будут перелететь этой заградительной зоны. Можно сделать и наоборот: лишить наступающего врага силы тяжести, и солдаты при малейшем движении будут высоко подпрыгивать и беспомощно болтаться в воздухе... Но это все пустяки по сравнению с тем, чего я достиг. Я нашел средство уменьшить силу тяжести на всей поверхности земного шара, за исключением полюсов...

— И как вы этого достигнете?

— Я заставляю земной шар вращаться быстрее, вот и все, — ответил профессор Вагнер с таким видом, как будто дело шло о волчке.

— Увеличить скорость вращения Земли?! — не мог удержаться я от восклицания.

— Да, я увеличу скорость ее движения, и тогда центробежная сила начнет возрастать, и все тела, находящиеся на Земле, будут становиться все легче. Если вы ничего не имеете против того, чтобы погостить у меня еще несколько дней...

— С удовольствием!

— Я начну опыт, как только встану, и вы увидите много интересного.

III. «Вертится»

Через несколько дней профессор Вагнер оправился совершенно, если не считать того, что он немного прихрамывал. Он надолго отлучался в свою

подземную лабораторию, находящуюся в углу двора, предоставляя в мое распоряжение свою домашнюю библиотеку. Но в лабораторию он не приглашал меня.

Однажды, когда я сидел в библиотеке, вошел Вагнер, очень оживленный, и еще с порога крикнул мне:

— Вертится! Я пустил свой аппарат в ход, и теперь посмотрим, что будет дальше!

Я ожидал, что произойдет что-нибудь необычайное. Но проходили часы, прошел день, ничего не изменилось.

— Подождите, — улыбался профессор в свои нависшие усы, — центробежная сила возрастает пропорционально квадрату скорости. А Земля — порядочный волчок, ее скоро не раскачаешь!

Наутро, поднимаясь с кровати, я почувствовал какую-то легкость. Чтобы проверить себя, я поднял стул. Он показался мне значительно легче, чем обычно. Очевидно, центробежная сила начала действовать. Я вышел на веранду и уселся с книгой в руках. На книгу падала тень от столба. Невольно я обратил внимание на то, что тень передвигается довольно быстро. Что бы это могло значить? Как будто солнце стало двигаться быстрее по небу.

— Ага, вы заметили? — услышал я голос Вагнера, который наблюдал за мною. — Земля вращается быстрее, и дни и ночи становятся короче.

— Что же будет дальше? — с недоумением спросил я.

— Поживем — увидим, — ответил профессор.

Солнце в этот день зашло на два часа раньше обычного.

— Представляю, какой переполох произвело это событие во всем мире! — сказал я профессору. — Интересно было бы знать...

— Можете узнать об этом в моем кабинете, там стоит радиоприемник, — ответил Вагнер.

Я поспешил в кабинет и мог убедиться в том, что население всего земного шара находится в необычайном волнении.

Но это было только начало. Вращение Земли все увеличивалось. Сутки равнялись уже всего четырем часам.

— Теперь все тела, находящиеся на экваторе, потеряли в весе одну сороковую часть, — сказал Вагнер.

— Почему только на экваторе?

— Там притяжение Земли меньше, а радиус вращения больше, значит, и центробежная сила действует сильнее.

Ученые уже поняли грозящую опасность. Началось великое переселение народов из экваториальных областей к более высоким широтам, где центробежная сила была меньше. Но пока облегчение веса приносило даже выгоду: поезда могли поднимать огромные грузы, слабосильного мотоциклетного мотора было достаточно,

чтобы везти большой пассажирский аэроплан, скорость движения увеличилась. Люди вдруг стали легче и сильнее. Я сам испытывал эту все увеличивающуюся легкость. Изумительно приятное чувство!

Радио скоро стало приносить и более печальные вести. Поезда все чаще начали сходить с рельсов на уклонах и закруглениях пути, впрочем, без особенных катастроф: вагоны, даже падая под откос, не разбивались. Ветер, поднимая тучи пыли, которая уже не опускалась на землю, переходил в ураган. Отовсюду приходили вести о страшных наводнениях.

Когда скорость вращения увеличилась в семнадцать раз, предметы и люди на экваторе совершенно лишились веса.

Как-то вечером я услышал по радио ужасную новость: в Экваториальной Африке и Америке отмечалось несколько случаев, когда люди, лишенные тяжести, под влиянием все растущей центробежной силы падали вверх. Вскоре пришло и новое ужасающее известие: на экваторе люди стали задыхаться.

— Центробежная сила срывает воздушную оболочку земного шара, которая была «прикреплена» к Земле силой земного тяготения, — объяснил мне спокойно профессор.

— Но... тогда и мы задохнемся? — с волнением спросил я Вагнера.

Он пожал плечами.

— Мы хорошо подготовлены ко всем переменам.

— Но зачем вы все это сделали? Ведь это же мировая катастрофа, гибель цивилизации!.. — не мог удержаться я от восклицания.

Вагнер оставался невозмутимым.

— Зачем я это сделал, вы узнаете потом.

— Неужели только для научного опыта?

— Я не понимаю, что вас так удивляет, — ответил он. — Хотя бы и только для опыта. Странно! Когда проносится ураган или происходит извержение вулкана и губит тысячи людей, никому не приходит в голову обвинять вулкан. Смотрите на это, как на стихийное бедствие...

Этот ответ не удовлетворил меня. У меня невольно стало появляться к профессору Вагнеру чувство недоброжелательства.

«Надо быть извергом, не иметь сердца, чтобы ради научного опыта обрекать на смерть миллионы людей», — думал я.

Моя неприязнь к Вагнеру увеличивалась по мере того, как мое собственное самочувствие все более ухудшалось, да и было от чего: эти ужасные, необычайные вести о гибнущем мире, это все ускоряющееся мелькание дня и ночи хоть кого выведут из себя. Я почти не спал и был чрезвычайно нервен. Я должен был двигаться с величайшей осторожностью. Малейшее усилие мускулов — и я взлетал вверх и бился

головой о потолок, — правда, не очень больно. Вещи теряли свой вес, и с ними все труднее было сладить. Довольно было случайно задеть за стол или кресло, и тяжелая мебель отлетала в сторону.

Вода из умывальника текла очень медленно, и струя также отклонялась в сторону. Движения наши сделались порывисты. Члены тела, почти лишенного тяжести, дергались, как у картонного паяца, приводимого в движение нитками. «Моторы» нашего тела — мускулы — оказались слишком сильны для облегченного веса тела. И мы никак не могли привыкнуть к этому новому положению, так как вес все время убывал.

Фима, экономка Вагнера, злилась не меньше меня. Она походила на жонглера, когда готовила пищу. Кастрюли и сковородки летели вверх, в сторону; она пыталась ловить их и делала нелепые движения, плясала, подпрыгивала.

Один только Вагнер был в прекрасном настроении и даже смеялся над нами.

На двор я решался выходить, только набив карманы камнями, чтобы «не упасть в небо». Я видел, как мелело море, — воду сгоняло на запад, где, вероятно, она заливала берега... В довершение всего я стал чувствовать головокружение и удушье. Воздух становился реже. Ураганный ветер, дувший все время с востока,

начал как будто слабеть... Но зато температура быстро понижалась.

Воздух редеет... скоро конец... У меня было такое отвратительное самочувствие, что я начал задумываться над тем, какую смерть мне избрать: упасть ли в небо или задохнуться. Это худшая смерть, но зато я досмотрю до конца, что будет с Землей...

«Нет, все-таки лучше покончить сразу», — решил я, испытывая тяжелое удушье, и стал вынимать камни из кармана.

Чья-то рука остановила меня.

— Подождите! — услышал я голос Вагнера. В разреженном воздухе этот голос звучал очень слабо. — Пора нам спуститься в подземелье!

Он взял меня под руку, кивнул головой эконолке, которая стояла на веранде, тяжело дыша, и мы отправились в угол двора, к большому круглому «окну» в земле. Я потерял свою волю и шел, как во сне. Вагнер открыл тяжелую дверь, ведущую в подземную лабораторию, и втолкнул меня. Теряя сознание, я мягко упал на каменный пол.

IV. Вверх дном

Я не знаю, долго ли я был без сознания. Первым моим ощущением было, что я опять дышу свежим воздухом. Я открыл глаза и очень уди-

вился, увидав электрическую лампочку, укрепленную посреди пола, недалеко от места, где я лежал.

— Не удивляйтесь, — услышал я голос профессора Вагнера. — Наш пол скоро станет потолком. Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, лучше.

— Ну, так вставайте, довольно лежать! — И он взял меня за руку. Я взлетел вверх, к стеклянному потолку, и очень медленно опустился вниз.

— Пойдемте, я познакомлю вас с моей подземной квартирой, — сказал Вагнер.

Все помещение состояло из трех комнат: двух темных, освещаемых только электрическими лампочками, и одной большой, со стеклянным потолком или полом — я затрудняюсь сказать. Дело в том, что мы переживали, очевидно, тот момент, когда притяжение Земли и центробежная сила сделали наши тела совершенно невесомыми.

Это чрезвычайно затрудняло наше путешествие по комнатам. Мы делали самые необычайные пируэты, цеплялись за мебель, отталкивались, прыгали, налетали на столы, иногда беспомощно повисали в воздухе, протягивая друг другу руки. Всего несколько сантиметров разделяло нас, но мы не могли преодолеть этого пространства, пока какой-нибудь хитроумный трюк не выводил нас из этого неустойчивого равновесия.

Сдвинутые нами вещи летали вместе с нами. Стул «парил» среди комнаты, стаканы с водой лежали боком, и вода почти не выливалась — она понемногу обтекала внешние стенки стекла...

Я заметил дверь в четвертую комнату. Там что-то гудело, но в эту комнату Вагнер не пустил меня. В ней, очевидно, стоял механизм, ускорявший движение Земли.

Скоро, однако, наше «межпланетное путешествие» окончилось, и мы опустились на... стеклянный потолок, который отныне должен был стать нашим полом. Вещей не нужно было перемещать: они переместились сами, и электрическая лампа, укрепленная на полу, как нельзя более кстати оказалась у нас над головой, освещающая нашу комнату в короткие ночи.

Вагнер действительно все предусмотрел. Наше помещение хорошо снабжалось воздухом, хранимым в особых резервуарах. Мы были обеспечены консервами и водой. «Вот почему экономка не ходила на базар», — подумал я. Переместившись на потолок, мы ходили по нему так же свободно, как по полу, хотя, в обычном смысле, мы ходили вниз головой. Но человек ко всему привыкает. Я чувствовал себя относительно хорошо. Когда я смотрел вниз, под ноги, сквозь толстое, но прозрачное стекло, я видел под собою небо, и мне казалось, что я стою на круглом зеркале, отражавшем в себе это небо.

Однако зеркало отражало в себе иногда необычайные и даже страшные вещи.

Экономка заявила, что ей нужно сходить в дом, так как она забыла масло.

— Как же вы пойдете? — сказал я ей. — Ведь вы свалитесь вниз, то есть вверх... Фу, черт, все перепуталось!

— Я буду держаться за скобы в земле, меня профессор выучил. Когда мы еще не повернулись вниз головами, у нас были скобы в том доме, в потолке, и я училась «ходить руками», хваталась за них и ходила по потолку.

Профессор Вагнер все предусмотрел!

Я не ожидал такого геройства от женщины. Рисковать собой, «ходить руками» над бездной из-за какого-то масла!

— Но все же это очень опасно, — сказал я.

— Не так, как вы думаете, — возразил профессор Вагнер. — Вес нашего тела еще незначителен — он только начал увеличиваться от нуля, и нужна совсем небольшая мускульная сила, чтобы удержаться. Притом я буду сопровождать ее; кстати, мне нужно захватить из дому записную книжку, я забыл взять ее с собой.

— Но ведь снаружи сейчас нет воздуха?

— У меня есть колпаки со сжатым воздухом, которые мы наденем на голову.

И эти странные люди, облачившись в скафандры, будто они собирались опуститься на дно моря, отправились в путь. Двойная дверь

захлопнулась. Я услышал стук наружной двери.

Лежа на своем стеклянном полу, я прижал лицо к толстому стеклу и с волнением стал следить за ними. Два человека в круглых колясках, стоя вверх ногами и цепляясь за скобы, прикрепленные к земле, быстро «шли руками» к дому. Можно ли представить себе что-либо более странное!

«Действительно, это не так страшно, — подумал я. — Но все же это необычайная женщина. Вдруг у нее закружится голова?..» Вагнер и экономка проследовали в той же позе по ступеням на веранду и скрылись из виду.

Скоро они появились снова.

Они уже прошли полпути, как вдруг случилось нечто, от чего я похолодел. Экономка выронила банку с маслом и, желая подхватить ее, сорвалась и полетела в бездну...

Вагнер сделал попытку спасти ее: он неожиданно размотал веревку, прикрепленную к поясу, и, зацепив ее за скобу, бросился вслед за экономкой. Несчастная женщина падала довольно медленно. А так как Вагнер сильным толчком придал своему телу более быстрое движение, то ему удалось догнать ее. Он уже протянул к ней руку, но не смог достать: центробежная сила отклонила ее полет несколько в сторону. И скоро она отделилась от него... Вагнер повисел немного на распушенной веревке и начал медленно подниматься из бездны неба на землю...

Я видел, как несчастная женщина махнула руками... ее тело быстро уменьшалось... Наступившая ночь, как занавесом, покрыла эту картину гибели...

Я содрогнулся, представив себе ее последние ощущения... Что будет с ней?.. Ее труп, не разлагающийся в холоде вселенной, будет вечно нестись вперед, если какое-нибудь светило, проходящее вблизи, не притянет этот труп.

Я был так занят своими мыслями, что не заметил, как вошел Вагнер и опустился рядом со мной.

— Прекрасная смерть, — сказал он спокойно.

Я сжал зубы и не отвечал ему. Во мне вдруг опять пробудилась ненависть к Вагнеру.

Я с ужасом смотрел на бездну, расстилающуюся под моими ногами, и впервые с необычайной ясностью понял, что небо — не голубое пространство над нами, а бездна... что мы «живем в небе», прилепившись к пылинке, Земле, и нас с большим правом поэтому можно называть жителями неба, «небожителями», чем жителями Земли. Ничтожные небожители! Тяготение Земли, очевидно, действовало не только на наше тело, но и на сознание, приковывая его к Земле. Теперь эта связь порвалась. Я чувствовал хрупкость нашего земного существования... Наше сознание зародилось вместе с Землею, в безднах неба, в безднах бесконечного пространства и там же оно угаснет...

Я думал, а перед моими глазами творилось что-то необычайное... От земли отрывались камни и падали вверх... Скоро начали отрываться целые глыбы скал... День и ночь сменялись все быстрее... Солнце проносилось по бездне-небу, и наступала ночь, звезды неслись с той же бешеной скоростью, и опять солнце, и опять ночь... Вот в свете солнца я вижу, как сорвался и упал забор, открыв горизонт. Я вижу высохшее дно моря, опустошенную землю... Я вижу, что скоро конец...

Но люди еще есть на Земле... Я слышу, как говорит небольшой громкоговоритель нашей радиостанции...

Земля опустошена почти до полюсов. Все гибнет... Это последняя уцелевшая радиостанция, на острове Врангеля. Она подает сигналы, ждет и не получает ответа... Радиоволны летят в мертвую пустоту... Молчит Земля, молчит и небо.

Дни и ночи так быстро сменяют друг друга, что все сливается во мглу... Солнце, пролетая по небу, чертит огненную полосу на темном фоне — вместе с последними остатками атмосферы Земля потеряла свой голубой полог, свет небесной лазури... Луна уменьшилась в размерах: Земля уже не может больше удерживать своего спутника, и Луна удаляется от Земли...

Я чувствую, как толстые стекла нашего стеклянного пола напружились, стали выпуклыми,

дрожат... Скоро они не выдержат, и я прова-
люсь в бездну...

Кто это ворчит рядом со мной?.. А, профессор
Вагнер...

Я с трудом поднимаюсь: бешеная скорость
Земли наполнила свинцом мое тело. Я тяжело
дышу...

— Вы!.. — обращаюсь со злобой к профессору
Вагнеру. — Зачем вы сделали это? Вы погубили
человечество, вы уничтожили жизнь на Земле.
Отвечайте мне! Сейчас же уменьшите движение
Земли, иначе я...

Но профессор молча отрицательно качает го-
ловой.

— Отвечайте! — кричу я, сжимая кулаки.

— Я не могу ничего поделать... Очевидно, я
допустил ошибку в расчетах...

— Так вы заплатите за эту ошибку! — вскри-
чал я и, совершенно обезумев, бросился на Ваг-
нера и начал его душить... В этот же момент
я почувствовал, как трещит наш пол, лопаются
стекла и я, не выпуская Вагнера, лечу с ним
в бездну...

V. «Новый способ преподавания»

Передо мною улыбающееся лицо профессора
Вагнера. Я с удивлением смотрю на него, потом
вкруг себя.

Раннее утро. Голубой полог неба. Море синее вдали. У веранды две белые бабочки мирно порхают. Мимо меня проходит экономка с большим куском сливочного масла на тарелке...

— Что это?.. Что все это значит? — спрашиваю я профессора.

Он улыбается в свои длинные усы.

— Прошу извинения, — говорит он, — что я без вашего разрешения и даже не будучи с вами знаком использовал вас для одного опыта. Если вы знаете меня, то вам, вероятно, известно, что я давно работаю над разрешением вопроса, как одному человеку вместить огромную массу современных научных знаний. Я лично, например, достиг того, что каждая половина моего мозга работает самостоятельно. Я уничтожил сон и утомляемость..

— Я читал об этом, — ответил я.

Вагнер кивнул головой.

— Тем лучше. Но это не всем доступно. И я решил использовать для педагогических целей гипноз. Ведь в конце концов и в обычной педагогике есть доля гипноза... Выйдя сегодня рано утром на прогулку, я заметил вас... Вы уже не первый день дежурите за можжевелевым кустом? — спросил он с веселой искоркой в глазах.

Я смутился.

— Ну, вот я и решил наказать вас за ваше любопытство, подвергнув гипнозу...

— Как, неужели все это было?..

— Только гипнозом, с того самого момента, как вы увидали меня. Не правда ли, вы все пережили как реальность? И уж, конечно, никогда в жизни вы не забудете пережитого. Таким образом, вы имели возможность получить наглядный урок о законах тяжести и центробежной силы... Но вы оказались очень нервным учеником и под конец урока вели себя несколько возбужденно...

— Но сколько же времени продолжался урок? Вагнер посмотрел на часы.

— Минуты две, не более. Не правда ли, продуктивный способ усвоения знаний?

— Но, позвольте, — вскричал я, — а это стеклянное окно, эти скобы на земле!.. — Я протянул руку и вдруг замолчал. Площадь двора была совершенно ровною; не было ни скоб, ни стеклянного круглого «окна»... — Так это... тоже был гипноз?

— Ну, разумеется... Сознайтесь, что вы не очень скучали за моим уроком физики? Фима, — крикнул он, — кофе готов? Идемте завтракать.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ СПИТ

I. Странный жилец

— Дэзи... Я не перенесу ее потери! Дэзи — мой лучший друг... Я так одинока...

Гражданка Шмеман вытерла кружевным платочком красные подслеповатые глаза и длинный нос.

— Уверяю вас, — продолжала она, жалобно всхлипнув, — что это дело рук профессора Вагнера. Я сама не раз видала, как он приводил на веревочке собак в свою квартиру... Что он делает с ними? Боже! Мне страшно подумать! Может быть, моей Дэзи нет в живых... Примите меры, прошу вас!.. Если вы не сделаете этого, я сама пойду в милицию!.. Дэзи, мой бедный крошка!..

И мадам Шмеман вновь заплакала... Ее худые старые щеки покрылись красными пятнами, нижняя губа отвисла.

Жуков, председатель жилищного товарищества, круто повернулся на стуле и щелкнул пальцами. Он терял терпение.

— Успокойтесь, гражданка! Уверю вас, что мы примем меры. А сейчас простите... Я очень занят.

Шмеман глубоко вздохнула, поклонилась и вышла.

Жуков вздохнул с облегчением и обернулся к секретарю правления Кротову.

— Фу!.. Измучила! Бывают же такие настырные бабы!

— Да... — задумчиво отозвался Кротов. — Бедовая старуха! А дело расследовать надо. Ведь это четвертый случай пропажи собак только на нашем дворе. Соседи тоже жалуются. Что за собачий мор? Я не удивлюсь, если действительно окажется, что собак крадет профессор Вагнер. Только на кой черт они ему нужны? Воротники на шубу делает? Станный человек! Подозрительный человек!

— Профессор!

— Что из того, что профессор? Может быть, он фальшивые деньги делает?

— Из собак?

— Ты не смейся. Бывали случаи. Собаки — особая статья. Ты обрати внимание: у него в комнате всю ночь свет. На оконной занавеске его тень часто видна. Шатается по комнате... Полуночник!

— Да, со странностями человек... На днях я еду домой в трамвае. Гляжу, напротив сидит профессор Вагнер. В каждой руке по книжке держит и обе сразу читает. Я в книжки заглянул. Одна — русская, все цифры разные, а другая — немецкая. И вот что удивительно: каждый глаз у него отдельно по строчкам бегаёт: одним глазом одну книгу читает, другим — другую. Кондукторша подошла к нему. «Билет, — говорит, — возьмите!» Он на нее один глаз поднял, а другим в книжку смотрит. Она так и ахнула. И публика вся на него уставилась. Смотрят, рты открыли от удивления, а он хоть бы что...

— Может быть, он с ума сошел?

— Все возможно...

Стукнула дверь. В комнату вошла Фима, старая экономка профессора Вагнера.

— Здравствуйте вам! Барин мой за квартиру деньги прислал.

— Были бары, да все вышли! — сказал Жуков.

— Ну, хозяин, што ли, Вагнер.

— А вот она нам скажет!..

— Расскажи нам, Фима, что твой «барин» с собаками делает.

Фима безнадежно махнула рукой.

— Много собак-то у него? Говори правду!

— Сколько у него собак, сказать не могу: не пускает он меня во вторую комнату, где они у него. А собаки есть. Слышно, как лают. Ночью

раз подсмотрела я в щелочку. Ну что же? Сидит собака, привязанная на коротком ошейнике. Лечь не может. Спать ей, видно, смерть как хочется. Голова так и виснет. А он сидит около да ее так ласково под шеей щекочет: спать не дает. И сам он не спит. Он никогда не спит!

— Как же так не спит? Человек не может не спать.

— Уж не знаю как, а только совсем не спит. И кровать давно выбросил. «Чтоб ее, — говорит, — и звания не было! Кровать, — говорит, — только больным нужна».

Жуков и Кротов с недоумением посмотрели друг на друга.

— Вот сумасшедший!

— Не иначе, как сумасшедший, — охотно согласилась Фима. — Только привычка моя: пятнадцать годов я у него, а то давно бы от него ушла... Был человек как человек, а вот уже с год совсем на себя не похож. Прямо как бы не в себе.

— С чего же это началось у него?

— Кто ж его знает? Может, с глазу?.. Сначала начал он вроде как гимнастику делать. Придешь к нему в комнату, он будто танцует: правой ногой вроде как польку, а левой — вроде как вальц. И руками по-разному отбивает. А потом глазами косить стал. Сидит перед зеркалом и глазами косит. Однажды смотрю на него, а у него один глаз в потолок смотрит, а

другой — на пол. Я так всю посуду на пол и грохнула — обомлела.

— Собачку шмеманскую знаешь ты? «Дэзи» кличут.

— Беленькая, кудластенькая такая? Как не знать!

— Так вот, не утащил ли твой хозяин и эту собачку?

— Видать не видала, а все может быть. Заболталась я, а у меня там уют остынет... Вот деньги!..

— Что ж так мало?

— Барин говорит, хозяин мой, что в ЦИКАПУ записан и право на дополнительную площадь имеет.

— Какая такая ЦИКАПУ? — спросил Кротов.

— ЦЕКУБУ! — догадался Жуков.

— Пусть удостоверение представит, а пока по-прежнему должен платить. Так и передай.

— Ладно! — И, утирая нос краем фартука, краснощекая Фима выбежала из комнаты.

— Придется сообщить милиции. Этот сумасшедший еще дом подожжет или ужокошит кого!

II. По «собачьему делу»

Дело по обвинению профессора Вагнера в краже собак собрало полный зал публики. Знакомые, встречая друг друга, спрашивали:

— Вы тоже по «собачьему делу»?.. По повестке?

— Нет, из любопытства!.. Профессор — и вдруг собак крадет!.. Что он, ест их?..

— А я по повестке. Свидетель. Ведь и у меня Тузик пропал! Хорошая собака. Думаю гражданский иск предъявить...

— Прошу встать!..

В зал входят судьи.

— Слушается дело по обвинению гражданина Ивана Степановича Вагнера в краже...

К столу подошел профессор Вагнер. На вид ему можно было дать не более сорока лет.

В его каштановых волосах, в окладистой русой бороде и нависших усах можно было заметить только несколько серебристых волосков. Свежий цвет лица, румяные щеки и блестящие глаза дышали силой и здоровьем.

«И про этого человека говорили, что он совсем не спит!» — подумал судья, с недоумением оглядывая обвиняемого. Он ожидал встретить изможденного старика. И уже с живым интересом судья стал задавать формальные вопросы.

— Ваше имя, отчество, фамилия?

— Иван Степанович Вагнер.

— Возраст?

— Пятьдесят три года...

В публике удивленно переглядывались.

— Занятие?

— Профессор Московского университета.

— В профсоюзе состоите?
— Состою. Работников просвещения.
— Партийный?
— Беспартийный. Под судом и следствием не состоял.

— Гражданин СССР?

— Да.

— Женат?

— Вдовец.

— Признаете себя виновным?

Профессор Вагнер неопределенно пожал плечами.

— Нет, не признаю.

— Но собак-то вы похищали?

— Разрешите дать объяснение после допроса свидетелей.

— Хорошо. Запишите, — обратился судья к секретарю: — «Обвиняемый виновным себя не признал». Вызовите свидетеля, участкового милиционера Ситникова! Что вы можете показать по делу?

— В наше отделение милиции поступали заявления от граждан Бондарного переулкa о пропаже собак. У гражданина Полякова пропал очень дорогой сеттер, у Юшкевич — мопс, а у Дерюгиных — даже персидский кот. Собаки исчезали бесследно. Их трупов не находили. Собак, очевидно, кто-то крал.

— Производили вы розыск?

— Пропала собака — дело небольшое. При-

знаться, у нас не было времени по каждому случаю розыск делать. Но когда поступили жалобы гражданки Шмеман на гражданина Вагнера и заявление правления жилищного товарищества, мы стали наводить справки. Почти все потерпевшие указывали на профессора Вагнера. Он вообще чудной какой-то. Говорят, по ночам не спит. Или дома работает, или по улицам шатается. Дворник ихнего дома видел несколько раз, как Вагнер ночью возвращался домой с собачкой на аркане. В комнате его собаки лают, визжат. Улики были серьезные.

Поэтому, вследствие поступивших заявлений, мы решили произвести у профессора Вагнера обыск и выемку его бумаг. Обыск производил я в присутствии председателя правления жилищного товарищества, дворника и гражданки Шмеман.

В первой комнате обвиняемого ничего предосудительного найдено не было, кроме различных инструментов и машин неизвестного происхождения. Во второй комнате мы застали шесть собак различной породы, пола и возраста. Все они были привязаны к стене на коротких ремешках. У некоторых из них свисали головы, как бы околевали или устали очень. А на столе лежала белая собачка, лохматенькая, с пробитой в черепе дыркой, так что мозги видны были. Гражданка Шмеман опознала в трупe свою собачку, закричала и в обморок упала...

В зале суда слышались сдержанные рыдания Шмеман.

— Дэзи, Дэзи!.. — шептала она, всхлипывая.

— Забранные бумаги мною представлены в суд, — закончил милиционер.

— Распишитесь. Свидетель Жуков!

Жуков, председатель правления жилищного товарищества, подтвердил показания милиционера.

— Произвести обыск, — добавил он, — нас заставило еще то обстоятельство, что профессор Вагнер является очень непонятным жильцом. Жильцы думают, что он помешанный, и даже боятся детей выпускать. Во избежание паники и дезорганизации населения я просил бы подвергнуть Вагнера психиатрической экспертизе...

— Может быть, он опасен, — почему-то смутившись, прибавил Жуков, — и его выселить надо.

Профессор Вагнер улыбнулся.

— Чем же он опасен? — спросил судья.

— Как вообще ненормальный! И соседи жалуются: шипит у него что-то в комнате, жужжит, а то взрывы вдруг... Еще дом взорвет!.. И собаки целую ночь воют... Неудобный жилец, одним словом.

— Гражданка Шмеман!

— Господин судья! — начала она дрожащим голосом, утирая платком слезы, и тотчас поправилась: — Гражданин судья!.. Он — убийца! —

она указала на Вагнера пальцем с двумя обручальными кольцами. — Я вдова... У меня никого нет... Он убил моего лучшего друга... Мой Дэзи!.. — И Шмеман опять заплакала.

— Вы предъявляете гражданский иск?

— Какой иск? За что?

— За собачку... Вы об этом просите в вашем заявлении...

— Ничто не вознаградит меня за потерю!.. — трагически произнесла она. — Я не знаю, что там написано...

Остальные свидетели не внесли чего-нибудь нового. Дворник подробно рассказывал, как пропадали собаки на их дворе, как пропала и «остатняя» собачка Дэзи, как он видел Вагнера, приводящего в дом собак...

Один из свидетелей опознал свою собаку среди «жертв» профессора Вагнера. Собака была жива, но она выглядела необычайно утомленной и, приведенная домой, проспала трое суток непробудно.

— Среди бумаг, — сказал судья, когда допрос свидетелей был закончен, — у профессора Вагнера были взяты во время обыска журналы с различными записями, очевидно, о производимых им опытах над животными. Я оглашу некоторые из них.

— Вот, — начал судья, — записи профессора Вагнера об опытах:

«Опытное животное: Диана, сеттер, самка,

вес 22 килограмма. Вязкость крови во время бодрствования — 2,89. Вязкость крови в период истощения бессонницей — 1,46».

Имеется и ряд таких таблиц:

	Нормаль- ное состояние	Состояние повели- тельной потребно- сти сна
Криоскопическая точка	0,59°	0,58°
Плотность	1,064	1,057
Вязкость	2,711	2,0

Обвиняемый профессор Вагнер! Свидетельскими показаниями и оглашенными документами, я полагаю, вполне установлена ваша виновность. Почему же вы не признаете себя виновным? Объясните нам...

— Граждане судьи! Я не отрицаю факта похищения собак, но виновным себя не признал, и вот почему. Всякая кража предполагает корыстную цель. У меня такой цели не было. Вы сами огласили документы, из которых суд мог убедиться, что я преследовал исключительно научные цели. Я веду опыты, имеющие громадное значение для всего человечества. Та польза, которую должны принести эти опыты, несоизмерима с ничтожным вредом, который я причинил.

— Какие же это опыты?

После некоторого колебания профессор Вагнер сказал:

— Я работаю над проблемой усталости и сна. Победить усталость и уничтожить потребность сна — вот какую задачу поставил я себе.

— И вы успешно разрешили ее? Правда ли, что вы сами уже обходитесь без сна?

— Да, правда. Я больше не сплю и могу работать без утомления двадцать четыре часа в сутки.

В публике произошло движение. Послышались удивленные возгласы и перешептывание.

— Отчего же вы не опубликовали ваших достижений?

— Я продолжаю совершенствовать свои методы.

— Но не объясните ли вы, почему вы сочли нужным прибегать к таким странным и незаконным способам добывания собак для ваших опытов? Если опыты представляют ценность, правительство обеспечило бы вас всем необходимым для работы!

Профессор Вагнер замялся.

— Эти опыты слишком смелы. Они могли показаться даже фантастичными. В успех я верил, но на пути лежали неизбежные неудачи. Они могли погубить и дело и мою репутацию прежде, чем я достиг бы положительных результатов. И я решил производить их в тиши своего кабинета, на свой страх и риск. Но у меня было

слишком мало личных средств на приобретение собак для опытов. Отказаться же от них, когда задача наполовину была разрешена, я не мог. И я был принужден...

— Красть собак? — с улыбкой добавил судья.

Профессор Вагнер выпрямился и ответил тоном глубокого убеждения в своей правоте:

— Собачий век — каких-нибудь двадцать лет. Стоимость собаки — рубли, много — десятки рублей. Уничтожив же несколько собак, я удлиню жизнь человечества втрое, а вместе с тем утрою и ценность человеческой производительности. Если за это я заслуживаю наказания, судите меня! Мне больше нечего прибавить.

Судьи ушли совещаться. Публика зашумела, как встревоженный улей. Во всех углах образовались кучки спорящих о предстоящем приговоре. Слышались отдельные выкрики:

— Кража остается кражей!

— Но его опыты могут облагодетельствовать человечество!..

— Совсем не спать? — говорил какой-то улыбающийся толстяк. — Слуга покорный! Позвольте отказаться от этого благодеяния! Еще Тургенев сказал, что вся наша жизнь — сон, и лучшее в жизни — опять-таки сон!..

— Может быть, он врет?

— Кто? Тургенев?

— Да нет, Вагнер, будто он совсем не спит. Не может человек обойтись без сна!..

— Суд идет!..

При напряженном внимании был выслушан приговор.

Признавая факт кражи установленным, суд присуждал профессора Вагнера к месяцу лишения свободы без строгой изоляции. «Принимая же во внимание прежнюю несудимость обвиняемого и отсутствие корыстных целей, наказание применить условно, установив годовой срок испытания...»

— Слушается дело по иску жилищного товарищества...

Публика хлынула из зала, обсуждая приговор, который, видимо, удовлетворил большинство: формально Вагнер наказан, фактически остался на свободе.

Только некоторые критиковали приговор.

— Значит, можно безнаказанно красть и убивать? — демонстративно громко спрашивала Шмеман, ища глазами поддержки.

— Если нет корысти, то нет и кражи! Вагнеру надо подать кассацию! — говорили другие.

Под перекрестными взглядами доктор Вагнер пробирался по коридору суда. Но он не обращал ни на кого внимания. Его озабочивала мысль: «Откуда же я возьму теперь необходимых для опыта собак?..»

III. Человек, который не спит

Судебный процесс имел для профессора Вагнера неожиданные последствия: к нему пришла известность, может быть, раньше, чем он этого хотел. На судебном заседании случайно оказался корреспондент одной небольшой московской газеты. Через несколько дней в отделе судебной хроники появилась заметка с интригующим названием «Человек, который не спит». В заметке описывался судебный процесс доктора Вагнера и сообщалось о том, что профессор «победил сон»: он совершенно не спит и может работать без усталости двадцать четыре часа в сутки.

Результатом этой заметки было то, что через несколько дней экономка доложила Вагнеру о приходе корреспондента «Известий». Вагнер недовольтно поморщился: он привык оберегать тайну своих работ. Но, подумав немного, профессор решил использовать посещение представителя прессы: если нельзя больше ловить по ночам собак, остается прибегнуть к правительственной помощи. Продолжать опыты втайне больше не представлялось возможным, да в этом не было и большой нужды: с тем, чего он достиг, уже можно было выступать публично. Корреспондент был принят.

Пробираясь через нагроможденные машины и аппараты, корреспондент Горев увидал про-

фессора Вагнера и в изумлении остановился. Вагнер стоял у высокой конторки. Из носа профессора шли две резиновые трубки, выходящие сквозь отверстие оконной рамы наружу. Эти трубки как бы органически связывали профессора с окружающими его машинами, будто и он сам наполовину превратился в машину. И еще одно поразило Горева: левым глазом Вагнер просматривал какую-то книгу и делал из нее левой же рукой выписки, а правый глаз он устремил на посетителя и протянул ему правую руку.

— Прошу садиться! — любезно сказал Вагнер, не прекращая работать левой рукой.

Горев, выдавший виды, как всякий опытный корреспондент, был так поражен, что забыл все обычные подходы журналиста и молча, с полным недоумением смотрел то на бегающий по книге и рукописи левый глаз профессора, то на трубки в его носу.

Профессор заметил этот недоуменный вид посетителя и улыбнулся.

— Вас удивляют эти трубки? — любезно начал он. — Но это так просто: я слишком дорожу своим временем, чтобы ходить гулять. Между тем чистый воздух необходим для здоровья тела и ясности мысли. И вот я сделал маленькое приспособление: я вывел наружу, над крышей, две трубки, концы которых с особым приспособлением вставляются в нос. При вдыхании

воздуха открывается один клапан, при выдыхании этот клапан давлением воздуха закрывается, а открывается другой, который выпускает отработанный легкими воздух. Это маленькое приспособление дает мне возможность все время дышать свежим воздухом, и видите, какие у меня румяные щеки! Пустяковос изобретение, но оно может принести большую пользу. Представьте больных, которых нельзя выносить из комнаты. Да и современная вентиляция оставляет желать много лучшего. При помощи же этого прибора все больные могут дышать чистым воздухом. Я предвижу большее: если еще древние римляне умели проводить воду за сотни километров, создав свои монументальные акведуки, то почему бы нам не создать «аэродуки»? Можно было бы по трубам доставлять, например, горный или морской воздух. В конце концов это было бы дешевле, чем посылать больных ради воздуха за сотни и тысячи километров. Центральные трубы с особым нагнетателем будут подавать воздух в наши города, и там он будет распределяться. Горный, морской, степной или напоенный хвоей воздух будет доступен всем...

Профессор Вагнер говорил быстро, не переставая писать левой рукой. Правым глазом он продолжал смотреть на посетителя.

Горев, наконец, обрел дар слова.

— Скажите, как вы это можете?.. — И он по-

смотрел на скошенные глаза профессора и его левую руку.

— Писать левой рукой, управлять каждым глазом отдельно, работать и одновременно беседовать с вами? Дело в том, что у меня оба мозговых полушария действуют совершенно самостоятельно и почти независимо друг от друга.

Но я должен вам пояснить, так сказать, мою отправную точку. Как вам известно, официально я профессор биологии. Не менее вам, надеюсь, известно и то, что современные научные дисциплины чрезвычайно быстро распадаются на самостоятельные части. На наших глазах вырастает биологическая химия. Каждое новое научное ответвление, вроде атомной теории, быстро вырастает в самостоятельную научную дисциплину. Нужны годы, чтобы постигнуть каждую из этих отдельных научных областей.

А между тем, для того, чтобы идти вперед, надо знать и смежные науки: биология и физиология, химия и электричество, даже геология и астрономия — все они переплетаются, взаимно влияют друг на друга. Нужен какой-то всеобъемлющий ум, чтобы охватить всю эту массу знаний. А жизнь человеческая так коротка! Мне за пятьдесят. Еще десяток-другой лет, и конец. Передо мной колоссальные задачи, которые я хочу разрешить. Значит, первое, что я должен был сделать для своей цели, это так или иначе удлинить жизнь. Сначала я думал

об опытах омоложения. То, что уже достигнуто, помогло мне: я выгляжу моложе своих лет. Может быть, я и вернусь к этим опытам. Но пока я остановился на том, что было мне больше знакомо по своим работам над мозгом.

Первое, что мне пришло на мысль, это выработать способность работать отдельно каждым мозговым полушарием. К сожалению, я не могу подробно остановиться на этих работах: это заняло бы слишком много времени. Скажу лишь, что здесь главную роль играет тренировка. Вам, может быть, приходилось видеть ритмическую гимнастику Далькроза? Детишки быстро овладевают способностью управлять асимметрическими движениями: правой рукой они могут отбивать три такта, левой — два, притом в различных темпах, одновременно проделывая различные движения и ногами. Нечто подобное проделывал и я, кстати сказать, к полному недоумению моей экономки.

Труднее оказалось овладеть аппаратом глаз. У нас каждый глаз имеет самостоятельную систему управления, но в силу того, что мы лучше видим, фиксируя оба глаза на одной точке, у нас выработалась привычка согласовывать движения глаз. Наследственность этих навыков осложняла борьбу за «автономность» в движении глаз. Однако такая независимость движения каждого глаза вполне возможна. Примером этому

может служить хамелеон. Я занялся упражнениями. Результаты вы видите.

Научиться писать и работать левой рукой не представляло труда. Осталось перейти к последнему: научиться одновременно производить две умственные работы, например писать обеими руками сразу два научных исследования на разные темы. На это ушло у меня несколько лет. Я добился своего. Таким образом я удвоил свою мозговую продукцию.

Но мне и этого казалось мало. Восемь часов сна! Третью человеческой жизни мы теряем на это беспомощное, полумертвое состояние. Вот что возмущало меня. Освободить человечество от сонной повинности. Какие необычайные перспективы, какие возможности!.. Сколько великих произведений дали бы нам еще великие мыслители, если бы им подарить все ночи для творчества! Сколько неоконченных великих произведений было бы закончено! Как двинулся бы прогресс! Рабочий, отработав положенные часы у станка, проводил бы ночь за книгой или общественной работой. У нас не было бы неграмотных. Больше того, все получили бы возможность стать вполне образованными людьми. Какими бы гигантскими шагами двинулся прогресс! Вот о чем думал я...

Профессор Вагнер одушевился. Его правый глаз горел энтузиазмом. По-видимому, волнение передалось и другой половине мозга: левый

глаз также вспыхивал, и левая рука стала писать прерывисто.

Но Вагнер заметил это, и левый глаз как будто погас, углубившись в работу, левая рука методично застрочила, в то время как правый глаз продолжал гореть воодушевлением и правая рука обводила широкие круги.

— И теперь это возможно! — сказал профессор. — Сон — совсем не нормальное явление, а болезнь, являющаяся результатом отравления гипнотоксинами: это особые яды, которые выделяет мозг при своей работе. Отравленный этими ядами, человек засыпает, то есть заболевает.

Когда человек спит, мозг не вырабатывает новых токсинов; за это же время организм уничтожает токсины, накопившиеся за рабочий день. Таким образом, поспав, человек выздоравливает, но — увы! — чтобы опять заболеть к вечеру, и он опять принужден ложиться в кровать. Разве это не ужасно?!

Если хотите, сон заразителен. Я делал такой опыт: заставлял собаку не спать. Когда ее организм был отравлен гипнотоксинами, я извлекал их и впрыскивал хорошо выспавшейся и только что проснувшейся собаке. Она тотчас засыпала.

Вся задача была в том, чтобы найти «противоядие» — антигипнотоксины. И мне удалось разрешить задачу шире, чем я предполагал:

найденный мной антигипнотоксин убивает не только токсины сна, но и другие. Следовательно, он оздоравливает весь организм. Было немало препятствий, но они побеждены. Я поборол сон. Я выбросил кровать — это символ больницы. Я больше не сплю и работаю почти круглые сутки. Антигипнотоксин я принимаю вместе с пищей. На прием пищи уходит у меня час-два в сутки.

Все это было так необычайно, что Горев продолжал сидеть молча, внимательно слушая профессора.

— Но как вы чувствовали себя первое время? — наконец спросил он.

— Да, мне пришлось немного повозиться с привычкой спать. Спать мне совершенно не хотелось. Но этот непрерывный, бесконечный рабочий день — то с солнцем за окном, то с темной завесой ночи — действовал как-то странно. К этому я, однако, скоро привык. Зато как хорошо работается в тиши ночи! Не скрою одну эгоистичную мысль: я боюсь, что, когда все люди начнут вести бессонный образ жизни, не будет так тихо по ночам.

— А вам не кажется, что не всем может понравиться перспектива жизни без сна?

— Я уверен даже в этом, — и профессор улыбнулся. — Я предложил как-то зимой, в глухой деревне, одному крестьянскому парню, удивлявшемуся, что я не сплю, испробовать на себе

мое средство. Он согласился. Наутро я его спрашиваю, как он себя чувствует. «Будь оно неладно! — говорит парень. — С тоски чуть не помер! Вся деревня спит. Одни собаки лают. Ходил, ходил — тощица! На печь залез — сна ни в одном глазу. Думал, ночи этой и конца не будет!»

Освободите людей от привычного труда, — продолжал профессор, — они тоже заскучают. Но все это лишь на низших ступенях культуры. Сама же эта культура быстро поднимается при рациональном использовании «бессонных ночей».

— Еще один вопрос. Вы говорите, что вы не спите почти все двадцать четыре часа. Но как же вы не устаете?

— Очень просто. Усталость — это тоже болезненное явление. Работающий мозг выделяет гипнотоксины, работающие же мускулы выделяют кенотоксины — яды, которые вызывают чувство усталости. Я ввожу противоядие — ретардин, и усталости как не бывало. Мой ретардин так же прерывает течение болезни, именуемой усталостью, как прерывают теперь возвратный тиф, вводя в организм диоксидаминоарсенобензолдихлоргидрат, — скороговоркой проговорил Вагнер.

У Горева дух захватило от этого длинного слова. Он попросил профессора повторить по слогам диковинное название и записал в блок-

нот. «Такие слова придают статье научный вес», — подумал он.

— И вот теперь подсчитайте, — сказал профессор Вагнер. — Работая двумя половинками мозга, я удваиваю свою продукцию. Работая двадцать четыре часа вместо восьми, я утраиваю рабочее время. Значит, я работаю за шестерых, притом без всякого вреда для здоровья. Следовательно, за тридцать лет рабочей жизни человек в состоянии будет произвести работу ста восьмидесяти лет. Еще иначе говоря, за каждое столетие человечество будет двигаться вперед по пути прогресса сразу на три столетия.

— Как вы полагаете, стоит этого пяток обывательских собак?.. — с улыбкой закончил профессор.

IV. «Диктатор»

Вместительная гостиная банкира Гольдзака, купившего недавно баронский титул, была отделана с тяжеловесным великолепием. На стенах, отделанных резной дубовой панелью, красовались рога оленей и гербы новоявленного барона. В углу помещался рыцарь в латах и с мечом XIII века — сомнительный «предок» барона. На окнах с узкими решетками цветные стекла изображали тот же баронский герб: на

желтом щите согнутая в локте рука, закованная в латы, сжимала железной перчаткой меч. Над рукой — пять темно-синих звезд.

Посредине комнаты вокруг большого круглого стола из черного дуба на дубовых креслах с высокими резными спинками заседали члены центрального комитета немецкой политической организации «Диктатор». На кресле с более высокой спинкой, с резным германским государственным орлом на ее вершине сидел председатель собрания — старый генерал, один из «героев» империалистической войны, друг кайзера. Грубое лицо генерала, будто высеченное топором из куска дерева, плотно сжатые губы под приподнятыми кверху усами говорили о большой силе воли. Из-под нависших седых бровей выглядывали пытливые, редко мигающие глаза. На его форменном сюртуке красовался только «железный крест».

По правую сторону от председателя помещался хозяин дома — барон Гольдзак, в черном фраке, с совершенно лысой головой, бритый, с моноклем в глазу. Далее в строгом порядке, по рангу, помещались члены комитета. Генерал с узким лбом, глубоко посаженными глазами и выдающимся подбородком. Что-то жестокое, звериное было в этой голове. Еще генерал... Чиновники министерств, депутаты... Крупные фабриканты и банкиры замыкали круг.

Моложавый человек во фраке, с лицом и

манерами дипломата — **секретарь** комитета — делал доклад. На столе около него лежал номер «Известий» со статьей Горева «Победа над сном и усталостью профессора Вагнера». Здесь же перевод статьи на немецкий язык.

— Мы еще не проверили до конца достоверность приведенных в статье данных, но, по имеющимся уже у нас сведениям, по-видимому, она отвечает действительности.

Мне не приходится говорить о значении этого научного открытия. Если оно будет использовано Советской Россией, соотношение сил между нею и другими государствами мира значительно изменится. В какие-нибудь пять лет мощь большевизма необычайно вырастет.

Одновременная работа обоими мозговыми полушариями, к счастью, требует времени и тренировки и поэтому не совсем доступна массам. Но одна победа над сном и усталостью уже утраивает физические и интеллектуальные силы наших политических противников, а вместе с тем и их материальные ресурсы. Их научные силы и квалифицированные работники будут работать втрое и даже в шесть раз больше. Продукция промышленности возрастет. Через несколько лет они будут иметь новые кадры хорошо подготовленных специалистов во всех областях техники. Словом, их мощь будет расти безостановочно. Они будут работать, когда весь мир будет ~~спать~~. Они будут работать, когда мы

принуждены будем отдыхать после трудового дня...

— Ну, рост промышленности произойдет не так уж скоро, — сказал фабрикант. — Положим, все их заводы и фабрики будут работать круглые сутки. Но дальше?.. Достать кредиты для постройки новых фабрик и заводов им будет не так-то легко. Ведь вы, барон, не предоставите им кредита? — с улыбкой обратился он к Гольдзаку.

Барон ответил такой же улыбкой и пустил колечко дыма.

— Но есть другая опасность, — слышался хриплый голос генерала. — Я говорю о военной мощи Красной Армии. Что, если только восемь из шестнадцати «добавочных» часов в сутки будет использовано ими для военной подготовки рабочих и крестьян? Это равносильно созданию многомиллионной армии. Далее, во время войны они будут иметь бойцов, которые не нуждаются в отдыхе. Им не придется сменять солдат в окопах. Они всегда будут зорки, бдительны, свежи, в то время как у нас две трети солдат временно выходят из строя для сна и отдыха. Их летчики, не знающие усталости, в состоянии будут производить дальние полеты... Их командный состав, их штабы смогут руководить операциями, не выпуская нитей управления ни на одну минуту для отдыха и сна... Возможно, что средство профессора Вагнера они используют и над

лошадьми. Их обозы, их кавалерия не будут знать усталости. Все это слишком серьезно!..

Речь старого генерала произвела большое впечатление на собрание, в особенности на военных. Генералы хмурились, нервно барабанили пальцами, глубже затягивались сигарами...

— Но самое опасное, — поднялся вновь секретарь, — заключается в политическом значении факта. Уже сейчас большевизм потрясает мир, держит в постоянном нервном напряжении правительства всех стран мира. Средство Вагнера утраивает, а может, даже ушестеряет число большевиков. Здесь, в своем кругу, мы можем быть откровенными. Мы не знаем, как справиться с одним вождем Коммунистического Интернационала. Что будет, если этот вождь получит возможность работать в шесть раз больше? Мы будем иметь шесть таких вождей, в шесть раз увеличенный Коминтерн, миллионы русских большевиков, не знающих усталости, пропагандирующих и разлагающих массы день и ночь, день и ночь, по двадцать четыре часа в сутки!!

Эти доводы произвели потрясающее впечатление. Дрожали руки собравшихся, платки отирали на лбах и лысинах холодный пот...

— Это ужасно!..

— Кошмар! — слышались взволнованные голоса.

Наступило жуткое молчание. Казалось, страшные призраки проникли вдруг в этот кабинет и наполнили его леденящим дыханием смерти.

Наконец председатель собрания тряхнул головой и стукнул волосатым кулаком по столу.

— Этого нельзя допустить! — хрипло крикнул он. — Во что бы то ни стало мы должны устранить угрожающую опасность! Прежде чем изобретение профессора Вагнера станет достоянием большевиков, мы должны овладеть секретом профессора Вагнера!

И, побуждаемое страхом и ненавистью, собрание перешло к обсуждению вопроса о том, как это сделать.

Один барон Гольдзак не принимал участия в совещании. Ему рисовались уже грандиозные планы. Он думал о том, сколько выгоды можно извлечь из открытия профессора Вагнера, если секрет этого открытия окажется в его руках.

V. «Любитель наук»

После судебного процесса весь распорядок занятий профессора Вагнера был нарушен. К нему являлись корреспонденты газет и журналов, профессора, студенты и просто любопытствующая публика, желающая испробовать «порошок от сна». Профессор Вагнер уже привык к этим посещениям и потому не удивился, когда услы-

шал, как за дверью кто-то с немецким акцентом попросил разрешения войти.

Когда дверь открылась, профессор увидел молодого человека с пухлым, розовым лицом и короткими вьющимися светлыми волосами. Большие «модные» черепаховые очки как-то не шли к этому юному лицу. Безукоризненный костюм придавал незнакомцу европейский вид.

— Позвольте представиться, уважаемый господин профессор!.. Герман Таубе, член Берлинского общества любителей естествознания. От этого общества я и прибыл к вам... Ваше открытие чрезвычайно заинтересовало нас. И общество обращается к вам с покорнейшей просьбой: не могли бы вы прочитать в нашем кругу несколько лекций о ваших работах?

— К сожалению, я не располагаю временем.

— О, это не займет много времени! — зашептался молодой человек. Его женский голос поднялся до самых высоких нот, глаза смотрели просительно сквозь черепаховые обручи очков. Он даже склонил голову набок и сжал руки. — Только бы вы согласились!.. Только бы согласились! Для нас это будет такой праздник! Я сам не ученый, но страстный любитель науки... Отец мой богат... очень богат... Если бы вы пожелали, вы нашли бы у нас все необходимое для ваших работ... Мы оборудовали бы вам прекрасную лабораторию... десятки, сотни собак были бы в вашем распоряжении!..

Вагнер улыбнулся.

— Вы очень любезны, но, к сожалению, я должен отклонить ваше предложение. Я не собираюсь покидать Россию.

— Как жалко!.. О, как жалко! Мне казалось, что здесь работать... что там работать... Но вы не откажетесь прочитать у нас несколько лекций! Это займет всего несколько дней. Мы отправимся воздушным путем, на пассажирском аэроплане новой компании воздушных сообщений «Уэншетлих унд Бэквемхейт» — «Безопасность и удобство». Вполне оправдывает название... Успешно конкурирует с «Дерулуфтом»... Я беру на себя все хлопоты по визированию паспортов. О расходах и гонораре говорить не будем... Мы, конечно, все берем на себя...

— Я мог бы потратить на это дело не более трех-четырех часов. Я слишком дорожу временем. Не забудьте, что у меня шестикратная производительность. Если я истрачу только двое суток, то для меня они будут равны потере двенадцати. Нет, я не могу принять вашего предложения!

— Я крайне огорчен. А еще больше будет огорчен руководитель нашей лаборатории профессор Брауде. Он работает в той же области, что и вы. Но его метод несколько иной...

Профессор Вагнер оживился.

— Вот как! В чем же его метод?

— Он пытается... — Таубе несколько смутился.

Лицо его выразило напряжение мысли, как будто он хотел вспомнить что-то. — Он работает над методом, который дает возможность самому организму вырабатывать токсины против гип... гип...

Но Вагнер уже угадал мысль.

— Как раз я сам работаю сейчас над этим! Наши газеты несколько преувеличили мои успехи на этом пути...

— Я не из газет! — прорвалось у Таубе. Он покраснел от досады на себя. — Профессор Брауде уже несколько лет работает в этой области. Он так хотел познакомиться с вами и поделиться опытом!.. Очень жалко, что теперь придется огорчить его...

— Это изменяет дело! Я думаю, что потеря времени будет вознаграждена... Профессор Брауде?.. Я что-то не слыхал о нем.

— Молодой и чрезвычайно скромный... не любит рекламы... Но страшно гениален!..

— Я согласен!

Таубе бросился к профессору и стал пожимать его руки.

— Тысячу благодарностей! А об отъезде позабочусь я сам. Вы ни минуты не потеряете своего драгоценного времени!

И, расшаркавшись, он скрылся за дверью.

«Странный молодой человек. Собаками подкупить меня хотел!» — подумал после его ухода профессор Вагнер.

VI. «Уэншетлих унд Бэквемхейт»

Рано утром почтово-пассажирский аэроплан снялся с аэродрома и быстро стал набирать высоту. В уютной кабине на мягких кожаных креслах разместились: профессор Вагнер, Герман Таубе, дипломатический курьер французского посольства в Москве и служащий советского торгпредства в Берлине.

Если бы не ослабленное усовершенствованным глушителем жужжание мотора да плавное покачивание, можно было подумать, что сидишь в купе вагона. Сквозь зеркальные окна внизу виднелась панорама Москвы с извивающейся лентой реки. Как игрушечный, показался Кремль, сверкавший своими куполами. А впереди уже расстилался бесконечный ковер полей и лесов, изрезанный желтоватыми линиями дорог и голубыми извивами рек. Желтыми квадратами выделялись поля созревающей ржи. Кое-где, как муравьи, двигались по дорогам и копошились на полях люди и животные.

Но профессор Вагнер недолго любовался этими видами с высоты птичьего полета. Как скуппец дрожит над каждой копейкой, так Вагнер дорожил каждой минутой времени. Он вынул книги, пристроил на коленях складной пюпитр и принялся за работу. Читая книгу, он в то же время непрерывно что-то писал в тетради стенографическими знаками.

Заметив вопросительный взгляд Таубе, он объяснил:

— Я пишу только стенографически. Это моя собственная система. Я сокращаю и упрощаю работу, где можно. Я создал собственную систему мнемоники — этой прекрасной помощницы, на которую, к сожалению, мало обращают внимания. С помощью мнемоники я в состоянии хранить в памяти необычайно большое количество цифр, формул, названий. Дело облегчается тем, что благодаря чистоте моего мозга, из которого выделены отравляющие его токсины, он работает с неослабевающей ясностью и силой. Все это еще больше увеличивает производительность моего труда. Без преувеличения, я работаю за десятерых...

И Вагнер замолчал, углубившись в работу.

Таубе смотрел в окно на живую картину страны, столь непонятной для него, такой бедной и вместе с тем могущественной, мирной в разворачивающихся картинах труда селян и страшной той силой, которая организует миллионы этих сильных рук...

Какая-то река показалась вдали. На высоких прибрежных холмах раскинулся город. На правом берегу город был опоясан старинными зубчатыми стенами кремля с высокими башнями. Над всем городом царил огромный пятиглавый собор.

— Днепр!.. Смоленск!.. Наша первая остановка!..

Аэроплан пролетел над лесом и плавно опустился на хороший аэродром.

Позавтракали и пустились в дальнейший путь. Небо затянуло тучами. Порывистый встречный ветер покачивал аэроплан, как корабль на больших океанских волнах. Движение полета замедлилось. До Ковно все же долетели благополучно. Это последняя остановка перед Кенигсбергом. Несмотря на увеличивающееся ненастье, аэроплан отправился в дальнейший путь. Ветер переходил в шквал. Аэроплан кидало в стороны, круто поднимало на встречные воздушные волны. Иногда, будто потеряв крылья, аппарат стремительно падал вниз.

— Однако, — сказал французский дипломатический курьер, нервно уцепившись за кресло, — я не испытывал еще такой качки!

Его позеленевшее лицо говорило о том, что у него начался приступ морской болезни.

В поисках благоприятного воздушного течения пилот то брал высоту, врываясь в туманную полосу туч, то снижался к самой земле. Но ветер везде бушевал одинаково, решив, казалось, оборвать крылья аппарата. Свист металлических тросов был слышен даже сквозь громыханье мотора. Начался дождь. Серая завеса мешала ориентироваться.

— Ничего, долетим! — крикнул на ухо по-

бледневшему Таубе служащий советского торгпредства. — Мы должны быть около Инстербурга...

Оглушенный и взволнованный Таубе ничего не понял.

Профессор Вагнер бранил бурю, которая превала его занятия. Книги валились из рук, карандаш выводил совершенно невероятные каракули. Наконец он бросил работу и с обиженным видом уселся плотнее в кресло.

Дождь прекратился так же неожиданно, как начался. Утих и ветер. Полоса косматых туч была позади. Аэроплан пошел плавно. Все вздохнули с облегчением.

Но в этот самый момент мотор стал давать перебои и вдруг остановился.

Пилот быстро стал снижать аппарат планирующим спуском, зорко выглядывая удобное место. Аппарат сильно вздрогнул, пробежал, потряхивая пассажиров, по сжатому полю и остановился.

Пилот и механик осмотрели мотор.

— Придется сделать остановку не менее часа! — сказал механик.

Пассажиры вышли из кабины, разминая затекшие ноги.

Аэроплан остановился у опушки соснового леса. Среди ровных, как мачты, красноватых стволов виднелось озеро, блестящее голубым серебром.

— Какая живописная местность! — сказал Таубе, обращаясь к профессору Вагнеру. — Мы успеем сделать прекрасную прогулку. Кстати, встретим кого-нибудь из окрестных жителей и узнаем, где мы находимся. Вы ничего не имеете против?

Профессор Вагнер кивнул головой, и они углубились в лес.

Прошел час. Мотор был исправлен, а Вагнера и Таубе все еще не было. Их окликали, искали в лесу, но они исчезли бесследно. Истекло еще сорок минут. Француз стал настаивать на отлете.

— Я везу срочную дипломатическую почту в министерство, и, если мы не прилетим в Кенигсберг к отлету аэроплана на Париж, я опоздаю на много часов... Это недопустимо!..

Служащий торгпредства возражал. Решили отложить отлет еще на полчаса, продолжая поиски, но без успеха.

— Не можем же мы заночевать здесь! — говорил француз. — Они не дети. Доберутся и по железной дороге! Я плачу за срочность, и вы должны доставить меня в срок!

Пилот пожал плечами и уселся на свое место. За ним последовали остальные.

Мотор загудел. Аэроплан взвился в воздух.

VII. В плену

Профессор Вагнер пропал бесследно.

Когда об этом узнали в Москве, Наркоминдел запросил германское правительство по поводу этого странного исчезновения.

От германского министерства по иностранным делам была получена ответная нота, в которой высказывалось сожаление по поводу этого при- скорбного случая. «Нами принимаются все меры к розыску, но, к сожалению, до настоящего времени они не дали результатов. Считаем не лишним обратить ваше внимание на то, что вместе с профессором Вагнером исчез и германский подданный Герман Таубе. Полагаем, что этот факт снимает с германского правительства всякие подозрения в том, что в данном случае мог иметь место враждебный акт по отношению к профессору Вагнеру как гражданину Союза Советских Социалистических Республик. Примите уверение в нашем искреннем уважении...»

Ответ этот, конечно, не мог удовлетворить Наркоминдел, но так как невозможно было установить факты, сопровождавшие исчезновение профессора Вагнера, то оставалось выжидать, когда эта тайна будет так или иначе раскрыта.

С профессором же Вагнером случилось вот что.

Когда он углубился в лес, Таубе предложил ему осмотреть развалины замка, стоявшего у

лесного озера. Ничего не подозревая, профессор последовал за Таубе. Там уже ждала их засада. Трое замаскированных набросились на профессора и завязали ему рот и глаза. Таубе вырвал из рук профессора портфель с бумагами, который Вагнер, идя на прогулку, захватил с собой. Сильные руки усадили Вагнера в поджидавший автомобиль, и они тронулись в путь. Проехав не более часа, автомобиль остановился: Вагнера ввели в дом.

Профессор был взбешен.

— Что все это значит? — спросил он, ища глазами Таубе, когда повязку сняли с его глаз. Но Таубе не было. Не было и трех похитивших его людей. Перед ним стоял изящный молодой человек в штатском платье, с военной выправкой. Он улыбался самым любезным образом.

— Дорогой профессор, если вы не устали, то, наверно, проголодались. Поговорить мы еще успеем. Прошу чувствовать себя как дома. Не откажите разделить со мною ужин. Кровать вам же поставили, ведь вы не спите?

И он показал рукой на хорошо сервированный стол с бутылками дорогого вина.

— Благодарю вас! Я не голоден, — отвечал Вагнер, хотя ему очень хотелось есть. — Я бы просил вас объясниться со мной!

— Как жаль! — отвечал с тою же любезной улыбкой молодой человек. — А мы приготовили для вас ваши любимые блюда. Не буду мешать.

К сожалению, не могу вам пожелать спокойной ночи: вы не нуждаетесь в этом.

И он вышел со своей неизменной улыбкой.

Профессор Вагнер осмотрелся вокруг. Комната эта, во всяком случае, не напоминала притон бандитов. Все вокруг было изящно, удобно и уютно. Скользнув взглядом по столу, он увидел дымящуюся спаржу, зеленый горошек, салат. Вагнер, глотая слюни, отвернулся от стола и угрюмо уселся в кресло. В довершение всего он лишился портфеля и не мог заниматься. От времени до времени Вагнер вставал, подходил к двери — она была закрыта. Поднял штору окна и увидал густую железную решетку. Побег был невозможен.

— Какая нелепость! — проворчал он и, мрачный, опять опустился в кресло. Так он просидел до утра.

Рано утром явились трое в масках и молча завязали ему рот и глаза, вывели и усадили в мягкое кресло. Заработал мотор аэроплана. Профессор почувствовал, как аппарат отделился от земли. Полет продолжался не менее трех часов.

Когда ему вновь развязали глаза, он увидел перед собою того же молодого человека.

— Добро пожаловать, дорогой профессор! Поздравляю вас с новосельем! Так как нам придется проводить время вместе, то позвольте представиться: Генрих Брауде.

— Профессор?

— Не совсем, — улыбнулся Брауде.

— Но ваши опыты над усталостью?.. Мне говорил Таубе...

— Ах, вот что!.. Ну, это, вероятно, другой Брауде. Разрешите вас ввести, так сказать, во владения... Это ваш кабинет, — он сделал рукой круговое движение, показывая вместительную комнату с большим письменным столом, дубовой мебелью и книжным шкафом. Окна с матовыми стеклами были за решеткой. — Здесь вы найдете все, что писалось учеными по исследованию сна и усталости.

Несмотря на всю необычность положения, Вагнер не мог удержаться и подошел к книжным шкафам.

— Прейер... Эррер... Бушар... Клапаред, — читал он на корешках книг. — Все это старо... Лежандр, Пьерон... Им я кое-чем обязан...

— Разумеется, вы пошли дальше их! А вот, дорогой профессор, не угодно ли пройти в лабораторию!..

И они прошли в другую комнату.

VIII. Судьба профессора Вагнера решается

В то время как Брауде с изысканной любезностью «вводил» профессора Вагнера «во владения», комитет «Диктатор» решал судьбу плен-

ника. Большинство членов комитета склонялось к тому, что Вагнера необходимо «убрать».

— В портфеле доктора Вагнера мы, безусловно, найдем секрет его изобретения. Нам блестяще удалось его похищение, но остается опасность, что рано или поздно тайна похищения будет раскрыта, если не уничтожить главной улики против нас.

Этой «уликой» был сам профессор Вагнер. «Убить Вагнера» — об этом, конечно, никто не говорил в собрании, считавшем себя цветом культуры. Но все понимали друг друга. Против «уничтожения улики» возражал лишь барон Гольдзак.

— Полнейшая тайна исключает возможность обнаружения Вагнера. Замки и надежная охрана гарантируют от побега. К чему прибегать к крайним мерам? Такой ум, ум исключительной даровитости, может оказать нам большую пользу. Нужно только суметь так или иначе заставить его работать на нас.

Гольдзак не досказал своей мысли: он рассчитывал воспользоваться еще не одним изобретением Вагнера для коммерческой эксплуатации.

Но большинство голосов было против него.

Однако выступление секретаря изменило дело.

— Я вношу предложение, — сказал он, — оставить на некоторое время вопрос открытым. Дело в том, что Вагнер все свои записки вел по

совершенно неизвестному методу стенографии, вероятно изобретенному им самим. Я уже привлек к расшифровке лучших специалистов из министерства иностранных дел и... других учреждений. Пока им удалось установить, что, по-видимому, это система сокращения до одного знака целых слов. Но расшифровать им еще не удалось. Подождем результатов, иначе мы рискуем остаться перед нераскрытой тайной его изобретения.

Решение было отложено на несколько дней.

Специалисты по расшифровке оказались на высоте положения: им удалось найти ключ к стенографии Вагнера. И, когда они нашли, они были изумлены гениальной простотой этой системы.

Но членов комитета ожидало и огорчение: когда удалось прочитать и перевести записки Вагнера, оказалось, что они содержали целый ряд ценных научных материалов по самым различным областям знания. В сжатых фразах, почти намеках на мысль, в кратких формулах было такое богатство содержания, что его хватило бы на многие печатные тома. Некоторые места даже для специалистов оказались непонятными. Все это оправдывало предположение Гольдзака, что работа Вагнера представляет громадную ценность. Но в записках не было ни строчки о том, что больше всего интересовало

комитет: о средстве борьбы со сном и усталостью.

Так или иначе, нужно было вырвать секрет у профессора Вагнера. Это было поручено сделать Брауде. В целях сохранения полной тайны он был единственным лицом, которое виделось с Вагнером.

— Дорогой профессор! — обратился Брауде к Вагнеру. — Вы хотели знать, какие причины привели вас сюда. В настоящее время я могу удовлетворить ваше понятное желание. Только крайняя необходимость заставила нас прибегнуть к способу...

— Бандитов! — не удержался Вагнер.

Брауде улыбнулся, как будто он услышал милую шутку, и, нисколько не смутившись, продолжал:

— Мои друзья представляют собой мощную организацию, которая стоит на страже европейской культуры. Увы! Над этой культурой нависла громадная опасность, имя которой — большевизм. Вы человек, далекий от политики, и, может быть, вы сами не учитываете того, какое могучее орудие дало бы ваше изобретение этим врагам культуры. Вот что побудило нас во имя цивилизации, для блага всего человечества посягнуть на вашу личную свободу. Вам как человеку науки также должна быть дорога наша старая европейская культура. Подарите же ей

ваш ценный дар! Поверьте, он будет использован наилучшим образом.

Профессор откинулся на спинку кресла и слушал, устремив оба глаза на своего собеседника, что с ним случалось редко.

— Да, я человек науки, далекий от политики, — ответил Вагнер. — Но вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что я противник советской власти. Впрочем, ваша ошибка понятна: к вам большевизм обращается только своей разрушительной стороной. Я же пережил уже эту полосу и, не скрою, полосу сопутствовавших ей настроений; последние годы я мог наблюдать и другую сторону этого самого «страшного» большевизма — созидательную. Вы ее не видите или не хотите видеть. Меня же поражает и невольно захватывает этот грандиозный размах творческой энергии, широта планов, кипучая работа... Никогда еще столько научных экспедиций не бороздило вдоль и поперек великую страну в поисках естественных богатств, где бы они ни находились: глубоко прикрытые полярными льдами, жгучими ли песками пустыни или молчаливыми недрами земли. Никогда еще не было у нас такой тяги к технике, механизации труда. Никогда самая смелая творческая мысль не встречала такого внимания и поддержки...

И потом, что нужно ученым? Прежде всего условия для спокойной работы. Моя страна уже перенесла бурю революции и судороги контр-

революции. Впереди только мирное строительство. А вы?.. Разве не ваш страх перед грядущими потрясениями заставил вас привезти меня сюда столь... неделикатным манером? Нет, господин Брауде, я желаю жить и работать в России. Ей же принадлежат и мои труды. Я не открою вам секрета!

Ответ Вагнера был доложен комитету.

— Да он сам большевик! — воскликнул узколобый генерал.

— С ним нечего стесняться! — слышались голоса.

На этот раз и Гольдзак нашел невыгодным выступать против общего настроения.

Не было принято никакой резолюции, но все было ясно без слов: профессору Вагнеру был вынесен смертный приговор.

И Брауде должен был привести его в исполнение.

Не без волнения вошел он в кабинет профессора, чувствуя тяжесть браунинга в своем правом кармане. Но, хорошо владея собой, он с обычной любезной улыбкой поздоровался с профессором и уселся в кресло напротив него, заложив руки в карманы.

— Ну-с, дорогой профессор, вы еще не изменили вашего решения? — спросил он Вагнера, нащупывая в кармане рукоятку револьвера. — Предупреждаю вас, что ваш отказ приведет к самым тяжелым для вас последствиям!

— Нет, господин Брауде: не изменил и не изменю!

Брауде ошупью наложил палец на курок, все еще не вынимая револьвера из кармана.

— Но у меня есть одна просьба, господин Брауде!

«Время терпит, — подумал Брауде, — узнаем, что это за просьба», — и задержал в кармане руку с револьвером.

— К вашим услугам, дорогой профессор.

Профессор имел смущенный вид. Брауде поразило, что Вагнер выглядел очень усталым и всегда румяные щеки его побледнели.

— Дело в том, — начал профессор, запинаясь, — что ваши друзья в масках при обыске не заметили в моем жилетном кармане небольшой коробочки с пилюлями. То есть они, может быть, и заметили, но, вероятно, не обратили внимания на нее, так как на коробочке была безобидная этикетка: «Purgen». Обычное лекарство для людей, ведущих сидячий образ жизни. В этой коробочке у меня был запас пилюль против сна и усталости. Увы, коробочка пуста! Вчера я принял последнюю пилюлю. Если сегодня я не возобновлю прием, я должен буду уснуть. Для меня это было бы ужасно... И усталость... Я был бы вам... очень благодарен... — профессор говорил все медленнее, — если бы вы достали мне некоторые химические продукты по моему указанию и, если можно... скор...

Голова профессора откинулась назад, веки закрылись, и он заснул глубоким сном.

— Это облегчает задачу! — сказал вслух Брауде, спокойно вынул револьвер и направил его в грудь профессора.

Но он не выстрелил: какая-то мысль остановила его. И, быстро сунув револьвер в карман, он выбежал из комнаты.

IX. Акционерное общество «Энергия»

— Профессор Вагнер спит! Он в наших руках! — быстро проговорил Брауде, вбегая к секретарю комитета.

— Говорите яснее, Брауде, в чем дело?

— Дело в том, что у Вагнера истощился запас противосонных пилюль и он нуждается в химических материалах, иначе говоря — он нуждается в нас! Мы можем дать ему все необходимое, но под условием выдачи секрета. Я уверен, теперь он пойдет на все! Я взял на себя смелость отложить исполнение приговора.

— Вы правы! Несколько дней не составляют расчета. Попробуйте сговориться с ним, когда он проснется.

Но сговориться с Вагнером оказалось не так-то просто. Однако Брауде не терял надежды. Он играл на психологии Вагнера и поднимал с ним торг в тяжелые для Вагнера минуты, ко-

гда его начинали одолевать сон и усталость. Профессор страдал.

— Сколько непроизводительно потерянного времени! Сон для меня равносителен смерти, а смерть страшна только тем, что это вечный сон, который оборвет мои работы. Сколько неоконченного! Сколько погибнет замыслов!..

На третьи сутки было достигнуто соглашение: «друзья Брауде» доставляют профессору Вагнеру все необходимые продукты, а профессор Вагнер будет вырабатывать в лаборатории свой чудесный препарат. Никто не может присутствовать при производстве работ.

Из осторожности Брауде поставил условием, чтобы одну из приготовленных пилюль Вагнер проглатывал первый. Комитет «Диктатор» полагал, что если ему станут известны составные элементы препарата и самый препарат в готовом виде, то немецким химикам не представит особого труда угадать остальное.

Однако профессор Вагнер явно усложнял их работу. Он составил длиннейший список различных химических веществ. Было очевидно, что многие из этих веществ не входили в состав его антитоксина.

Когда получился готовый препарат, химики обнаружили полипептиды и аминокислоты. Найдены были вещества, содержащие группу CNH ; но в препарате оказывался, очевидно, еще ка-

кой-то неразложимый остаток. По крайней мере все опыты ученых не приводили к цели.

Практических неудобств от этого пока не происходило. Пилюли Вагнера, принимаемые один раз в день вместе с пищей, заключали в себе, помимо обычных пилюльных связывающих веществ, не более 0,05 грамма чистого препарата. Несколькими килограммами можно было обеспечить потребность всего населения.

Лаборатория Вагнера вполне успешно справлялась с этим производством.

Профессор Вагнер на время примирился со своей участью. Когда производство наладилось, для него потекли дни и ночи обычного труда. Изготовление пилюль отнимало у него не более четырех часов в сутки. Отработав этот «урок», он погружался в свои научные изыскания, не думая больше о судьбе «продукции».

А между тем эксплуатация его препарата имела громадное влияние на всю жизнь Германии.

Как только производство пилюль было поставлено, на сцену выступил барон Гольдзак. Им было создано акционерное общество «Энергия», которое выпускало в продажу чудесный препарат, уничтожавший сон и усталость. Акции, выпущенные в огромном количестве, находились в руках членов комитета.

Широкая рекламная кампания оповестила мир о новом препарате.

«Нет больше сна! Нет больше усталости! Удлините вашу жизнь!» — крупными буквами кричали плакаты и объявления газет.

В ответ на эти рекламы в советских газетах появился ряд статей о профессоре Вагнере, уже открывшем секрет борьбы со сном и так странно исчезнувшем на немецкой территории.

Но немецкие газеты, находящиеся на содержании «Энергии», возмущались этими «инсинуациями» и доказывали, что «Энергия» купила свой препарат у немецкого профессора Фишера, ранее Вагнера разрешившего эту задачу. Такой профессор действительно был, но коллеги, знавшие его бездарность, только руками разводили. Неожиданно открытая «гениальность» Фишера и привалившее к нему вслед за этим богатство заставляли многих немецких ученых усомниться в истине. Но они молчали.

Акционерное общество «Энергия» преследовало коммерческие и политические цели.

Препарат Вагнера был настоящим золотым дном. Деньги лились рекой, и эти деньги в значительной доле расходовались комитетом «Диктатор» на подкупы своих политических противников, прессы, избирателей, социал-демократических вождей пролетариата, министров. Колоссальные средства шли и на пропаганду. Благодаря всему этому «Диктатор» скоро оказался фактическим правителем страны.

Первым покупателем препарата была денеж-

ная аристократия: капиталисты, рантье, лица свободных профессий. Из всех них только лица свободных профессий использовали препарат с наибольшей выгодой для себя и общества: купленное «прибавочное» время приносило хороший доход. Профессора выпускали утроенное количество печатных трудов, юристы утраивали свою практику, хирурги успевали производить громадное количество операций.

Что же касается рантье и в особенности «золотой молодежи», то для них «прибавочное время» ценилось как прибавочная сумма наслаждений. Ночные развлечения распустились пышным цветом. Кабаре, рестораны, театры вырастали, как грибы. Все ночи напролет эти места удовольствий довольно грубого свойства горели огнями, привлекая посетителей, не знавших больше сна и отдыха. Однако такая жизнь, разумеется, не обходилась без вреда для здоровья. Вино лилось рекой. Все виды азарта и разврата расшатывали нервную систему капиталистической «смены». Скоро пилюли вошли во всеобщее употребление. Все городское население забыло о сне, за исключением бедняков и безработных, не имевших средств на покупку чудодейственных пилюль.

Препарат «Энергия» оказал крупнейшее влияние и на финансы страны. Торговые заведения и банки работали двадцать четыре часа в сутки. Денежное обращение быстро увеличивалось.

Но особенно сильное влияние оказало изобретение профессора Вагнера на промышленную жизнь страны.

Фабриканты и заводчики очень быстро поняли все выгоды препарата. Прежде всего они смогли сразу на две трети сократить управленческие аппараты своих учреждений. Затем они принялись за рабочих. Все крупные денежные тузы были членами организации «Диктатор», отпускавшей им препарат по себестоимости. Среди рабочих был произведен «отбор». «Неблагонадежные» увольнялись, «благонадежные» получали двойные оклады, работая непрерывно две смены. Пилюли они получали «бесплатно».

Восемь часов оставляли свободными от работ.

«Пусть рабочие войдут во вкус траты денег. Если они станут работать двадцать четыре часа, у них могут скопиться сбережения, а это нежелательно. Лучше будет, если их «лишние деньги» вернутся к нам через наши кабачки».

Безработица росла. Безработные начали борьбу, но она подавлялась беспощадно.

Все это делалось за спиной профессора Вагнера, поглощенного своими научными работами и занятиями.

От времени до времени он спрашивал Брауде:

— Ну, какие результаты дает мой препарат?

— Прекрасные, дорогой профессор! Восемь часов для работы, восемь для наук и искусств и восемь часов для движений на свежем воз-

духе. Промышленность растет, науки процветают, молодежь пышет здоровьем!

Доверчивый профессор был в восторге. Но в глубине его сознания звучала какая-то тоскливая нотка неформившейся еще мысли. Она все чаще посещала его и мучила своей неопределенностью. Но он подавил ее.

— И это достигнуто лишь при работе одного мозгового полушария! Надо научить молодежь работать обоими полушариями. Это еще удвоит их силы!

Брауде замялся.

— Ваш метод требует большой тренировки. Вам пришлось бы потратить слишком много времени на личное инструктирование... Но если бы вы могли написать об этом книгу...

За окном вдали послышался шум, крики толпы, несколько выстрелов и стоны...

Вагнер подошел к окну, но матовые стекла не позволяли видеть, что делается снаружи.

— Что это? — спросил он.

— Вероятно, праздничный карнавал!

— Эти крики не напоминают шума праздничной толпы, — сказал задумчиво Вагнер и почувствовал, как тоскливая нотка опять запела где-то внутри.

Несмотря на все увлечение работой, он чувствовал себя пленником. Он не знал, что творится вон там, за окном. Он не знал, что творится на Родине. Россия!.. Не о ней ли тоско-

вал он все время? Так дальше продолжаться не может! Он должен вырваться на волю! А прежде всего он должен узнать, что делается там, за окном!..

Х. Что делается за окном

— Господин Брауде, мне нужен для новых опытов ряд приборов и частей. Вот чертежи. Будьте добры срочно заказать по ним приборы и доставить материалы.

— Можно узнать, что за опыты, дорогой профессор?

— Превращение световой волны в звуковую. Вы знаете, что многим музыкантам каждая гамма или тон кажутся окрашенными в определенный цвет. Например, C-dur — белый, A-moll — синий, D-dur — розовый... Я хочу установить соотношение звуковых и световых волн.

Вагнер дал большой заказ. Среди разнообразных и часто не имеющих ничего общего частей и материалов было все необходимое для конструирования радиоприемника.

Когда заказ был получен, Вагнер принялся за работу. Задача его облегчалась тем, что Брауде оказался ничего не понимающим в радиотехнике. Однако опасаясь, что Брауде мог скрывать свои знания, Вагнер очень хитро маскировал свою работу и опыты. Ему помогало

в этом умение производить одновременно две работы сразу.

Довольно громоздкий «аппарат» был готов. Это было соединение радиоприемника, хорошо скрытого внутри, и «светозвукового трансформатора».

От аппарата шли две слуховые телефонные трубки: одна — от скрытого радиоприемника с рамочной антенной, другая — от «светозвукового» отделения аппарата. Телефонную трубку от радиоприемника взял Вагнер. К другой трубке с любезной улыбкой, но решительно протянул руку Брауде.

— Разрешите поинтересоваться?

— Пожалуйста!

Правый глаз и правая рука профессора были к услугам Брауде, левым он работал над радиоприемником. Правая рука повернула рычажок, и на экране появилось розовое пятно. В то же время Вагнер регулировал герметически закрытую индукционную катушку, и она гудела в слуховую трубку Брауде, меняя тон.

— Слышите? D-dur!

Но тут вышло осложнение: Брауде оказался обладателем абсолютного слуха.

— Это не D-dur! Уверяю вас, это C-dur! — сказал он.

— Я не музыкант... Но это доказывает только, что субъективные сближения звука и цвета ошибочны! — нашелся профессор.

В то же время левой рукой он настраивал свой радиоприемник. Среди фокстротов, забавлявших Европу, и выстукивания радиотелеграфа он вдруг уловил русскую речь.

«...уже на этом примере вы можете видеть, товарищи, как самые ценные достижения науки извращаются на капиталистической почве. То, что могло принести громадную пользу трудящимся, поднять их культурно, превращается в орудие эксплуатации пролетариата... Изобретение русского профессора Вагнера, столь странно исчезнувшего на гер...»

— Это крайне интересно! — громко сказал Брауде. — Поразительно! Я страшно заинтересован! Надо поставить здесь рояль... Представьте картины, превращенные в звуки... Быть может, мы услышим новые симфонии... Или шумановский световой «Карнавал»...

«...средство от сна, — продолжало радио, — вызвало страшную безработицу... Бедствия рабочих не поддаются описанию...»

«А меня-то уверял Брауде...» — подумал Вагнер, и, не удержавшись, он воскликнул:

— Какой обман!..

— Обман? В чем обман? — удивленно спросил Брауде.

— D-dug окрасить в розовый цвет! — раздраженно ответил Вагнер.

— Но ведь это субъективно!..

XI. Сонное царство

Одна цель была достигнута. Профессор Вагнер знал, что делается за окном. Оставалось проникнуть туда, за окно, на свободу, самому. План его был готов.

Он ухмылялся в свои усы и зорко вглядывался в лицо Брауде.

Его тюремный смотритель устало потянулся и зевнул.

— Что это значит, профессор, я чувствую сонливость?!

— Представьте, я тоже, — сказал Вагнер, искусственно зевая. — Боюсь, что нам вчера прислали не совсем доброкачественные химические продукты.

— Странно... Я положительно засыпаю... Надо, во всяком случае... а-а-а... предупредить...

Он поднялся, но тотчас свалился в кресло и захрапел.

— Готово! — произнес профессор Вагнер, широко улыбаясь. — Теперь этот мор пойдет по всей стране! Раньше суток им не проснуться. И как просто! Надо было только изменить состав препарата. Вместо антитоксинов они проглотили простой безвредный порошок магнезии. Действие вчерашнего приема пилюль против сна кончилось, и теперь они спят как убитые «естественным сном». Весь Берлин, вся Германия погружилась в сонное царство!

— Свобода! Свобода! — закричал Вагнер, не боясь разбудить спящего Брауде.

Но радость Вагнера была преждевременной. Толстая дубовая дверь кабинета запиралась снаружи. Надо было разбить ее. Он обошел всю лабораторию, ища подходящего орудия. Там были лишь легковесные точные инструменты и стеклянные химические сосуды... Оставалась тяжелая дубовая мебель. Он принялся за нее, работая как тараном. Мебель ломалась, куски превращались в щепы, но дверь не поддавалась.

Брауде продолжал спать: его не разбудили бы теперь и пушечные выстрелы.

С таким физическим напряжением Вагнер не работал еще никогда. Ему несколько раз приходилось принимать ретардин — средство, уничтожающее усталость, — чтобы поднять силы. Но главное — драгоценное время текло... Уже прошло несколько часов этой упорной работы. Наконец одна половина двери поддалась. Профессор вздохнул с облегчением и пролез в образовавшуюся брешь.

Здесь он мог убедиться, как хорошо его стерегли: в соседней комнате оказался целый штат сторожей. Все они крепко спали, сидя на креслах или лежа на полу. Их храпение сотрясало воздух. Прямо перед собою профессор увидел гладкую стальную дверь, какие бывают в кладовых банков.

Профессор в отчаянии опустил руки. Нечего

было и думать разломать такую дверь. Ее можно было разве только взорвать:

«А почему бы и не взорвать?» — вдруг мелькнула у Вагнера мысль. Он бросился в лабораторию и стал лихорадочно рыться в склянках. Он одновременно развешивал, растирал, смешивал, быстро работая обеими руками. Не прошло и получаса, как профессор держал в руках патрон со взрывчатым веществом большой силы. Сделав небольшое отверстие в стене у двери, он заложил патрон и провел от него фитиль в дальний угол лаборатории.

«Или я погибну, или буду свободен!»

Посмотрев на спящих, он задумался. Вынул часы, неодобрительно покачал головой.

«В конце концов несколько минут не составляют разницы. Не надо напрасных жертв!...» — И он перетащил спящих служителей в лабораторию.

Покончив с ними, Вагнер еще раз посмотрел на часы, вздохнул и поднес огонь к фитилю. Шипящая искра побежала к двери... Профессор Вагнер невольно прижался к стене... Прошло несколько бесконечно долгих секунд напряженного ожидания...

Громовой раскат потряс все здание. Волна воздуха ударила Вагнера. Он потерял сознание...

Придя в себя, Вагнер ощупал свое тело.

«Кажется, цел! — И тотчас посмотрел на ча-

сы. — Однако! Целых двадцать минут я лежал в обмороке... Голова кружится... Ничего... Пройдет!» — И он посмотрел вокруг себя.

Комната была наполнена удушливым дымом. Все окна в лаборатории вырваны с рамами. Штукатурка на потолке обвалилась. Стеклянная посуда перебита. Один из сторожей был ранен и глухо стонал во сне. Брауде отбросило к двери лаборатории, но он, по-видимому, счастливо отделался. Он что-то бормотал и, пытаясь проснуться, приподнимал голову, но она тяжело падала вниз.

Вагнер перешагнул через его тело и вошел в кабинет.

Здесь было полное разрушение. Потолок наполовину обрушился. На выступавших балках висели какие-то лохмотья, по которым прыгали язычки пламени. Вся мебель исковеркана. Письменный стол лежал на боку, расщепленный свалившимися кирпичами. Пол выпучило и поломало. Через наваленные обломки Вагнер пробрался к двери и заглянул в следующую комнату.

Но на месте стены со стальной дверью он увидел сквозь завесу дыма небольшой сад, огражденный высокой каменной стеной. Дальше, за стеной, высилась громада серого здания с разбитыми стеклами и виднелся погнувшийся столб уличного фонаря.

— Вот не думал, что нахожусь среди города! — сказал Вагнер, подходя к обрыву пола.

В висках стучало, голова еще сильно кружилась, едкий дым вызывал боль в глазах, но Вагнер, цепляясь за выступы обвалившейся стены, стал спускаться в сад.

Все деревья были поломаны, листва обожжена.

«Стена!.. Последняя преграда... Как преодолеть ее?» — Вагнер осмотрелся кругом. Садовая беседка. У порога лежит спящий старик садовник... А вот и то, что ему надо! Лестница!..

Вагнер быстро приставил ее к стене.

Посмотрев с высоты каменного забора на развалины своей тюрьмы, он перебросил лестницу, быстро спустился на улицу и сразу вступил в спящий город.

Стояла мертвая тишина. Ничто не нарушало сонного покоя. Улица представляла необычный вид. Она вся была завалена грудami тел спящих людей. Ежеминутно приходилось переступать через эти тела, и Вагнер, чтобы быстрее идти, вышел на середину улицы. Здесь стояли автомобили со спящими в них людьми.

Вагнер шел к перекрестку.

Вот на тротуаре лежит толстая дама, положив голову на ногу почтальона. Шляпа сползла с ее головы, зонтик валяется в стороне. Вот стоит автомобиль для поливки улицы со спящим шофером. Вода еще льется из бака, подмывая

лежащих на улице. Некоторые из них ежась от воды, медленно поворачиваются, но продолжают спать. Валяются цилиндры, шляпы, пакеты, узелки, картонки... На некоторых лицах застыл ужас. Их организм, очевидно, дольше других боролся со сном: на их глазах падали и засыпали люди, и им казалось, что город и сами они охвачены эпидемией какой-то страшной, неизвестной болезни. И они засыпали с ужасной мыслью, что, быть может, никогда не проснутся. Иных, наоборот, сон сваливал почти мгновенно. Их лица были спокойны.

Чем ближе к перекрестку, тем гуще лежали тела на тротуарах.

Вот и перекресток.

Вагнер остановился и прочитал на углу дома название улицы: «Königstrasse».

«Так вот где я! Почти в центре Берлина!»

На самом перекрестке лежал толстый шуцман (полицейский), раскинув ноги по трамвайным путям. Он даже во сне не выпускал свою палочку. В двух шагах от его ног стоял трамвай, очевидно остановленный вагоновожатым в последние минуты борьбы со сном.

А дальше виднелись два столкнувшихся трамвая. Один вагон был наполовину разбит. Часть людей выпала на мостовую. Среди них были убитые и раненые. Окровавленные трупы перемешивались с телами спящих, оставшихся в живых. Возле девочки с раздробленной рукой ле-

жала спокойно спящая женщина, очевидно мать... Каково будет их пробуждение?.. Несколько автомобилей было также повреждено. Один лежал на боку, ударившись о столб фонаря, другой въехал на тротуар и придавил ноги спящего молодого человека в белом костюме. Молодой человек глухо стонал и гримасничал от боли, но продолжал спать.

«Однако погружение города в неожиданный сон не обошлось без жертв! — подумал профессор Вагнер. — Очень печально, но этого я не мог избежать».

Из открытого окна и дверей многоэтажного дома валил черный дым. Там, очевидно, возник пожар. Вагнер вздохнул и невольно поморщился. Спасать? Но что может сделать он один? И он не имеет времени. Отвернувшись от дома, он быстро зашагал вдоль Королевской улицы, к Курфюрстскому мосту, мимо знакомых зданий Гигиенического музея и Музея национальных костюмов. Вот и ратуша (городская дума) из темно-красного песчаника на цоколе из серого гранита, с высокой башней и статуями в нишах у входа курфюрста Фридриха Первого и императора Вильгельма.

Профессор Вагнер вспомнил, что в подвальном этаже здания находится один из величайших ресторанов Берлина. Вагнер с утра ничего не ел. Он спустился в ресторан. Здесь, несмотря на ранний час, уже были посетители. Они спали

за столом и на полу попеременно с кельнерами, в лужах пива, вытекавшего из открытого крана пивного бочонка. Вагнер наскоро закусил бутербродами, лежавшими на буфете, и вышел на улицу.

У Курфюрстского моста Вагнер был удивлен появлением нескольких неспящих людей. Они были плохо одеты и своими криками резко нарушали тишину спящего города. Это были бедняки из предместья Берлина — безработные или бродяги. Они не получали казенного противосонного «пайка», не имели средств и купить чудесные пилюли. А если бы и имели, то вряд ли купили бы: сон — друг обездоленных... И потому они, выспавшись прошлой ночью, теперь явились сюда, привлеченные вестью о сонном городе.

Через огромные витрины кафе и магазинов было видно, как эти выходцы подвалов и окраин доедали объедки, откидывая спящих у столиков, как отбивали головки бутылок и пили вина. В магазинах готового платья они сбрасывали свои лохмотья, одевались в модные костюмы, так не шедшие к их обрюзглым, небритым или истощенным нуждой лицам, нагружали на спину узлы и, наспех застегивая пуговицы, бросались к другим магазинам, прыгая со своими узлами через спящие тела.

Там их привлекали иные соблазны. Бросая узлы с платьем, они хватали конфеты, пирож-

ные, консервы, чтобы бросить и это все ради золота и драгоценных камней ювелирных магазинов.

Они блаженствовали. Они царили. Никто не останавливал их. Встречая распростертые тела спящих шуцманов — их извечных врагов, — они не могли отказать себе в удовольствии позабавиться: надевали спящим шуцманам на голову дамские капоры, привязывали к их ногам бродячих собак, всовывали в руки пустые бутылки...

Вот и Курфюрстский мост с двумя спящими девочками у бронзовой статуи курфюрста. Весь мост завален телами спящих.

Вагнер с трудом добрался до Дворцовой площади.

Здесь неспящие оборванные люди встречались толпами. У дворцового фонтана Вагнер увидел нечто вроде митинга голытьбы. Вагнер заинтересовался и стал пробираться среди спящих на земле тел к фонтану Нептуна, стоящего на скале среди четырех аллегорических фигур: Рейна, Эльбы, Одера и Вислы. Фонтан — подарок города Берлина императору Вильгельму Второму. И «бог морей», конечно, он, кайзер... «Будущее Германии на воде!..»

«Увы, превратна судьба человека! — думал Вагнер, переступая через чье-то тело. — Что осталось от могущества «бога морей»?.. Революция отняла у «бога» корону, и памятник Виль-

гельму Второму уже не будет стоять — тридцать третьим по счету — в аллее Побед Тиргартена...»

Какой-то рабочий, взобравшись на возвышение, обращался к толпе:

— Товарищи! Остановитесь! Что вы делаете? Проснутся наши враги — банкиры, фабриканты и заводчики, проснется полиция, и у вас отберут все и бросят вас в тюрьму! Обезоруженный враг лежит перед нами! Он в наших руках! Нужно идти в арсенал, захватить оружие!.. Нужно захватить членов правительства, генералов, полицию... Надо действовать немедленно — и власть окажется в наших руках!

Послышались отдельные возгласы одобрения.

Но когда начали обсуждать план действий, оказалось, что захватить власть не так-то легко. Прежде всего никто не знал, долго ли продлится этот странный сон. Большинство неспящих состояло из люмпен-пролетариата, изголодавшейся голытьбы, которая увидала вдруг в своих руках несметные богатства города. Трудно было оторвать эту толпу от соблазнов грабежа и в несколько часов организовать, заставить ее действовать по определенному плану.

— Позвольте и мне вмешаться в ваш разговор! — сказал профессор Вагнер. — Вы интересуетесь тем, когда проснется город. Могу вам дать довольно точные сведения. Все уснувшие должны проспать не менее восьми-десяти часов. Уснули они около девяти часов утра. Сейчас

сорок минут второго. Надо ожидать, что между пятью-семью часами вечера начнется пробуждение. В вагшем распоряжении около четырех часов.

Четыре часа! За это время надо найти грузовики, освободить тюрьмы, перевезти туда спящих врагов... Вмещит ли Моабит их всех? Положим, место для арестованных в Берлине найдется, но шоферы, вероятно, все также спят. Где найти других, много ли их найдется?..

— Послушай, Карл, не обратиться ли нам за помощью к нашим московским товарищам? Кто знает, может быть, город проспит и несколько суток?

— Город скоро проснется! — вмешался опять в разговор профессор Вагнер.

— Откуда вы это знаете?

— Из первоисточника: я сам причина этого сна. Они, — и Вагнер показал рукой на тела спящих, — не отравлены. Они лишь не получили обычного состава противосонных пилюль, которые я изготавлял, и теперь спят естественным сном, насколько вообще сон естествен. А нормальный сон продолжается около восьми часов. Расчет простой... О помощи из Москвы нечего и думать в такой короткий срок. Я уже не говорю о некоторых дипломатических препятствиях, которые могут встретиться или по крайней мере потребуют своего обсуждения в Москве. Но самый полет в Москву меня крайне

интересует. Я не могу остаться здесь. Я «усыпил» город только для того, чтобы бежать из плена одной из ваших боевых реакционных организаций. И я был бы вам очень благодарен, если бы вы помогли мне в этом.

Рабочий Карл задумался, потом хлопнул по плечу товарища и, указав глазами на Вагнера, воскликнул:

— Летим с ним, Адольф! Если помощь из Москвы и опоздает, мы по крайней мере выберемся отсюда. Другого такого случая не дождешься! Остаться здесь и ожидать их пробуждения у меня совсем нет охоты. Ты умеешь управлять автомобилем. Вези нас на аэродром!

И они быстро подошли к новенькому автомобилю.

— А ну-ка, товарищ, уступи нам место! — сказал Карл, вытаскивая спящего шофера из-за рулевого колеса.

— Этого поросенка тоже долой! — принялся он за пассажира. — Ему еще никогда не приходилось спать на земле. Пусть попробует наших пуховиков!

— Позвольте! — вскричал Вагнер. — Да это Таубе!

— Какой Таубе?

— Ах, сейчас не время рассказывать! А знаете ли что? Возьмем его с собой, прошу вас!

— Это еще для какой надобности?

— Я расскажу вам дорогой.

И автомобиль двинулся на аэродром. Вагнер, поддерживая мотающуюся голову спящего Таубе, смеялся в душе, представляя, какие глаза сделает Таубе, когда профессор поблагодарит его в своем московском кабинете за приятную прогулку в Германию.

В ангаре стояло несколько пассажирских самолетов. Один из них был выведен и готов к отлету. Пилот, механик и пассажиры спали на своих местах. Пассажиров вынули из кабины. Пилоту и механику Вагнер влил в рот разведенный в воде препарат против сна; они быстро проснулись и с недоумением смотрели вокруг себя.

— Сейчас же заводите мотор и отправляйтесь в путь! — сказал повелительно Карл.

— Куда? — спросил пилот.

— На Москву!

Пилот отрицательно покачал головой.

— Это линия на Кенигсберг. И у меня были другие пассажиры. Вы имеете билеты?

— Вот наши билеты! — сказал Карл, вытягивая из кармана старенький револьвер.

— Это насилие! Я буду звать на помощь!

— Зови! Вот этих позови! — И Карл указал на спящих рядышком на земле пассажиров. — Или вот этих!..

Пилот и механик удивленно оглядывали спящих людей.

— Летим!.. — сказал механик, пожимая плечами. Быстро уселись. Аппарат зажуужал...

И опять перед Вагнером раскинулся внизу широкий пестрый ковер с ровными нитями железнодорожных путей, голубым узором извиляющихся рек и пестрыми пятнами городов.

Полчаса прошло в молчании. Вдруг Карл, поглядев в окно, вскочил и начал кричать. Шум мотора заглушал его голос, но, когда Карл показал на часы и на солнце, Вагнер понял: косой луч солнца освещал кабину слева. В этот час, если бы они летели прямо на восток, солнце должно быть справа.

Карл пробрался к пилоту и начал трясти его за плечо, показывая на солнце. Пилот со своей стороны показывал на карту и пытался оправдаться: он летит по знакомому пути на Кенигсберг, а оттуда по маршруту Ковно — Смоленск — Москва. Лететь прямо на восток он не может. Путь не изучен. Места посадок неизвестны...

Карл не принимал никаких объяснений. Он вынул свой старенький револьвер, потряс им угрожающе перед носом пилота и провел дулом по карте прямую линию на восток.

Пилот пожал презрительно плечами и жестами предложил Карлу занять его место. Здесь, на высоте пятисот метров, держа в своих руках управление аппаратом, пилот не очень опасался угроз Карла.

Но Карл крикнул ему на ухо:

— Я убью вас не сейчас, а в тот момент, когда аппарат коснется земли!

Пилот поежился, сжал губы и повернул руль. Аппарат, накренившись набок, сделал крутой поворот и пошел на северо-восток.

Пролетая над Бромбергом, пассажиры заметили на его улицах движение.

Карл посмотрел на Вагнера и многозначительно качнул головой:

— Пробуждаются!..

Профессор хотел объяснить, что если Бромберг уже пробуждается от сна, то, очевидно, там раньше принимали пилюли. Берлин, наверное, еще спит, хотя скоро проснется и он. Но шум мотора мешал говорить, и Вагнер только молча показал рукой на спящего Таубе.

И опять молчание. Минутами кажется, что аппарат стоит на месте, а земля медленно ползет. Карл задремал...

~~Но~~ Вагнер зорко смотрел вперед. Вдруг Карл просыпается от толчка в бок. Адольф, возбужденный, показывает ему что-то в окне.

Карл глядит вдаль, но не понимает, в чем дело. Вагнер дает ему бинокль, оказавшийся в кабине, и показывает на беленький домик у опушки леса. Карл наводит бинокль, и вдруг грудь его широко поднимается. У пограничного столба развевается красный флаг.

— Спасены! — кричит он и машет биноклем в окно.

ГОСТЬ ИЗ КНИЖНОГО ШКАФА

I. В дождливую ночь

Осенний ветер, надув щеки, разыгрывает хроматические гаммы на каминной трубе. Все тоньше, жалобней, надрывней... И, будто не вынося этой щемящей мелодии, скрежещут где-то на крыше ржавые флюгера. Ветер подхватывает снопы дождя и, как сухим веником, бьет ими в оконные стекла... Часы пробили три. Три часа ночи.

Но профессор Вагнер не спит. Он не спит уже много лет — с тех пор, как победил сон. Его жизнь — один непрерывный рабочий день. И выполняет он две работы сразу. Каждое его мозговое полушарие, как два самостоятельных веретена, ткёт сразу две нити мыслей.

Одна из них — о строении атома. Вот над чем работает сейчас профессор Вагнер.

А другой половиной мозга — что с ним бывает очень редко — он думает о самом себе. Он под-

водит итог тем событиям, которые вновь сделали его пленником...

«Победа над сном» дорого ему досталась. Тайная немецкая политическая организация «Диктатор», желавшая воспользоваться его изобретением, путем обмана заманила его в свои сети. Профессор Вагнер бежал на самолете. Но когда спасение, казалось, уже пришло, когда он уже видел развевающийся вдаль, на русской границе, красный флаг, случилось то, чего он менее всего ожидал. Его настигла неожиданная погоня. Шум аэропланного мотора, на котором он летел, заглушал звуки приближающегося воздушного врага. Когда сзади послышалось гудение и он обернулся, было уже поздно. К беглецу подлетел огромный быстроходный самолет — последнее изобретение немецкой техники, очевидно втайне построенное и хранимое до сих пор.

Гигантский «Коршун» налетел на аэроплан Вагнера, выбросил два длинных металлических стержня, подцепил ими снизу верхние крылья пассажирского самолета, рванул и понес свою жертву, описывая широкую дугу, на запад. Все это произошло в несколько секунд...

Когда Вагнер и его спутники, сброшенные толчком абордажа, пришли в себя, один из спутников Вагнера, немецкий рабочий Карл, закричал в бешенстве бессилия. Он выхватил свой старенький револьвер и, высунувшись из окна

кабины, выпустил весь заряд пуль в «Коршунa». Но пули отскакивали от бронированного брюха аэроплана, как горох. Тогда Карл бросил на пол револьвер, ударивший по ноге Таубе, который подскочил от боли, и, прежде чем Вагнер успел двинуть рукой, Карл выбрался на крыло аэроплана и полез наверх. Среди шума моторов двух аэропланов глухо прозвучал выстрел, и тело Карла, с мотавшимися в воздухе руками, промелькнуло у окна и скрылось вниз. Вагнер похолодел и не имел силы заглянуть туда... Он сидел подавленный, до боли сжав кулаки...

А аэроплан продолжал свой безумный полет, будто ничего не случилось, забираясь все выше и выше. Усиливающийся холод говорил о громадной высоте полета. И вдруг окна кабины будто покрылись серой завесой. Пронизывающая сырость проникла в кабину сквозь открытое окно. Тучи! Аэроплан летел в полосе туч.

«Когда он начнет снижаться, я сумею определить местность», — подумал профессор Вагнер.

Но и этому не суждено было сбыться.

В открытом окне вдруг появилось какое-то темное пятно.

По веревочной лестнице кто-то спускался. В тумане Вагнер увидел человека, левой рукой державшегося за лестницу. В правой руке его был револьвер.

— Руки вверх! — скорее догадался, чем услышал, Вагнер и поднял руки.

Человек влез в кабину, обыскал Вагнера и рабочего и завязал им глаза.

— А вы здесь как? — услышал Вагнер голос неизвестного, обращавшегося, по-видимому, к Таубе. Что ответил Таубе, Вагнер не услышал из-за шума мотора.

Аэроплан летел еще не менее трех часов.

...И вот Вагнер опять в заключении. Когда ему сняли повязку с глаз, первое лицо, которое он увидел, был старый знакомый Брауде — его неизменный тюремщик.

— Однако хорошую шутку вы сыграли с нами, дорогой профессор! — сказал он со своей обычной любезной улыбкой.

— Не знаю, кто из нас лучше шутит!.. — угрюмо ответил Вагнер.

После неудавшегося побега Вагнера надзор за ним был усилен. Кроме Брауде, к Вагнеру было приставлено несколько ~~профессоров-специалистов~~, которые должны были следить за научной работой Вагнера и за тем, чтобы он не использовал своих изобретений в целях побега или не причинил ими вреда. Для работ, однако, ему было предоставлено все необходимое. Его кабинет с высоким сводчатым потолком напоминал часовню, — может быть, здесь и была когда-нибудь часовня. Старый широкий камин, толстые стены, узкие окна говорили о том, что

местом нового заключения Вагнера был какой-то старинный замок. Но где он находится, профессор Вагнер не знал.

Прошло три месяца с тех пор, как Вагнер вернулся в свое заключение после неудачного побега. Но он не оставлял мысли вырваться на свободу. Неудача только усилила это желание. Он строил различные планы нового побега, но все они были трудновыполнимы. И вот только теперь, в эту бурную, дождливую ночь, он сделал одно открытие, которое должно было раскрыть перед ним все двери, сделать его свободным — свободным, как ни один человек на земле.

Но ему нужно было скрывать тайну своего открытия; работая над ним, вести своих тюремщиков по ложной дороге. На этот раз это было труднее. Работа над строением атомов должна была дать ключ к свободе. Однако при его опытах присутствовал молодой, но очень знающий и талантливый профессор Шмидт, сам работавший в этой области. Его не поймаешь на удочку «звучащего света», как Брауде.

Вагнер долго изучал Шмидта. Этот человек, напоминающий лицом портреты Шиллера, по своему душевному складу представлял странную смесь прусацкого высокомерия, научной точности мысли и старонемецкого романтизма. Будто несколько эпох жило в нем. Но, быть может, по молодости лет романтизм пока в нем бил еще ключом. И он часто зажигался огнем

вдохновения и тогда был больше поэт, чем ученый.

— Дерзкий гений человека, — говорил он с горящими глазами, — срывает последние покровы с тайн природы. Несмотря на все запреты «неба», человек жадно вкушает от древа познания, дерзко похищает священный огонь и освещает им самые тайные углы мироздания. Изучение строения атома почти раскрыло нам «вещь в себе». С «нумена» мы срываем покрывавшую его маску «феномена». Это может поставить вверх ногами всю философию Эммануила Канта!

— Как поставлена Карлом Марксом вверх ногами философия Гегеля? — спросил, улыбаясь, Вагнер.

Шмидт не заходил так далеко и будто сам испугался смелости своих выводов.

— Я стою исключительно на почве физических наук, — уклончиво сказал он.

Но эти самые физические науки толкали его на путь, по которому он, быть может, и не пошел бы, если бы сознавал конечные выводы.

— Тайна строения материи — ключ к тайнам мироздания. Когда мы овладеем этой тайной совершенно, мы будем всемогущи... Мы овладеем круговоротом вещества... Песок пустыни мы сможем превратить в золото, камень — в хлеб... И, быть может, когда-нибудь мы в состоянии

будем создать микрокосмос — маленькую солнечную систему в своей лаборатории.

— Что же тогда будет с творцом мира? — с тою же улыбкой спросил Вагнер.

Шмидт смутился и потом вдруг рассердился.

— Я не касаюсь теологии, — проговорил он, покраснев, и замолчал.

«Хорошенькую игрушку я приготовил для тебя», — подумал Вагнер, глядя на молодого ученого, в котором научная мысль мятежно пробила дорогу сквозь дебри привитых воспитанием старых верований и предрассудков.

— Вы ближе к истине, чем воображаете, мой молодой друг, — сказал серьезно профессор Вагнер. — Пройдемте в лабораторию.

— С вашего разрешения, позвольте и мне взглянуть, что вы собираетесь показать профессору Шмидту, — сказал Брауде, следуя за ними.

II. Творец мира

Вагнер и его спутники вошли в огромный полуосвещенный готический зал. Когда-то здесь пировали бургграфы, ландграфы и вальдграфы. Возвращаясь с охоты, они веселились здесь до утра: рвали руками дымящееся мясо кабанов, и бросали кости собакам, и пили пиво из высоких кубков, и оглашали высокие своды пес-

нями. Теперь здесь было тихо, как в пустом храме. У стен стояли длинные столы, уставленные тиглями, перегонными кубами, колбами, пробирками. Всю середину зала занимал стеклянный шар необычайной величины.

Профессор Вагнер протянул руку по направлению шара.

— Наконец-то вы объясните назначение этого шара, дорогой профессор! — сказал Брауде.

— Да, я это и хочу сделать! — ответил Вагнер, подходя к выключателю. Электрическая лампочка погасла, зал погрузился в полную темноту. Только внутри шара светилась какая-то туманность.

— Прошу садиться!

Брауде и Шмидт уселись в старинные кожаные кресла. Вагнер стоял у шара, и его силуэт выделялся на фоне светящейся туманности.

Все замолчали. Только ветер продолжал свою неумолчную жалобу. Этот старинный зал с острым колпаком потолка, таинственный полумрак, излучаемый шаром, скрежет флюгеров и завывание ветра навевали жуть на нервного Брауде и романтического Шмидта. Будто они попали в кабинет средневекового алхимика. Шмидт дал волю своему воображению. Ему казалось, что уже не профессор Вагнер, а доктор Фауст стоит у таинственного мерцающего шара. Вот он произнесет заклинание, и из темного угла появится Мефистофель в традиционном театральном ко-

стюме... Не ~~черный~~ ли пудель царапается за дверью?..

— Здесь зарождается новый мир! Маленькая солнечная система, — прервал молчание Вагнер, поднимая руку к шару с таким величественным жестом, будто он играл роль творца мира и говорил: «Да будет свет!» — Свершилось то, о чем вы только что мечтали, дорогой Шмидт!

Шмидт нервно подскочил в кресле.

— Не может быть!

— «*Errig si tuove*» *, — с улыбкой ответил Вагнер — Вы видите туманность, из которой создается новый мир.

— Но позвольте, господин профессор!..

— Дорогой друг, — остановил Вагнер Шмидта, — я дам вам ответ на все ваши вопросы. Но я опасаюсь, что наша научная беседа будет скучна и не совсем понятна господину Брауде. И потому я пока останавлиюсь на самом существенном.

Вы сами говорили, что в строении атома — ключ к тайнам мироздания. Я овладел этим ключом. Я разложил атом, сознаюсь, не без риска взорвать себя со всем домом освободившейся внутриатомной энергией. В моих руках оказался тот первичный материал, из которого создаются миры. Если мир создан без вмеша-

* «А она (Земля) все-таки движется!» — слова Галилея. (Прим. ред.)

тельства «творца», то очевидно, что сам этот первичный материал имеет в себе то, что называют *primum movens* — первый двигатель. Нужно было только поместить этот материал в соответствующие условия, и должна появиться космическая жизнь. В конце концов это так же просто, как то, что из лягушечьей икры вырастут лягушки, если ее поместить в воду подходящей температуры.

Впрочем, если сказать правду, дело несколько сложнее. Достичь в безвоздушном пространстве стеклянного шара температуры абсолютного нуля межпланетных пространств не представляло особого труда. Но необходимо было изолировать мой космический «Эмбрион» от притяжения Земли. Мне удалось и это. Не буду говорить о целом ряде других технических трудностей. Довольно сказать, что созданная мною космическая туманность, как вы можете заметить, уже начинает вращаться. Смотрите!

Брауде подошел к шару и увидел, что мерцающая шарообразная туманность медленно вращается вокруг своей оси.

— Изумительно!.. Поразительно!.. — Вдруг, что-то вспомнив, Брауде обратился к Вагнеру с улыбкой: — А вы, дорогой профессор, не улетите на этом шаре, как Фауст на бочонке?

— Я предпочитаю выходить сквозь двери, — ответил Вагнер, намекая на взрыв стальной двери при побеге.

— Но скажите, уважаемый профессор, — вновь спросил Брауде, — сколько же миллионов лет должно пройти, пока образуется ваша солнечная система?

— Часов, вы хотите сказать?

— Как часов?

— Очень просто. Эта будущая планетная система приблизительно в сто сорок миллиардов раз меньше солнечной системы. По моим расчетам, диаметр будущего солнца этой системы будет равен сантиметру, диаметр крайней орбиты будет около тридцати двух метров, а диаметр такой планеты, как Земля, будет меньше одной десятой миллиметра. Кроме того, я искусственно ускорил процесс развития. По предварительному вычислению, на образование планет потребуется около двух тысяч часов, от появления первого организма до говорящего человека — семьсот часов, а тот период, который прожило наше человечество, пройдет в этом мире в сорок секунд. Такое соотношение времени в соответственно увеличенном масштабе существовало в нашей солнечной системе. Условно для Земли эти цифры таковы: если принять за двадцать четыре часа период от появления первого беспозвоночного существа, то от позвоночного до человека протекло семьдесят часов, а вся история говорящего человека до настоящего времени уложится в четыре секунды. Вся история человечества с того момента, когда человек

начал говорить, и до настоящего времени занимает лишь одну шестидесятитрехтысячную часть периода, потребовавшегося первичному организму, чтобы превратиться в современного человека.

— Неужели вы предполагаете, что и здесь, в этом мире, на микроскопических планетах появится человечество?

— А почему бы и нет? От появления до гибели планетной системы это человечество будет жить всего несколько наших минут. Но для них наши минуты будут равняться миллионам лет. В эти пять-шесть минут будут сменяться поколения, создаваться и гибнуть государства, войны и революции будут потрясать «мир», люди — рождаться, страдать, думать о бесконечности, считать себя «венцом творения» и умирать... Быть может, здесь родятся великие астрономы, которые будут изучать вселенную. Но стенки стеклянного шара им будут недоступны по своей неизмеримой отдаленности, о них они не узнают никогда... Возможность существования такого микрокосма допускал наш русский поэт Валерий Брюсов. Правда, он писал о мире электронов. Он говорил:

Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.
Их мудрецы, свой мир бескрайный

Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я;
А в миг, когда из разрушенья
Творятся токи новых сил,
Кричат в мечтах самовнушенья,
Что бог свой светоч погасил.

Профессор Вагнер перевел это стихотворение на немецкий язык и выразил сожаление, что не может передать красоты чеканного стиха поэта.

— Изумительно! — воскликнул Брауде и полусуто задал вопрос: — А вдруг и наша вселенная заключена в такой же стеклянный шар и является только лабораторным опытом какого-нибудь космического профессора Вагнера?

— Не думаю! — серьезно ответил Вагнер. — Хотя подобие шара, может быть, и существует. Ведь Эйнштейн доказывает кривизну «бесконечного» мирового пространства. Во всяком случае, если бы такой сверх-Вагнер и был, он не божество, как не бог и я: я не «творю» миры, а только пользуюсь вечными мировыми силами, которые прекрасно обходятся без творца.

— А скажите, профессор, мы не сможем увидеть это микроскопическое человечество, наблюдать его историю?

— Боюсь, что нет. Микроскопичность этого мира, необычайная быстрота его времени делают недоступным для нас наблюдение, как если бы этот мир был отдален от нас миллионами ки-

лометров. Здесь миллионы лет протекают в минуту. Это превосходит наши земные восприятия. Но я пытаюсь проникнуть и в эту тайну. Я предлагаю устроить особый телемикроскоп и снимать при помощи особого кинематографа, делающего тысячи снимков в секунду; затем увеличивать снимки на экране и показывать их в замедленном темпе. Но и при такой быстроте съемок каждый из отдельных снимков, вероятно, зафиксирует моменты, отделенные столетиями их времени.

— А если бы удалось замедлить движение их планет?

— Этим самым мы сразу удлиними бы их жизнь, хотя они едва ли заметили бы это, так как одновременно замедлились бы все процессы их органической и психической жизни. И тогда мы могли бы войти с ними в сношение хотя бы при помощи радио. Едва ли нам удалось бы создать приемники такой чувствительности, чтобы они реагировали на самые «мощные» передающие станции этого микроскопического мира! Но в конце концов нет ничего невозможного!

— Смотрите! Смотрите! — воскликнул Шмидт. — Центральное ядро все уплотняется и светит сильнее, а от туманности отделяется сгусток!

— Не так скоро! Просто вы привыкли к темноте комнаты; а «сгусток» — одна из будущих

планет — образовался уже несколько дней тому назад, но вы увидали его только сейчас, когда туманность повернулась к нам.

— Однако мне пора, работа ждет меня! — И профессор Вагнер ушел в кабинет.

А Брауде и Шмидт как зачарованные смотрели на стеклянный шар, где медленно вращалась голубоватая туманность нового мира, созданного человеком.

III. «Волшебная коробочка»

Профессор Вагнер не ошибся: «игрушка» чрезвычайно заинтересовала Шмидта. Брауде не отставал от него. Они часами сидели в темном зале перед стеклянным шаром и наблюдали за изменениями светящейся туманности.

Зрелище было действительно захватывающее.

Туманная космическая масса все уплотнялась, принимала очертание шара и с каждым часом светила ярче. Голубоватый свет белел. На него уже было больно смотреть незащищенным глазом. Пришлось надеть дымчатые очки. Вокруг светящегося шара появилось кольцо с утолщением, как бы узлом, на одном месте. Кольцо разорвалось и, постепенно укорачиваясь, слилось с «узлом».

Брауде и Шмидт приветствовали появление первой планеты, которую они называли «Нептун».

Скоро появились и другие планеты, а около них роились спутники — «луны», вращавшиеся с необычайной быстротой. Новый солнечный мир жил полной жизнью, играя всеми цветами радуги, накаленная фотосфера центрального «солнца» уже ярко освещала стеклянный шар. От него распространялся свет и в зале.

— Глядите, — говорил Шмидт, — сейчас на этой планетке ночь. Однако какие протуберанцы выбрасывает «солнце»!

— На «Нептуне», может быть, скоро появятся ихтиозавры и прочие чудища...

И они вновь замолчали, погружившись в созерцание.

— Скоро вместо старых электрических ламп в наших комнатах будут гореть настоящие солнца, — сказал Шмидт после паузы.

— Да! Но удастся ли нам видеть развитие органической жизни и человека? — интересовался Брауде.

— Профессор Вагнер обещает. Он усиленно работает над своим телемикроскопом.

— Вы не ощущаете, от шара как будто исходит тепло? — спросил через некоторое время Брауде.

— Этого не может быть. Внутренность шара абсолютно лишена воздуха, который мог бы проводить тепло, — ответил Шмидт.

Брауде подошел к шару и попробовал его рукой.

— Шар нагревается!

— Странно!.. Надо позвать профессора Вагнера.

Вагнер быстро работал в своем кабинете над какими-то сложными машинами. На руках его были перчатки из материала, напоминающего резину.

Когда он узнал новость, то на минуту погрузился в задумчивость.

— Очевидно, где-то просачивается воздух! — сказал он.

— Но ведь это ужасно! — воскликнул Брауде. — Шар будет нагреваться, и тогда...

— Стекло может лопнуть...

— И вдруг произойдет распад внутриатомной энергии!.. Ведь это будет катастрофой?..

— Не столь страшной, как вы воображаете. В публике распространено мнение, что один грамм материи может выделить при распаде атома энергию, которая равна выделяемой при сгорании двух тысяч тонн угля. Это неверно. Реальная внутриатомная энергия составляет только восемь десятых процента этой фиктивной энергии. Притом весь атомный материал нашего нового мира ничтожен. Вы знаете, что, если уплотнить громадное газообразное тело настоящей кометы, оно влезет в наперсток. Какую же ничтожную долю составит этот ничтожный мирок! Но все-таки взрыв может получиться изрядный. Надо принять меры...

— Профессор, неужели этот микрокосм вы обрекаете на гибель?

— Все миры обречены на гибель! В бездне неба солнца непрерывно гибнут и рождаются.

— Я вовремя сделал одно важное открытие. Вот, видите эту коробочку? — продолжал профессор Вагнер, поднимая небольшую коробку из какого-то неизвестного металла или сплава. — Это «волшебная коробочка», способная творить сказочные чудеса. Идем к нашему большому миру!

Они вошли в зал. Профессор попробовал рукой шар. Он накалился так, что трудно было держать руку.

— Да, откладывать нельзя. Бедный мирок! Он погибнет прежде, чем появятся люди и увидят свет солнца. Старый брюзга Будда сказал бы, что это и к лучшему...

Профессор Вагнер наставил на шар свою коробочку, как камеру фотографического аппарата. Можно было подумать, что он хочет кодаком запечатлеть лицо умирающего мира. Так же, как в кодаке, щелкнул затвор. И в тот же момент из «объектива» полилась струя голубоватого света. И она будто заливала костер пылающего в шаре мира. Погас «Нептун», погасли его спутники, наконец, погасло и «солнце». В комнате стало темно. Шар опустел. При свете голубого луча, истекавшего из коробочки, с

трудом можно было заметить беловатый порошок, осевший на дне шара.

— *Finis!* — сказал профессор.

— И это все, что осталось от маленькой вселенной! В этом порошке таились гениальные мысли будущих обитателей этого мира, их страсти, их порывы к истине, к борьбе за лучшее будущее! Все обратилось в прах!.. — меланхолически говорил Шмидт. И в эту минуту, сопущенными руками, он был похож на пастора, говорящего проповедь у свежей могилы.

— Мой друг, не впадайте в пессимизм! Из этого «праха» бесконечное количество раз уже творились и будут твориться миры со всем их великолепием и недостатками. Вам, как человеку науки, должно быть известно, что этот «прах» — только химические элементы, ничем не отличающиеся от тех, которые находятся в нашем живом теле. Мы только открыли средство их превращения, распада на атомы, распада самих атомов и нового превращения в атом-материю — мир.

— Но как вы это сделали?

— Об этом мы еще поговорим. А пока, чтобы рассеять ваше похоронное настроение, позвольте вас позабавить интересными фокусами, которые я произведу при помощи моей волшебной коробочки. Здесь темно, идемте в кабинет!

Вагнер стал у своего письменного стола, заваленного чертежами, рукописями и неокончен-

ными приборами сложных аппаратов. Брауде и Шмидт, опустившись в кресла по сторонам Вагнера, внимательно наблюдали за ним.

— Возьмем вот эту массивную чернильницу, — начал Вагнер таким тоном, будто он говорил со студентами на лекции, — подвергнем ее действию лучей волшебной коробочки... Так... Готово!

Теперь возьмем, ну, хотя бы это пресс-папье. Раз, два, три! — произнес он уже шутливо, подражая фокуснику, и сверху бросил пресс-папье на чернильницу.

Произошло нечто необычайное, и слушатели невольно вскрикнули от удивления: пресс-папье не разбило чернильницу, а вошло в нее, как входит твердый предмет в жидкость в сосуде. Но чернильница была невредима и сохранила свои формы, выдаваясь углами из пресс-папье.

— Дальше... Раз, два, три! Я снимаю пресс-папье. Чернильница, как видите, стоит целехонька на своем месте. Возьмите в руки чернильницу!

Шмидт и Брауде были так поражены, что ни один из них не пошевелился.

— Ну что же вы, господа?

Брауде протянул руку. Было видно, как от волнения дрожат его пальцы. Он взял чернильницу, но пальцы его прошли сквозь нее и неожиданно сжались в кулак, не встретив сопротивления.

— Ах! — не удержался Брауде и с растерян-

ным видом посмотрел на Вагнера и Шмидта, ища ответа.

А Вагнер хохотал, откинув голову назад. Потом он неожиданно схватил «волшебную коробочку» и бросил ее в горящий камин. Шмидт и Брауде встали и, бледные, смотрели на Вагнера. Не сошел ли он с ума?..

Но он, продолжая смеяться, снял перчатки, бросил их также в камин и обратился к своим ошеломленным слушателям:

— Ну-с, дорогие мои, понимаете ли вы что-нибудь?

— Признаюсь, я ничего не понимаю, — отозвался Шмидт.

— Тем лучше, тем лучше! А последствия всего этого вы понимаете, дорогой мой Брауде?

— Нет! — глухо отвечал Брауде, весь напряжись.

— А между тем это так просто! Представьте себе, что я чернильница! Ха-ха-ха! Ну, еще проще: что я подверг себя действию этих чертовских лучей! Словом... ну, словом, вот что!

И он вдруг направился по комнате напрямик, через столы и кресла, и проходил сквозь них, как через воздух.

— Словом, я призрак!.. Человек-призрак!

И он опять раскатисто засмеялся.

— Теперь позвольте, дорогой Брауде, обнять вас на прощанье и поблагодарить за гостеприимство!

И он направился к Брауде, раскрывая объятия. Брауде с расширенными от ужаса глазами отшатнулся, как будто на него в самом деле наступило страшное привидение, и прижался к столу. Но Вагнер приблизился к нему и, делая вид, что заключает его в объятия, прошел сквозь него. Брауде почувствовал, как будто легкая струя воздуха коснулась его тела и прошел электрический ток.

— Теперь прощайте, друзья мои! — прогудел голос Вагнера за его спиной.

— Вы спрашивали, Брауде, не улечу ли я на шаре, как Фауст с Мефистофелем улетели на винном бочонке? Нет той сказки, которую наука не воплотила бы в жизнь. Позвольте и мне, Фаусту современной науки, исчезнуть не менее эффектным образом, под занавес, как говорят актеры... Прощайте! Передайте мое искреннее сожаление Таубе, что мне не удалось принять его у себя в Москве!

И вдруг Вагнер, к ужасу зрителей, почти терявших сознание, вошел в пылающий камин, весело кивнул им последний раз, стоя среди пламени, и исчез в каминной стене.

— Прощайте!.. — еще раз глухо послышался откуда-то голос Вагнера.

В дверь давно стучались, но ни Брауде, ни Шмидт не могли пошевелиться. Брауде свалился в кресло и сидел в полной прострации.

Наконец дверь тихо приоткрылась, и в нее

осторожно заглянул Таубе. Оглянувшись, он шепотом спросил:

— Профессор Вагнер в лаборатории? Скорее, Брауде, подите сюда! Я привез важные известия из комитета.

И, перейдя на условный конспиративный язык, он прошептал:

— Комитет признал, что Вагнера слишком опасно оставлять... в живых... Вам даны инструкции по этому поводу... Привести в исполнение немедленно...

— Поздно!.. Вагнера нет!.. Он исчез... Он призрак... Он ушел в камин! Сквозь пламя и стены!.. — прохрипел Брауде, устремив безумный взгляд в пылающий камин.

IV. Человек-призрак

«Итак, я человек-призрак, всюду проникающий, неуловимый и неуязвимый. Я почти «дух», и все же я человек из плоти и крови», — думал профессор Вагнер, проходя сквозь стену камина.

«Собственно, я рисковал, входя в пламя камина. Что оно не должно повредить мне при новой консистенции атомов, составляющих мое тело, — это было лишь мое теоретическое предположение. Ведь я еще не изучил новых свойств своего тела. К счастью, я не ошибся. Однако куда же я попал?»

Профессор Вагнер осмотрелся в темноте. Очевидно, это была кладовая, сверху донизу забитая всяким хламом. Но весь сваленный здесь скарб ничуть не мешал профессору Вагнеру. Ноги его по колено входили в какой-то сундук, тело наискось пересекали старые железные трубы, голова по шею входила в полки, уставленные ведрами и кастрюлями. Во мраке кладовой все металлические предметы светились голубоватым светом.

«Странно! Очевидно, моя сетчатка глаз стала способна воспринимать световую эманацию металлов. Об этом наука еще ничего не знает».

Вагнер обернулся к стене, через которую прошел. Ему хотелось удостовериться, цела ли стена. Как он и предполагал, в ней не осталось ни малейших следов после того, как он прошел сквозь нее. Но его поразило другое: сквозь стену он увидел только что покинутый им кабинет, ярко освещенный электрической лампой и огнем камина. Стена стала проницаема для его зрения, хотя каждый кирпич и известковые прослойки сохраняли свои формы. Он увидел Шмидта, пытающегося каминными щипцами извлечь «волшебную коробочку» из пламени, и Таубе, который возился с Брауде, очевидно потерявшим сознание. Стена у входной двери была тоже прозрачна, и Вагнер видел следующую комнату, с сидящими сторожами, и дальше — целую анфиладу комнат. Тою же «прозрачно-

стью» обладала и мебель. Поэтому очертания предметов, комнат и людей как бы накладывались друг на друга, как на фотографии с несколькими различными видами, снятыми случайно на одной пластинке.

«Совершенно непонятно! Мои глаза приобрели свойство икс-лучей».

Осмотрев еще раз кладовую, он обратил внимание, что свет из кабинета не проникает сюда: кроме голубоватого отсвечивания металла, комната была погружена во мрак.

«В этом, впрочем, нет ничего удивительного: обычный свет не может проникать через стену. Но удивительный эффект: я вижу свет, который не освещает ни меня, ни окружающих предметов. Однако почему две стены кладовой совершенно темны?»

И он шагнул в одну из этих темных стен, но остановился, вскрикнув от неожиданности: его нога не нашла точки опоры. Тогда он осторожно просунул голову сквозь стену, и голова сразу погрузилась в темную осеннюю ночь: стена была наружная. Шел сильный дождь, но капли проникали сквозь его голову, и она оставалась суха. Бушевавший ветер и холод были неосязаемы.

«Великолепно! Не надо пальто и зонтика! Однако я едва не упал. Оказывается, новый для меня мир имеет свои опасности! Буду осторожней!»

И он прошел сквозь старую, массивную дубовую дверь в освещенный коридор и направился к выходу. Два сторожа устремились к нему. Очевидно, они еще ничего не знали.

— Стой! Кто идет?

— Профессор Вагнер! — И он двинулся дальше, не обращая на них внимания.

Сторожа бросились к нему, но они лишь столкнулись друг с другом, пытаясь его схватить.

Закричав от ужаса, они разбежались.

Профессор вышел в сад и осмотрелся. На темном небе едва выделялся еще более темный силуэт старого замка. Комнаты, в которых был свет, сверкали во мраке, как висящие в небе большие кубические фонари. Стены их были прозрачны для Вагнера, и он видел, что делается внутри. В замке поднималась суета.

Люди бегали по освещенным комнатам, пропадали во тьме темных лестниц и появлялись вновь в свете других комнат. Все они бежали вниз. Они еще пытались преследовать его. Вагнер невольно улыбнулся и стал спокойно спускаться по склону холма.

Погоня не пугала его. Но он, привыкнув к тишине научной работы, не любил шума. И потому, услышав приближающиеся крики толпы, он вошел в дуплистую липу, стоящую у дороги. Мимо него промчались слуги с ружьями в руках, освещая дорогу фонарями. Несколько чело-

век остались осмотреть дерево. Их голоса доносились глухо.

«Интересное наблюдение. Слух действует нормально, а глаза видят фонари сквозь ствол дерева!»

Но вот исчезли фонари. Профессор вышел и продолжал путь.

Светало. Ветер разогнал тучи. На востоке показалась заря, но она имела не розоватый, а какой-то совершенно новый цвет.

Профессор Вагнер вспоминал все цвета и оттенки, но не находил ничего похожего. Основные цвета — красный, желтый и синий — ни в парных соединениях — оранжевом, фиолетовом, зеленом, — ни в сложных, дающих все разнообразие красочного мира, не могли создать ничего подобного. Когда взошло солнце, эффект получился еще более изумительный: диск солнца состоял из ослепительно яркого калейдоскопа неведомых цветов. Не менее изумителен был и ландшафт. Он приобрел какой-то негативный характер. Теневые краски были ярче освещенных мест. Не было ни одного знакомого светового сочетания. Будто за одну ночь какой-то волшебник-футурист перекрасил весь мир, пользуясь палитрой, унесенной из другого мира.

Несмотря на эту новую окраску, Вагнер узнал пустынную, усеянную щебнем местность Изера. Вдали был виден город, над которым возвышались, как две широкие фабричные трубы, при-

крытые куполами-«тюбетейками» башни собора.

— Конечно, это Мюнхен! — воскликнул Вагнер и ускорил шаг.

Идти ему было очень легко.

«Еще одно приобретение! Очевидно, вес моего тела уменьшился!».

Вагнер пересек линию железной дороги. В это время шел пассажирский поезд. Вагнер не мог отказать себе в удовольствии испытать новое ощущение. Он стал посреди пути перед самым проходом поезда. Лязг и грохот оглушили его. На мгновение перед его глазами сверкнуло огненное брюхо паровоза, темное пространство тендера и багажного вагона... потом замелькали пассажирские вагоны. Пол вагонов приходился несколько выше пояса Вагнера. И полусонные пассажиры с ужасом увидели, как на полу неожиданно появился бюст какого-то краснощекого человека с большими, опущенными вниз усами, приподнятыми улыбкой, и русой бородой... Бюст промчался по вагону и исчез...

Поезд прошел, и Вагнер продолжал путь. Он сам спешил на поезд. Ему не надо было покупать билета, и его нельзя было ссадить.

«Привезли сюда насильно, пусть и везут обратно», — улыбался он.

Дорога делала крутой загиб. Но он решил сократить путь, пройдя напрямик сквозь забор и какой-то домик.

Собака бросилась на него и пыталась уцепиться за ногу, но вдруг, встретив «пустоту», жалобно залаяла и в паническом страхе убежала, поджав хвост.

Вагнер вошел сквозь стену в комнату домика и оказался свидетелем семейной сцены. Здесь жили бедные люди. Несмотря на ранний час, муж сидел в кепи на растрепанной голове, очевидно только что вернувшись с попойки, и жена, стоявшая спиной к Вагнеру, бранила гуляку. Муж первый увидел Вагнера и, открыв рот, попытался подняться и раскланяться.

— До чего допился! — кричала жена. — Тебе уж мерещится!

Но муж так убедительно ткнул пальцем позади нее, что она обернулась и, вскрикнув, упала на пол. Вагнер был смущен.

Извинившись, он вышел из домика.

«В конце концов нельзя злоупотреблять своим положением и пугать людей без особой нужды», — подумал Вагнер.

И при встречах с крестьянами, везшими в город к утреннему базару продукты, он обходил их.

Он без приключений добрался до Мюнхена.

Вагнер всегда любил Мюнхен — эти «новые Афины», насчитывающие «десять тысяч художников», милый, уютный город, где люди приветливей, чем в холодном Берлине, а вода в реке изумрудно-голубая...

Когда он вошел в Карлсплац, увидел полукруг зданий с воротами в конце, как бы замыкающий пришельца в радушные объятия, сердце его несколько сжалось. После своего плена его потянуло к людям. Но новое свойство тела — проникать сквозь стены — само явилось стеной, отделившей его от людей. Он должен вести полупризрачное существование, пугая людей и животных... Правда, он знает средство вернуть атомам своего тела первоначальную консистенцию, но тогда его вновь могут поймать...

— Нет, довольно! — проговорил он вслух и окунулся в поток уличного движения, оставляя за собой борозду любопытства, смутения и ужаса, как след быстроходного судна на гладкой поверхности моря.

V. Ахиллесова пята

Слух о появлении человека-призрака с необычайной быстротой распространился по Германии, Европе и заатлантическим странам. Путь «призрака» сообщался по радио. Из Мюнхена «призрак» перекочевал в Регенсбург, далее его видели в Нюрнберге, где он пробыл около двух суток, путешествуя по городу во всех направлениях сквозь дома, движущиеся трамваи, автомобили, людей... Потом его видели в Бамбер-

ге и Лейпциге, наконец, в маленьком Фалкенсберге. Не сегодня-завтра его ожидают в Берлине.

Все газеты были полны статьями и телеграммами о призраке. Пока призрак разгуливал по Южной Германии, на севере вначале отрицали его существование, предполагая, что публика была одурачена чьей-то ловкой мистификацией.

Через несколько дней полился такой поток телеграмм о призраке, что пришлось отбросить мысль о мистификации. И некоторое время большим успехом пользовалась высказанная одним профессором невропатологом и психиатром мысль, что мы имеем дело с коллективным гипнозом, своего рода массовым помешательством. Это находило некоторое подтверждение в том, что «феномен» до сих пор не оставлял каких-либо вещественных знаков своего реального существования. Приводились весьма убедительные примеры массового психоза и гипноза в прошлом.

Сторонники гипотезы о массовом гипнозе уже торжествовали победу, когда стали получаться сведения о появлении «призрака» одновременно в разных местах: из Лейпцига, Гейдельберга, Кельна. По-видимому, появление «призрака» сильно повлияло на нервы городского населения, психически неуравновешенного после войны, экономических и политических встрясок. Возможно, что многим действительно стал мере-

щаться «призрак». Люди жили в постоянном нервном напряжении; ложась в кровать, каждый думал: «А вдруг сейчас появится призрак и пройдет сквозь мою спальню?..»

Но скоро и гипотезе о гипнозе был нанесен сильный удар: в нескольких городах удалось заснять призрак фотографическим аппаратом в то время, как он проходил сквозь едущий автомобиль и как входил в стену дома. Аппарат не может снять плод расстроенного воображения. Притом на фотографиях, хотя и не особенно удачных, можно было установить тождество внешнего облика призрака.

Вслед за фотографами по пятам призрака бросились бесстрашные кинооператоры, которые не побоялись бы снять и самого сатану в погоне за сенсационной лентой. Но эта кинопогоня была оборвана административным распоряжением под предлогом того, что общество и без того взбудоражено «необычайным феноменом», чтобы афишировать призрак на экране. Было оказано давление и на прессу.

Эти мероприятия исходили от комитета «Диктатор», незримо руководившего всеми действиями правительства.

Члены комитета первые узнали о том, что призрак — это бежавший из их плена профессор Вагнер, которому удалось каким-то необъяснимым способом придать своему телу столь чудесные свойства. Комитет не терял надежды так

или иначе «ликвидировать» призрак прежде, чем о нем узнает истину широкая публика, тем более что от профессора Шмидта приходили утешительные вести о его работах над реконструкцией аппарата, извлеченного им из пылающего камина. Однако и эти надежды не оправдались: последние известия сообщали, что призрак прибыл со скорым поездом в Берлин и здесь повел себя крайне неприятно для комитета: призрак посетил одно рабочее собрание, а также явился в концертный зал и сообщил с эстрады правду о себе. Мало этого, он проник на Науэновскую широкоэвещательную радиостанцию во время радиопередачи. Пройдя сквозь артистку, исполнявшую арию Маргариты, он успел крикнуть в микрофон, прежде чем растерявшийся инженер догадался выключить микрофон: «Я, профессор Вагнер, похищенный немецкой политической организацией «Диктатор» и освободившийся из плена благодаря научному открытию, которое дало мне возможность проходить сквозь стены, приветствую...»

Микрофон был выключен, но дело сделано: Вагнер объяснил всему миру тайну призрака...

К поимке профессора Вагнера надо было принимать немедленные меры. Эти меры и принимались, но пока они не достигали цели: Вагнер был неуловим. Комитет «Диктатор» заседал почти непрерывно. Сам волицей-президент принимал участие в этом заседании. Почти каждый

час приносились новые неутешительные известия. В Вагнера несколько раз стреляли, но пули пронизывали его тело без малейшего вреда. Сети, приготовленные из различных материалов: шелка, резины, проволоки, могли с таким же успехом поймать облако в небе. Некоторые члены комитета предлагали пустить в ход удушливые газы или «дьявольские лучи». Но о применении этих средств среди городского движения не могло быть и речи. Комитет приходил в отчаяние. Положение становилось крайне опасным.

— Он вернется в Россию... Его средством воспользуются наши враги. Последствия будут ужасны, — говорил один из членов комитета.

— Неуловимые, вездесущие большевики будут всюду сеять бури восстаний...

— Ну и что же? — спросил старик-дипломат с лицом Мефистофеля, кривя рот в иронической улыбке. — Утешимся тем, что это ненадолго изменит положение... Разве и теперь московские фабриканты революций не являются такими же неуловимыми и вездесущими, как профессор Вагнер? Идеи давно проходят сквозь стены и преграды!

— И это говорите вы! — возмутился генерал с «железным крестом» на груди. — Что же вы хотите? Сидеть сложа руки?

— Ловите, поймайте! — с тою же иронической улыбкой ответил дипломат. И, побараба-

нив иссохшими пальцами по столу, добавил: — Я слишком стар, чтобы утешать себя иллюзиями!

— Вы не верите в успех борьбы? — спросил секретарь комитета. — Ваше высокопревосходительство, вы слишком пессимистически настроены! Мы еще поборемся!

— Но как? — раздались унылые голоса.

Наступило молчание. Все сидели подавленные.

Вдруг в комнату не вошел, а влетел Брауде.

— Новости! Хорошие новости!

Все встрепенулись.

— Поймали? Убили? — слышались вопросы.

— К сожалению, еще нет. Но я имею блестящий план! Собственно, мы разработали его с профессором Шмидтом... Он подал мысль...

— Говорите! Говорите!

— Видите ли, в чем дело: профессор Вагнер неуловим и неуязвим. Но и у него должна быть ахиллесова пята. Да, ахиллесова именно пята, можно сказать не только иносказательно, но и почти буквально. Если бы все тело, говорит профессор Шмидт, было пронцаемо для материи, то ясно, что Вагнер должен был провалиться сквозь землю...

— Туда и дорога!

— И появиться в Америке?

— Нет, нет! Профессор Шмидт говорит, что он летел бы к центру Земли по инерции, проле-

тел бы центр, вернулся вследствие того же притяжения обратно, опять пролетел центр и так качался бы, как маятник, со все более короткими отклонениями от центра. Если даже он не погиб бы от удушья, подземных вод и огня, то в конце концов он «уравновесился бы» и остался навсегда в самом центре Земли.

— Самое подходящее место!.. К сожалению, земля не расступилась под его ногами и носит еще это чудовище!

— Вот-вот! В этом все дело! Если земля не расступилась под его ногами, значит его подошвы снабжены особыми изоляторами, что ли. Эти изоляторы должны быть иного строения атомов, чем его тело. Каким образом эти изоляторы, или сандалии, все же проникают сквозь стены, Шмидт не уяснил. Он допускает, что впереди или по краям они снабжены оболочкой, которая способна изменить атомный состав материи, встречающейся на пути, и делать ее проницаемой. Но самые сандалии, или калоши, — назовите как хотите, — должны быть материальны. В этом все дело...

— Ну и?..

— Ну и очень просто: нужно ловить его за эти калоши! Окружить и хватать сквозь ноги подошвы! Тогда он будет в наших руках! Поймав калоши, мы поймаем и Вагнера!

И с видом победителя Брауде опустился в кресло.

Собрание взволновалось. Лица оживились. Надежда вызвала улыбки. Многие поднялись со своих мест и горячо обсуждали новость. Брауде поздравляли и жали ему руку.

— Гениально!

— И как это нам не пришло в голову?

— Может быть, нам удастся железными гвоздями прибить калоши к полу!..

— А еще проще перевернуть Вагнера головой вниз и опустить в землю!

— Будьте серьезнее, господа! — призывал председатель к порядку членов собрания, пришедших в веселое настроение. — Не будем гадать о шкуре медведя, пока медведь не пойман! Надо обдумать подробности охоты!

VI. Гость из книжного шкафа

Профессор Дидерихс был весь поглощен переводом ассирийской клинописи. Кабинет его напоминал музей. Только одна стена против письменного стола, стоящего посреди комнаты, была уставлена во всю ширину книжными шкафами. Все другие стены были сплошь покрыты полками, заваленными ассирийскими, египетскими, вавилонскими древностями: каменными амулетами, печатями, барельефами с изображением ассирийских царей, фигурами зверей, крылатыми гениями и быками, львами с человече-

скими лицами, надгробными крышками из Варки, вавилонскими терракотами из Абу-Хаббаха...

По углам и на полу стояли и лежали мумии. На письменном столе — гири в виде лежащих львов заменяли прессы. Все эти каменные тысячелетние чудища, выглядывающие отовсюду в полумраке комнаты, способны были навести жуть на свежего человека, как ночные кошмары. Было тихо. Глубокая научная мысль любит глубокую тишину. Глаза профессора устали разбирать полустертые знаки, начертанные много тысячелетий назад. Дидерихс откинулся на спинку стула, опустил веки и потом поднял их, рассеянно устремив взгляд на книжный шкаф.

И вдруг ему показалось... Профессор Дидерихс тряхнул головой и, подняв очки на лоб, протер глаза. Но видение не исчезало: из книжного шкафа появилась человеческая голова с длинными, нависшими усами и окладистой бородой, потом плечи, руки, вся фигура... человека?

Если бы профессор Дидерихс читал газеты, он, конечно, сразу догадался бы, что его посетил человек-призрак. Но Дидерихс уже много дней не читал газет и даже не выходил из дому. Вернувшись из научной командировки, он усиленно работал, разбирая материал, добытый им при новых раскопках в Тель-Эль-Амарне. При этом он никак не мог отделаться от полученной во время путешествия малярии, которая сильно истощила его. Появление необычайного гостя

застигло его неподготовленным. Он не знал, что подумать. В привидения он, конечно, не верил. И потому он допустил самое вероятное объяснение:

«Приступ малярии? Бред?.. — Он попробовал пульс. — Пульс нормальный. Что за чертовщина? Очевидно, галлюцинация!.. Однако я переработался, — подумал он. — Зрительная галлюцинация, не может быть сомнения!»

Но галлюцинация оказалась не только зрительной. «Призрак», улыбаясь в ницщевские усы, вполне отчетливо проговорил:

— Я очень извиняюсь, что вторгаюсь незванным гостем и нарушаю ваши занятия... Но мне слишком надоели преследования, и я решил углубиться в дома!.. Судя по обстановке, я имею честь видеть профессора? Мы коллеги...

Дидерихс был в замешательстве: нужно ли поддерживать разговор с галлюцинацией? Ведь в конце концов это значит говорить с самим собой. Что подумает его старый слуга? Впрочем, Генрих отпросился надолго, в доме нет никого, а «призрак» выглядит так реально.

В ученом заговорил экспериментатор.

«В конце концов это интересно: можно сделать любопытное наблюдение над сущностью галлюцинации», — подумал Дидерихс и ответил, стараясь говорить совершенно спокойно:

— Я галлюцинирую. Вы созданы моим воображением. Но будем разговаривать, как с ре-

альным существом. Я профессор Дидерихс. Чем могу быть вам полезен?

— Очень рад познакомиться. Хотя я далек от египтологии и прочих древностей, но ваше имя хорошо известно на моей Родине.

— На вашей Родине?

— Я из Москвы!..

— Странная галлюцинация! — вслух проговорил Дидерихс.

— И уверяю вас, что я не ваша галлюцинация, а живой человек!

— Если так, пожмите мне руку!

— Охотно сделал бы это, но вы не ощутите моего рукопожатия.

Дидерихс рассмеялся.

— Ну, конечно!.. Прошу садиться!

— Я не сижу, — отвечал «призрак», — мое тело проходит сквозь материю!

— Странные тела у вас в Москве!

— Это особенность моего тела. Я профессор Вагнер...

И Вагнер рассказал Дидерихсу всю свою историю от начала до конца, рассказал о своем научном открытии, которое дало его телу эти необычайные свойства. Наконец-то Вагнер мог удовлетворить свою тоску по людям.

Дидерихс мало понял в научных объяснениях Вагнера о строении атома, о том, что материя лишь кажется нам «плотной», что на самом деле она представляет собой скопление электронов

и протонов, находящихся в вечном вихревом движении, и что между ними, относительно говоря, громадные пустые пространства.

— Проще говоря: здесь имеет место нечто подобное тому, что бывает при прохождении лучей Рентгена сквозь материальную преграду. Видеть свои кости, скелет человека сквозь живую ткань, фотографировать предметы, находящиеся в запертом сундуке или за стеной... Разве это не казалось фантазией, чудом, несбыточной химерой каких-нибудь пятьдесят лет тому назад?

Профессор Дидерихс заинтересовался. Он слышал о Вагнере — изобретателе средства против сна. Кроме того, казалось невероятным, чтобы галлюцинирующий человек сам себя поучал неизвестным доселе знаниям. Дидерихс начинал верить в реальность Вагнера.

«Если это и галлюцинация, то интересная». — И он стал задавать Вагнеру вопросы:

— Вы можете вернуть своему телу обычные свойства?

— Разумеется. Я уже делал опыт прежде, чем бежал из плена.

— Какие же изменения может внести ваше изобретение в жизнь людей?

— Изумительные! — воскликнул Вагнер, воодушевляясь. — Если бы я подверг, ну, хотя бы вашу библиотеку, — и он показал рукой на книжные шкафы, — действию моих лучей, с кни-

гами случилось бы то же, что и со мной, то есть они стали бы проницаемы. Это значит: я мог бы уложить всю библиотеку в карман своего платья.

— А люди?

— То же самое, конечно! Все население Берлина, а если хотите, и всего земного шара могло бы поместиться в пространстве, занимаемом сейчас мною. Ведь, хотя иными путями, наука и техника стремятся не к тому ли самому, побеждая пространство? Быстроходные аэропланы, радио — все это сближает, «сливает» людей. При моем изобретении это слияние будет абсолютным.

В этом кабинете может поместиться неограниченное количество кабинетов, мебели, книг...

Дидерихс почувствовал головокружение.

«Нет, это галлюцинация», — подумал он.

А Вагнер продолжал:

— Все наши пространственные представления и представления о материи совершенно изменятся. Материальный конус поместится в цилиндре, цилиндр — в кубе, куб — в шаре...

— Но позвольте! — простонал Дидерихс. — Как же я найду нужную книгу в библиотеке, которая вся будет помещаться в одной книге? Как узнаю своего знакомого среди тысяч людей, которые будут пребывать во мне самом?.. Это кошмар какой-то! — И Дидерихс отер платком влажный лоб. — И как люди будут питаться? Как возьмут кусок хлеба, книгу, если все

это будет проницаемым, подобно воздуху? Как люди будут узнавать друг друга?

— Очень просто: ведь черты их сохранят свои формы. Вещи будут проницаемы, но они смогут сохранять в пространстве то положение, которое вы им придадите, и изменять место по вашему желанию.

— А притяжение Земли? Как вы сами не провалитесь сквозь землю?

Вагнер засмеялся.

— И вы о том же? Они, мои преследователи, думают, что я должен иметь особые изоляторы на подошвах, чтобы не провалиться сквозь землю. Только сейчас, перед тем как мне укрыться у вас, они сделали нападение на меня, вернее — на мои ноги. Они хватали меня за подошвы у земли. Но я вошел по колени в землю. С таким же успехом я мог бы войти по голову, и тогда они увидали бы одну голову,двигающуюся по земле. Но у меня нет никаких «подошв». Они ошиблись. Законы тяжести не существуют для меня. И я благополучно ушел от них. Я мог бы позабавиться с ними, но я не выношу шума... Здесь хорошо!.. — И, посмотрев на часы, Вагнер воскликнул: — Однако уж второй час ночи! Еще раз извиняюсь за беспокойство! Я спешу на ночной экспресс... Пора и в Москву!.. Прощайте!..

И, кивнув головой, профессор Вагнер шагнул к книжному шкафу и исчез в книгах...

— Цилиндры... кубы... шары... трапеции...

Но позвольте! Подождите! — вдруг закричал профессор Дидерихс и, побежав к книжному шкафу, стал колотить кулаком по книжным полкам. — Вернитесь! Вернитесь! — кричал он, нарушая тишину дома. Ответа не было. Только ассирийские львы и крылатые быки шурились по углам.

Дверь кабинета приоткрылась, и в комнату заглянула седая голова лакея.

— Изволили звать? — И, осмотревшись вокруг, лакей спросил: — С кем вы изволили разговаривать?

Дидерихс смутился, устало потер ладонью лоб и молча опустил в кресло.

Старик слуга скорбно покачал головой.

— Отдохнуть вам нужно... Прикажете проводить в спальню?..

И, бережно подхватив Дидерихса под руку, он повел его из кабинета, бросая сердитые взгляды на крылатого ассирийского льва с человеческой головой.

Дидерихса отвезли в санаторий.

У него нашли нервное расстройство на почве переутомления.

АМБА

I. Званный ужин

Помню, в детстве у меня возникли серьезные разногласия с моим другом Колей Бибикиным, которые едва не повлекли к разрыву нашей двухлетней дружбы. Он убеждал меня бежать в Америку, чтобы сражаться с индейцами, я же ни о чем не хотел слышать, кроме «Абессинии».

— Во-первых, не «Абессиния», а «Абиссиния», — поправил меня Коля.

— Во-вторых, пишется и «Абессиния» и «Абиссиния». Но я считаю правильное писать и произносить «Абессиния», так как это слово происходит от местного старинного названия страны Хабешь, — возразил я с эрудицией настоящего ученого. Я прочитал тоненькую книжечку об этой далекой стране и был очарован.

— Но почему ты выбрал именно Абессинию? — не унимался Коля.

— Потому Абессинию, — отвечал я, — что, во-первых, амба. Ты знаешь, что такое амба?

Он кивнул головой.

— Отец говорил: амба — это если в лото или лотерее выходят сразу два выигрыша.

Я презрительно рассмеялся и пояснил:

— Амба — это высокое горное плато в Абессинии с такими обрывистыми краями, что жители лазят на свою амбу по лестницам, а скот поднимают на веревках. Понимаешь, как интересно. Выбрать хорошенькую амбу, недоступную человеку, взобраться на нее и жить, как на воздушном острове. Или можем занять две амбы и через глубокий каньон перекинуть веревочную лестницу и ходить друг к другу в гости. Ветер будет дуть в ущелье, а лестница качаться из стороны в сторону, вот так: туда-сюда, туда-сюда.

— А индейцы? — спросил Коля, уже, видимо, начинавший сдаваться, но ему трудно было расстаться с индейцами.

— Там, в Абессинии, тоже есть дикие племена и разбойники, страшно свирепые. Ты будешь с ними сражаться.

— Да, об этом надо подумать...

— Нет, ты не можешь себе представить, что это за прелесть, — продолжал я, все больше вдохновляясь. — Абессиния — это Швейцария. Даже лучше. Абессиния в пятьдесят раз больше Швейцарии и во много раз красивее. Абесси-

ния — это красивый остров над морем песков и болот. Абессиния — это крыша Африки. Это чудесный парк. Везде пастбища с тенистыми рощами. Даже не один парк, а сотни, с различной растительностью. Внизу — сахарный тростник, бамбук, хлопок, тропические фрукты, этажом выше — кофе, еще выше — поля нашей пшеницы. Ты любишь кофе? А знаешь, почему кофе называют «кофе»? Каффа — провинция Абессинии, где растут прекрасные кофейные деревья. Оттуда к нам идет лучший кофе. Там водятся гиппопотамы, гиены, леопарды, львы. Там столько птиц, что ты не успеешь стрелять. И знаешь, там замечательные деньги. Из тонких брусков каменной соли в полметра длиной. Это у них рубль. Если брусок треснул, или облупился, или плохо звучит, такой рубль не берут. А когда люди встречаются на дороге, то друг друга угощают, отламывая кусочек соли, — как у нас табачком. Каждый съедает кусочек, благодарит и уходит. Но самого главного я тебе не сказал. Там мы с тобой были бы военными. Уверяю тебя. Там берут на военную службу мальчиков девяти лет, делают их помощниками солдат. Мальчик несет впереди солдата ружье, чистит это ружье, ухаживает за лошастью или мулом и проходит пешком много-много километров.

Коля был побежден. Он задумался, тряхнул головой и сказал:

— Да, об этом надо подумать...

Коля Бибикин скоро уехал из нашего города вместе со своими родителями, а я таки исполнил свою мечту, хотя и с двадцатилетним опозданием. Сказать по правде, в то время я и сам скоро позабыл об Абиссинии, увлекшись лыжным спортом. И вспомнил я о ней только тогда, когда мне как научному сотруднику Академии наук и «подающему надежды» молодому ученому-метеорологу предложили принять участие в одной из экспедиций, отправлявшихся в различные пункты земного шара для метеорологических наблюдений.

Предсказатели погоды еще совсем недавно пользовались репутацией отъявленных лгунов. «Их предсказания надо принимать наоборот», — иронически говорили обыватели. Отчасти они были правы: метеорологи очень часто ошибались. Несмотря на все синоптические карты, на взаимoinформирование по телеграфу, откуда-то в последний момент появлялись непредвиденные циклоны и портили все предсказания. И только сравнительно недавно ученые-метеорологи решили обосноваться в самих очагах «производства» погоды.

— Куда вы хотели бы ехать? — спросили меня. — На родину циклонов, в Исландию, или же в Абиссинию? Для этих двух пунктов еще не набраны научные сотрудники.

«Абиссиния. Коля Бибикин. Амба...» — вдруг

пронеслось в моей голове, и я без колебания ответил:

— Конечно, в Абиссинию.

...Когда я сошел на плоский песчаный коралловый берег Красного моря и увидал на горизонте голубую стену гор с серебряными зубцами, мне показалось, что я помолодел на двадцать лет, и, удивляя своих спутников, крикнул:

— Амба!

Мы углубились в узкую страну, втиснутую между грядою скал и берегом моря, покрытую холмами, орошаемую многочисленными ручьями. Вечнозеленые тамаринды покрывали холмы.

Многое оказалось в этой стране совсем не таким, как я представлял в детстве. Но все же действительность превзошла даже мои детские грезы. В стране оказалось кое-что поинтереснее амб. Впрочем, теперь я обращал внимание на то, что в детстве мало занимало меня: на температуры, ветры, климат. А в этом отношении Абиссиния интереснейшая страна. В том уголке ее, где находится «столица-деревня» и живет бо-соногий негус-негушти (царь царей), стоит вечная весна. Самый холодный месяц — июль — там теплее, чем май в Москве, а самый теплый — чуть прохладнее московского июля. На высотах Тигре ночью коченеешь от холода, а внизу, к востоку, расстилается пустыня Афар, одно из самых жарких мест на земном шаре.

Но особенно меня интересовали периодические

дожди, без которых была бы невозможна вся египетская культура. Древние египетские ученые-жрецы не помышляли о том, чтобы открыть истинную причину разливов Нила, оплодотворяющих весь бассейн реки, они умели только хорошо использовать эти разливы, создав удивительную сеть каналов, заградительных плотин и шлюзов, регулирующих запасы воды. Жрецы не знали, почему в начале разлива Нил грязно-зеленого цвета, а затем воды его приобретают красный оттенок. Так делали боги. Теперь мы знаем этих богов. Влажные ветры Индийского океана охлаждаются на холодных высотах Абиссинии и падают страшными тропическими дождями. Вот эти-то дожди и размывают глубокие каньоны, превращая горное плато в ряд разбросанных амб. Затем потоки устремляются в ущелья, захватывают там гниющие отбросы, червей, звериный помет, перегной и несут эту зеленоватую грязь в Голубой Нил и приток Нила — Атбар. После того как ливень вычистит эту гниль, прорвав плотину камышей, задержавших в своих зарослях воду и ил, дожди начинают размывать красноватые горные породы, и вода в Ниле становится красная, как кровь. Горе путнику, который будет застигнут ливнями в ущелье или на дне долины.

Итак, я был в Абиссинии, сидел на горном плато Тигре, курил трубку возле походного шатра и мог вволю наслаждаться видами амб.

Похожие на кактусы молочаи горели, как золотые канделябры, в лучах заходящего солнца; рядом с палаткой стояла группа кедров, напоминавших ивы. Из соседней деревни доносились песни, не очень приятные для европейского слуха. Там, вероятно, был какой-то праздник. Не потому ли задержался мой проводник и носильщик — абиссинец Федор? Он отправился раздобыть для меня в деревне чего-нибудь съестного на ужин.

— Как бы он не напился галлы *, — сказал я, чувствуя приступы голода.

Но в этот момент мы слышали приближающееся пение.

Это был Федор, и явно навеселе. Он явился с пустыми руками. Я укоризненно покачал головой и, мешая итальянские и английские слова, упрекнул его за то, что он ничего не принес и опять напился галлы. Федор начал креститься, уверяя, что он только отведал вкус галлы. А не принес он ничего потому, что старик (старший в роде, староста) деревни просит нас к себе на ужин.

— Большая еда! — сказал Федор и даже зачмокал губами. Его шама (плащ) распахнулась, обнажая крепкую грудь. Федор не носил рубашки, весь его наряд состоял из узких штанов

* Г а л л а — род пива из одуряющего растения гэш.

и шамы. Только в холодную погоду он, как многие горные жители, надевал меховой плащ. Его длинное овальное шоколадного цвета лицо, узкий нос, курчавые волосы и реденькая борода, казалось, испускали лучи света. И источником этого света была мысль: «большая еда». Но я уже знал эти торжественные обеды и ужины и отклонил приглашение.

— Иди скажи старику, что я и мой товарищ больны, не можем прийти, и принеси нам лепешек.

Федор начал уговаривать нас принять приглашение. Он уверял, что наш отказ может разгневать главу рода, а это повредит нам, но я продолжал отказываться. Тогда Федор, многозначительно подмигнув, сказал:

— Ну, теперь я скажу такое, что ты не откажешься. На ужине будут гости. Белые. Один рус, один немец.

Я не поверил Федору. Он это выдумал, чтобы я согласился идти на пиршество: Федор тогда, конечно, пойдет в качестве моего слуги и получит свою долю. Встретиться в Абиссинии с итальянцем или англичанином — в этом нет ничего удивительного. Их колонии граничат с Абиссинией, отрезая владения негуса-негушти от моря. Можно встретить и немца. Но «рус»? Откуда может появиться «рус» в Абиссинии? А Федор продолжал креститься и божиться, уверяя, что будет «рус», что он приехал с одним

немцем из Аддис-Абебы и остановился в соседней деревне.

Любопытство мое было задето. Если Федор прав, было бы глупо не воспользоваться случаем повидать своего соотечественника. Притом голод решительно не давал мне покоя. Я не ел целый день и сделал, вероятно, километров тридцать по горным тропам.

— Хорошо, идем. Но если ты обманул, Федор, тогда держись...

Среди островерхих крытых соломой хижин на лужайке расположилось целое общество. Так как солнце уже зашло, то молодежь разложила и зажгла большие костры, ярко освещавшие картину пиршества на высоте двух тысяч метров. В центре большого круга сидел старик с морщинистым лицом, но совершенно черными волосами — абиссинцы почти не седеют. По левую сторону от него место было свободно, а по правую сидели два европейца: один из них — красивый мужчина с каштановой бородой и нависшими усами, и другой — рыжий бледный молодой человек.

Старик — глава рода и начальник деревни — показал мне место рядом с собой, предложив сесть. Я поклонился и занял указанное мне место. Мне очень хотелось сесть рядом с европейцем, обладавшим завидным румянцем и каштановой бородой, и поговорить с ним. Но между мною и им сидел наш гостеприимный хозяин,

а он, как и все абиссинцы, отличался большой болтливостью. Его звали Иван, или, как он сам выговаривал, «Иан». Кушанье к столу еще не было «приведено», и пока хозяин занимал нас разговорами, обращаясь главным образом к соседу справа, Иан, видимо, хотел блеснуть перед нами образованностью. Он говорил о том, что ему прекрасно известно, что делается в мире. Есть Абиссиния, и еще есть Европия и Туркия. Европия — хорошо, но не очень: там нет негуснегушти. Впрочем, как недавно он узнал, есть еще Греция — «самое большое государство на свете»...

Тем временем было «подано» первое блюдо. Два молодых, довольно красивых абиссинца привели, держа за рога, корову. Ноги ей связали. Один старый абиссинец взял нож и, укол корову в шею, пролил на землю несколько капель крови. Потом корову повалили. Молодой абиссинец, вооруженный острым кривым ножом, сделал надрез на коже живой коровы, отвернул кусок кожи и начал вырезать с филейной части узкие полосы трепещущего мяса. Корова заревела, как сирена гибнущего парохода. Этот рев, видимо, ласкал слух и возбуждал аппетит Иана, у которого потекли слюни. Женщины хватали трепещущие куски мяса, разрезали на мелкие части, посыпали перцем и солью, завертывали в лепешки и подносили ко рту пирующих. Европейец с каштановой бородой поблагодарил, но

отклонил предложенный ему кусок. Он объяснил, что нам, европейцам, закон не позволяет есть сырое мясо, и потому мы будем есть поджаренного барашка. Вдруг он обратился ко мне на русском языке:

— Если не ошибаюсь, вы мой земляк. Не ешьте и вы сырого мяса. От него все эфиопы страдают солитерами и ленточными глистами. И если бы они каждый месяц не делали себе генеральной чистки, поедая цветы и плоды местного глистогонного растения куссо, то многие из них, наверно, погибли бы от паразитов.

Я охотно послушался этого совета и попросил кусочек прожаренной баранины. Мой земляк жевал жареную баранину и чавкал так громко, как умеют чавкать только воспитанные абиссинцы. Признаюсь, я не знал, что чавканье является признаком хорошего воспитания.

Когда все наелись, подали местный опьяняющий напиток федзе. Иан заставил налить себе из чаши немного федзе на ладонь и выпил, чтобы показать, что напиток не отравлен, и только после этого вино было предложено гостям.

Несчастное «блюдо» продолжало реветь. Этот рев разбудил тишину окрестных полей и ущелий. Из соседних деревень начали подходить гости. Предсмертный рев коровы служил для них призывным гонгом. Гостей встретили радушно, и они приняли участие в пожирании

живой коровы. Скоро весь бок коровы был обнажен. Корова судорожно била ногами, но на это не обращали ни малейшего внимания не только мужчины, но и женщины. Детей же рев коровы и ее судорожные подергивания приводили в восторг.

Иан скоро опьянел. Он то начинал петь божественные песнопения, напоминавшие мотивом вой голодных волков, то тихо чему-то смеялся.

Наконец этот нудный вечер был окончен. «Рус» поднялся и кивнул мне. Я последовал его примеру. Поблагодарив хозяина, он попросил позволения взять с собой голову коровы. Иан очень охотно согласился. Он приказал одному из молодых людей отрезать голову, но «рус» взял нож из рук юноши и сам занялся операцией, причем делал это с необычайной скоростью и ловкостью, чем заслужил общее одобрение. Несчастная корова перестала реветь, и скоро ее ноги вытянулись. Я решил, что земляк сделал это из сострадания, чтобы прекратить мучения животного.

— Будем знакомы, — сказал он, протягивая мне на прощание руку. — Профессор Вагнер. Милости прошу к моему шалашу. Вот там, видите? — И он показал на две большие палатки на краю деревни, слабо освещенные догорающими огнями костров.

Я поблагодарил за приглашение, и мы расстались.

II. Смерть Ринга

На другой день, покончив с работой, я отправился навестить профессора Вагнера.

— Можно войти? — спросил я, остановившись у палатки.

— Кто там? Что надо? — отозвался кто-то на немецком языке.

Дверь в палатку приоткрылась, и в щель выглянуло лицо рыжего молодого человека.

— Ах, это вы. Войдите, пожалуйста, — сказал он. — Садитесь. Профессор Вагнер сейчас занят, но он скоро освободится.

И словоохотливый немец начал занимать меня разговором.

Его фамилия Решер. Генрих Решер. Он ассистент профессора Турнера — известного ботаника. А Турнер — давнишний друг профессора Вагнера. Они — Турнер и Вагнер — приехали в Африку вместе. Вагнер отправился в бассейн Конго изучать обезьяний язык, а Турнер с Альбертом Рингом и проводником отправился в экспедицию в область Тигре.

— Турнер и профессор Вагнер расстались в Аддис-Абебе и там же условились встретиться, — продолжал Решер. — В Аддис-Абебе у профессора Турнера была основная база. В этом городе находился я. Ко мне Турнер отправлял коллекции растений, я делал гербарии, производил микроскопические исследования. Ваг-

нер и Турнер обещали вернуться до наступления летних дождей, которые, как вам известно, здесь бывают в июле и августе. Вагнер явился вовремя — в конце июня. Он прибыл с большим багажом и целым зверинцем. Слышите, как кричат обезьяны? Профессор Вагнер сказал, что в лесах Конго он встретил экспедицию какого-то английского лорда, который скоро умер. Вагнеру пришлось взять на себя все заботы об имуществе умершего: он решил отправить багаж и обезьян родственникам покойного.

Дожди перепадают уже в конце июня. Если Турнер не хотел рисковать и быть застигнутым страшными тропическими ливнями в горах, он должен был поторопиться. Мы ждали его со дня на день, но он не возвращался. Не являлся и Ринг, который был посредником между Турнером и мною, доставляя время от времени коллекции. Прошел июль. Дожди лили как из ведра. Даже наши отличные палатки не выдерживали и пропускали воду. Но все же в них было лучше, чем в туземных жилищах. Беспокойство за судьбу профессора Турнера, Альберта Ринга и проводника все возрастало. Неужели они погибли?

Однажды — это было уже в начале августа — под утро я услышал сквозь шум ливня какой-то стон или вой за брезентом палатки. Вы знаете, как много собак на улицах абиссинских городов. А ночью шакалы и гиены нередко забегают в

город. Ведь они вместе с собаками являются единственными чистильщиками и санитарами этих грязных городов-деревень. Заглушенный стон повторился. Быстро одевшись, я вышел из палатки. У входа я увидел тело человека. Это был Альберт Ринг, но в каком виде! Одежда его, изорванная в клочья и испачканная, едва держалась на нем. Все лицо в синяках, а на голове виднелась глубокая рана. Я втащил Ринга в палатку. Вагнер никогда не спит, и потому он тотчас же услышал, что в моем отделении палатки что-то неладное. Увидав раненого, Вагнер начал приводить его в чувство. Но несчастный Ринг, казалось, уже испустил дух. У него хватило силы только дотащиться до нашей палатки. Вагнер впрыскивал камфару, чтобы поддержать деятельность сердца, — ничего не помогало.

«Погоди же, ты у меня заговоришь!» — сказал Вагнер и, быстро пройдя к себе за занавеску, вернулся оттуда со шприцем. Он впрыснул Рингу какой-то жидкости, и наш мертвец открыл глаза. «Где Турнер? — крикнул Вагнер. — Он жив?» — «Жив, — еле слышно ответил Ринг. — Помощь... Он...» Ринг опять впал в беспамятство, и даже Вагнер не мог уже ничего поделать.

«Он потерял слишком много крови, — сказал Вагнер. — Положим, кровь мы могли бы накачать ему, взяв у одной из обезьян. Но у Ринга

пробит череп и поврежден мозг. Больше нам, пожалуй, ничего не удастся вытянуть из него. Ну что стоило ему пожить еще хоть пять минут! Я так и не узнал, где находится мой друг Турнер». — «Мы похороним его тело?» — спросил я. «Разумеется, — ответил Вагнер, — только раньше я произведу вскрытие. Может быть, оно даст нам какие-нибудь сведения. Помогите мне перенести труп в мою лабораторию»

Труп был так легкий, что и один из нас легко перенес бы его, но неприлично труп человека таскать, как тушу. Мы перенесли труп и положили на прозекторский стол*. Я удалился, а профессор занялся вскрытием. Родители Ринга, вероятно, не позволили бы вскрывать труп, — они такие религиозные люди. Но они были далеко, а Вагнер... он не послушался бы меня и все равно сделал бы по-своему.

С Вагнером я встретился в тот день только вечером, когда он вышел, чтобы взять какую-то банку из нашего склада, находившегося в соседней палатке. «Что вы узнали?» — спросил я. «Узнал, что у Ринга рана в черепе имеет неровные края, а на волосах я нашел кусочек ила, на теле много ссадин и кровоподтеков. По всей вероятности, Ринг был застигнут потоками ливня в каком-нибудь каньоне, подхвачен и унесен этим потоком. Его тело билось о камни и стены

* Стол, на котором производят вскрытия.

утеса. Каким-то образом ему удалось выбраться из потока, и он добрался до нас. Удивительно сильный организм. Он должен был пройти немало километров с такой раной в голове».

«А профессор Турнер?» — «Об этом я знаю столько же, сколько и вы. Но Ринг успел сказать, что Турнер жив и, по-видимому, ожидает помощи от нас. Мы должны немедленно отправиться к Тигре на поиски Турнера». — «Это бессмысленно, — возразил я. — Тигре — огромная область старой Абиссинии, имеющая тысячи амб, тысячи каньонов. Где мы будем искать Турнера?»

— Ведь я был прав, не правда ли? — спросил Решер, обращаясь ко мне.

— Ваш профессор Вагнер, — продолжал он, — бывает грубоват. Он резко сказал мне, что если я не желаю, то могу оставаться в Аддис-Абебе. Я, конечно, ответил, что отправлюсь с ним. И в тот же день, вернее — вечер, похоронив Ринга, мы выступили в путь. Мы оставили всех обезьян и багаж умершего лорда в Аддис-Абебе, а сами отправились налегке. Впрочем, это относительно говоря. Профессор Вагнер не может обойтись без своей лаборатории. Он взял с собою довольно большую палатку — вы видели ее. А я захватил вот эту для себя.

— Ну, и как ваши поиски?

— Разумеется, безрезультатны, — ответил Решер как будто даже с некоторым злорадством.

Мне показалось, что он не очень дружелюбно относится к Вагнеру.

— Меня ждет дома невеста, — признался Решер, — а тут приходится бесцельно бродить по горам. Бедный Ринг! У него тоже была невеста.

III. Говорящий мозг

В это время пола брезента, прикрывавшая дверь, приоткрылась, и на пороге показался профессор Вагнер.

— Здравствуйте, — сказал он мне приветливо. — Чего же вы здесь сидите? Пройдите ко мне. — И, обняв меня, повел в свою палатку. Решер не последовал за нами.

Я с любопытством оглядел походную палатку-лабораторию Вагнера. Здесь были аппараты и приборы, говорившие о том, что Вагнер работает в самых различных областях науки. Радио-аппаратура стояла рядом с химической стеклянной и фарфоровой посудой, микроскопы — со спектро스코пами и электроскопами. Назначение многих аппаратов было мне неизвестно.

— Садитесь, — сказал Вагнер. Сам он уселся на походный стул у маленького стола, вдвинутого между большими столами, заваленными приборами, и начал писать. В то же время, поглядывая на меня одним глазом, он разговаривал со мной. К моему удивлению, оказалось,

что обо мне он знает гораздо больше, чем я о нем. Он перечислил мои научные труды и даже сделал несколько замечаний, удививших меня своей меткостью и глубиной, тем более что Вагнер был по специальности биолог, а не метеоролог.

— Скажите, вы не могли бы помочь мне в одном деле? Мне кажется, что с вами мы скорее сварим бы кашу.

«Чем с кем?» — хотел спросить я, но удержался.

— Видите ли, — продолжал Вагнер. — Генрих Решер очень симпатичный молодой человек. Пороха он не выдумает, но будет честным систематиком. Он один из тех, кто в науке собирает, накапливает сырой материал для будущих гениев, которые сразу освещают одной идеей тысячу непонятных доселе вещей, соединяют воедино частности, дают всему систему. Решер — чернорабочий от науки. Но дело не в этом. Всякому свое. Он продукт своей среды. Аккуратненький сынок аккуратненьких бюргерских родителей со всеми их предрассудками. По воскресеньям утром он поет потихоньку псалмы, а после обеда пьет кофе, приготовленный по способу его почтенной мамы, и курит традиционную сигару. Разве я не замечал, как косился он на меня за то, что я произвел вскрытие трупа Ринга. — Вагнер вдруг засмеялся: — Если бы Решер знал, что я сделал! Я не только

вскрыл черепную коробку Ринга, я вынул его мозг и решил анатомировать его. Я никогда не пропускаю такой возможности. Вынув мозг Ринга, я забинтовал его голову, и мы с Решером похоронили этот безмозглый труп. Решер пошептал на могиле молитвы и ушел с чопорным видом. А я занялся мозгом Ринга.

В Аддис-Абебе не найти льда, чтобы в нем хранить мозг. Можно было заспиртовать его, но для моих опытов мне нужно было иметь совершенно свежий мозг. И тогда я решил: почему бы мне не поддержать мозг в живом состоянии, питая его изобретенным мною физиологическим раствором, который вполне заменяет кровь? Таким образом я мог сохранить живой мозг неопределенно долгое время. Я предполагал срезать сверху тонкие пласты и подвергать их микроскопическим и иным исследованиям. Самое трудное было придумать для мозга такую «черепную крышку», которая идеально предохраняла бы его от инфекции. Вы увидите, что мне удалось очень удачно разрешить эту задачу. Я поместил мозг в особый сосуд и начал питать его. Поврежденную часть мозга я хорошо продезинфицировал и начал лечить. Судя по тому, как рубцевалась мозговая ткань, мозг продолжал жить, так же как живет, например, палец, отрезанный от тела, в искусственных условиях.

Работая над мозгом, я ни на минуту не пе-

реставал думать о судьбе моего друга профессора Турнера. Я отправился искать его живого или мертвого, захватив и мозг Ринга вместе с моей походной лабораторией. Я надеялся, что удастся найти следы Турнера. Он путешествовал в довольно людных местах. Должен был покупать продукты в деревушках, расположенных на его пути, и о нем, таким образом, можно было узнать у местных жителей. Я быстро продвигался вперед вместе с Решером и через несколько дней уже был на высотах Тигре.

Однажды вечером я решил сделать первый срез мозга Ринга. И когда я уже подошел со скальпелем в руке, одна мысль заставила меня остановиться. Ведь если мозг живет, то он может и испытывать боль. Не слишком ли жестока моя операция? Не обрекаю ли я мозг Ринга на судьбу несчастной коровы, которую медленно режут и пожирают местные жители на своих пиршествах, как вы это видели вчера вечером? Я начал колебаться. В конце концов научный интерес, наверно, восторжествовал бы над чувством жалости. Ведь в моих руках был не живой человек, а только кусок «мяса». Гуманисты возражают против вивисекции. Но разве десяток «умученных» учеными кроликов не спасает тысячи человеческих жизней? А наши мясные блюда? Да что толковать! Одним словом, я опять приблизил скальпель к мозгу и вновь остановился. Какая-то еще не оформившаяся новая

мысль заставила меня насторожиться и ожидать, пока она поднимется из темных бездн подсознательного на поверхность сознания. И вот какую мысль через несколько секунд регистрировало мое сознание: «Если мозг Ринга продолжает жить, то он способен не только ощущать боль. Мысль — одна из функций мозга. Что, если мозг Ринга продолжает думать? И о чем он может думать? Нельзя ли попытаться узнать об этом, установить с мозгом связь? Ведь Ринг так и не успел сказать нам, где находится Турнер и что с ним. Не удастся ли мне вырвать эту тайну у мозга Ринга? Если этот опыт удастся, я убью двух зайцев одним ударом: разрешу интересную научную задачу и, быть может, спасу моего друга».

— Амба? — улыбаясь, подсказал я.

Вагнер секунду подумал, улыбнулся и ответил:

— Да, амба, только не абиссинская, а игрововская. Два выигрыша сразу. В научном отношении опыт сулил чрезвычайно много интересного, и я с жаром принялся за дело. А дела предстояло немало. Надо было изобрести способ войти в сношения с мозгом, который, конечно, не мог ни видеть, ни слышать, разве что ощущать. Это было, пожалуй, не легче, чем войти в сношение с марсианами или селенитами, не зная их языка. Должен вам сказать еще по секрету, что Ринг, когда он был «во всей фор-

ме», не отличался умом. Однажды Турнер сказал мне, что Ринг был захвачен людоедами и вернулся из плена живехоньким, тогда как два его спутника были съедены. «Это потому, — шутливо объяснил Турнер, — что людоеды, убедившись в глупости Ринга, побоялись его съесть, чтобы не заразиться его глупостью. Ведь людоедство возникло не от голода, а от веры в то, что, скушав врага, можно приобрести его доблести».

Таким образом, — продолжал Вагнер, — мне приходилось работать над очень трудным материалом. Но трудности никогда не останавливают меня. В своих изысканиях я рассуждал так. При работе мозга происходят сложные электрохимические процессы, сопровождаемые излучением коротких электроволн. Я уже года два назад сконструировал прибор, при помощи которого мог воспринимать электроволны, излучаемые мыслящим мозгом. Я изобрел даже аппарат, автоматически записывающий кривую этих колебаний. Но как перевести эту кривую на человеческий язык? Тут были чрезвычайные трудности. Я убедился, что одна и та же мысль передавалась графически различно в зависимости от настроения человека. Очевидно, надо было научиться читать не целые мысли и даже не отдельные слова — надо было идти другим путем: договориться с мозгом о буквах, создать особый алфавит, если только каждая буква,

о которой будет думать мозг, даст четкую, не похожую на другие электроволну, отраженную видимой чертой на моем приборе. Словом, я находился в положении заключенного в одиночную камеру, который, не зная тюремной азбуки, захотел установить связь с заключенными в соседней камере путем перестукивания.

Но все это было еще впереди. Прежде всего надо было установить, излучает ли мозг Ринга какие-либо электроволны, иначе говоря, работает ли он «умственно», или вся его жизнь заключается в физическом существовании клеток. Теоретически мозг должен был мыслить. Я смастерил очень точный приемный аппарат и соединил его с мозгом. Дело в том, что мозг излучает очень слабую электроволну. И для того чтобы она еще больше не ослабела, рассеявшись в пространстве, я решил собрать по возможности всю излучаемую электроэнергию. Для этого я накинул на мозг Ринга тонкую металлическую сетку, от которой шел провод к моему аппарату. Ящик, на котором стоял мозг, был изолирован от земли. Электроволны, попадая в аппарат, должны были передаваться чувствительному самопишущему прибору. Тонкая игла писала на двигавшейся киноплёнке, покрытой особым лаком. Киноплёнку я брал просто как подходящий материал для записи. О, если бы Решер увидел меня за этой работой! Он взвыл бы от негодования, видя такое кощунство.

Вагнер замолчал, а я смотрел на него с нетерпением, не решаясь вопросом нарушить ход его мыслей.

— Да, — продолжал Вагнер, — аппарат отметил излучения электроволн; игла зачертила на пленке неведомые письмена, подобно сейсмографу, отмечающему колебания почвы. Мозг Ринга думал. Но о чем он думал, для меня еще оставалось тайной за семью печатями. Вы знаете, какая у меня феноменальная память. Все, что проходило на ленте, запечатлевалось в моем мозгу. И левую — лучшую — половину мозга я отдал исключительно работе расшифрования этой неведомой грамоты.

«Шамполион знал не больше меня, приступая к расшифрованию египетских иероглифов, и, однако же, ему удалось прочесть их. Почему же мне не расшифровать иероглифы мозга Ринга?» — думал я. Но они долго не давались мне. Еще не умея читать эти иероглифы, я, однако, уже мог установить, что некоторые знаки повторяются несколько раз. И особенно часто повторялся такой знак:

Что он означает, я еще не знал. Но повторяемость одинаковых знаков уже давала некоторые опорные пункты для дальнейшей работы. Я смотрел на зигзагообразные линии на ленте и думал о том, что они означают. Ни одно впечатление внешнего мира не доходило до мозга Ринга. Он был погружен в вечную тьму и тишину, как глухонемой и слепой человек. Но он мог жить воспоминаниями. Быть может, этот зигзаг на ленте — воспоминание мозга о любимой девушке... Допустим, мне удастся расшифровать эти иероглифы. Для меня откроется внутренний мир мозга — последнего пристанища «души». Это очень интересно в научном отношении. Но ведь я преследовал теперь не только научную, но и практическую цель: мне нужно было спросить у мозга Ринга, где Турнер и что с ним. Значит, прежде всего нужно было добиться того, чтобы мозг Ринга научился понимать меня, но как это сделать? Я решил, что самый простой путь — это механическое раздражение мозга. Я вскрыл «черепную коробку» и начал надавливать пальцем в стерилизованной резиновой оболочке на поверхность мозга сначала коротким нажимом, а потом более продолжительным. Это должно было соответствовать точке и тире, иначе говоря, букве «а» телеграфного алфавита Морзе. Алфавита этого целиком Ринг мог и не знать. «Но «точка-тире» — это, вероятно, ему было известно. Я про-

делал эту манипуляцию несколько раз с про-
межутками, а затем перешел к следующей букве
немецкого алфавита. На первый урок довольно
было запомнить мозгу четыре буквы: *a, b, c, d*.

В то же время я наблюдал за лентой. Во время
этого своеобразного урока на ленте появились
какие-то новые штрихи и линии с амплитудой
колебаний гораздо более нормальной. Я решил,
что до мозга Ринга, во всяком случае, дошли
мои сигналы. Быть может, он был испуган на-
жимами, быть может, воспринимал их болез-
ненно. Так или иначе — мозг реагировал. Теперь
оставалось только повторять эти уроки, пока
мозг не осознает, что это не случайные раздра-
жения. Если бы только он понял, чего от него
хотят! К сожалению, мой необычайный ученик
оказался большим тупицей, Турнер был прав.
Мне хотелось добиться одного, чтобы на мой
сигнал — надавливание «точки-тире» — мозг от-
ветил электроволной — знаком на ленте, соот-
ветствующим данному осязательному впечатле-
нию. В дальнейшем, представляя ту или иную
букву или воспроизводя соответствующее ощу-
щение при надавливании мною этой буквы, мозг
получил бы возможность самопроизвольно сиг-
нализировать мне букву за буквой и таким об-
разом вступить со мною в разговор.

Не буду перечислять все этапы этой трудной
и кропотливой работы. Скажу лишь, что мои
упорство и изобретательность подвергались ог-

ромным испытаниям. Но терпение и труд все перетрут. Мозг Ринга в конце концов заговорил. Через несколько дней Ринг начал повторять за мной буквы, то есть, думая о них, он излучал определенную электроволну, которая отражалась на ленте особым знаком. Я начал «диктовать» буквы вразбивку, мозг верно воспроизводил их. Дело было сделано. Но понимает ли мозг значение нажимов, связал ли он их с буквенным значением? Я «продиктовал» слово «Ринг» и ждал, что мозг повторит это слово буква за буквой. Но, к моему удивлению, на ленте оказалось написанным: «Я». Ринг, очевидно, ответил: «Да, Ринг — это я». Этот ответ так обрадовал меня, что в ту минуту я готов был допустить мысль, что людоеды прогадали, отказавшись от мозга Ринга. Он оказался сообразительней, чем я предполагал. Дальше пошло легче. Еще несколько испытаний, и я мог приступить к беседе. Больше я не завидовал лаврам Шамполиона, хотя о моих успехах никто не знал. Мне одновременно хотелось скорее узнать, где находится Турнер и что думает, чувствует мозг Ринга. Однако интересы живой человеческой личности должны стоять на первом плане. И я задал мозгу вопрос о Турнере. Игла на ленте задвигалась. Мозг слал мне телеграмму: «Турнер жив. Мы были застигнуты в долине тропическим ливнем».

«Где?» — телеграфировал я мозгу, надавливая

пальцем точки и тире. Мозг довольно точно указал мне направление маршрута, и по этому указанию мы добрались сюда, на эту стоянку. «Идите на север до Адуа, не доходя семи километров, сверните на восток...» — таково было главное направление. Но дальше... Увы, если бы Ринг был жив, он, вероятно, сумел бы провести нас на место. Но объяснить, где находится Турнер, он не сумел бы так же, как не мог объяснить теперь. Высокая амба. Крутые обрывистые края. Глубокое ущелье... Тысячи амб и ущелий походили на это описание. Я сделал невозможное — заставил говорить мозг Ринга неделю спустя после его смерти, — и тем не менее я не мог получить от мозга нужные мне сведения. Я бился с мозгом целые часы. Мозг, вероятно, утомился, потому что некоторое время он не давал ответов на мои вопросы, а затем задал мне сам вопрос, который смутил меня: «Где я сам и что со мною? Почему темно?..»

Что мог я ему ответить? Частица тела Ринга, очевидно, продолжала считать себя целым. Сказать остаткам Ринга, что он давно умер, что остался один мозг, я опасался. Может быть, этот ответ поразит сознание Ринга, мозг Ринга не вместит этой мысли и сойдет с ума. И я решил схитрить — замснить ответ вопросом. «А что вы чувствуете?» — спросил я у мозга, как врач. И мозг начал мне «говорить» о своих впечатлениях. Он не видит, не слышит. Обоняние и

вкус также отсутствуют у него. Он чувствует перемену температуры. У него время от времени «мерзнет голова». (Вы знаете, что ночи в Абиссинии бывают довольно холодные, и разница в дневной и ночной температуре достигает тридцати и более градусов. Хотя я предохранил мозг от внешних влияний температуры искусственным «черепом», все же температурные колебания чувствовались мозгом.) И еще мозг чувствовал, когда я надавливал ему на «темя». Он так и сказал: «Кто-то нажимает мне на темя». — «И вам больно?» — спросил я. «Немного. У меня как будто немеют ноги».

Можете представить себе, как это интересно! Ведь как раз в верхних долях мозговой коры содержатся нервы, управляющие движениями и ведающие ощущениями нижней части тела вплоть до кончиков ног. Таким образом, я получил возможность проверить все участки мозга с точки зрения локализации в них тех или иных ощущений.

Вагнер взял книгу с полки, раскрыл ее и показал мне рисунок.

— Вот видите, здесь изображены нервные центры. Я нажимал на различные извилины и борозды и спрашивал мозг, что он ощущает. «Я вижу смутный свет», — ответил мозг, когда я начал нажимать на зрительный центр. «Я слышу шум», — ответил на раздражение слухового нерва. Ведь вы знаете, что каждый нерв отве-

чает на разнообразные раздражения только одной реакцией: зрительный нерв передаст мозгу ощущение света, чем бы вы ни возбуждали нерв — светом, давлением, электрическим током. Так же действуют и другие нервы. Не мудрено, что мои надавливания вызывали в мозгу то представление света, то шума — в зависимости от того, какой центр я раздражал. Для меня открывалось огромное поле для наблюдений.

Однако о чем думал мозг все это время? Вот что занимало меня. Я задал мозгу этот вопрос, и, к моему удовольствию, он довольно охотно ответил мне. «Ринг» помнит все, что произошло с ним (мозг Ринга все время был убежден, что Ринг жив). Итак, он рассказал мне, как они — Турнер, Ринг и проводник — отправились в Тигре, как решили спуститься в глубокий каньон, где были застигнуты неожиданным ливнем. Бушующие потоки несли их по каньону. Несколько раз на крутых излучинах они сильно ударялись о скалы и, наконец, были вынесены к огромной запруде в широкой долине. Росший на дне камыш задержал приносимый потоком мусор, ветви и целые деревья, образовав огромную плотину. Путники увязли в этой гуще. Надо было выбраться отсюда во что бы то ни стало, пока вода не прорвет плотину и не понесется дальше с еще большим бешенством. Добраться до берега было невозможно. Вода бурлила, кипела; ветки и сучья спутывали руки и ноги.

А вода все прибывала и уже перекатывалась через гребень плотины. Тогда Турнер крикнул своим товарищам, что единственный путь — перелезть через плотину и броситься вниз, а затем спастись на высокое место, пока вода не залила пространство, лежащее ниже плотины. Так они и сделали. С величайшим трудом перебрались через плотину и скатились вниз с десятиметровой высоты. Они упали на острые камни. Проводник разбил голову и был унесен ручьем, бежавшим ниже плотины, Турнер сломал ногу и с величайшим трудом пополз к берегу, и только один Ринг остался невредим. Им вдвоем удалось добраться до бедной деревеньки, лежащей на высоком уступе амбы. Турнер слег, а Ринг отправился в Аддис-Абебу за помощью. Он благополучно прошел весь путь и был всего в десяти километрах от города, когда какие-то разбойники пустили в него камнем и поранили голову. Но у Ринга, очнувшегося после обморока, хватило сил добраться до Решера. Там он и упал, потеряв сознание. Потом пришел в себя, увидел Решера и меня, сказал несколько слов и вновь забылся.

«А потом что?» — спросил я с интересом. «Потом, — ответил мозг, — я опять пришел в себя. Но ничего я не видел и не слышал. Мне казалось, что меня бросили в темный карцер связанного по рукам и ногам. Мне ничего больше

не оставалось, как вспоминать всю мою жизнь. В этих воспоминаниях и проходило время...»

Я несколько раз просил мозг Ринга точно описать мне путь в каньон, где застал их ливень, но Ринг по-прежнему так бестолково объяснял мне, что я отчаялся найти по этим указаниям моего друга. «Вот если бы я мог видеть, то привел бы вас на место», — говорил мозг. Да, если бы он видел и слышал, дело пошло бы на лад. Не удастся ли мне разрешить эту задачу? Мозг может воспринимать только неопределенное ощущение света при нажиме на глазной нерв, так же как мы ощущаем красные пятна и круги, когда нажимаем на глазное яблоко сквозь закрытое веко. Но ведь это не зрение. Как бы наделить мозг настоящим зрением?

Один план занимал меня в продолжение нескольких часов. Я думал, нельзя ли пересадить мозг Ринга на место мозга какого-нибудь животного. Сложность этой операции не смущала меня. Я надеялся сшить все нервы, сосуды и прочее, если только... найти подходящее по размеруместилище для мозга Ринга. Но в этом-то и была вся задача. Я перебрал в памяти объем и вес мозга различных животных, сравнивая с мозгом Ринга. Мозг Ринга весил тысячу четырехста граммов. Мозг слона весит пять тысяч граммов. Увы, череп слона — слишком большоеместилище для мозга человека. У кита мозг весит

две тысячи пятьдесят граммов. Это ближе к делу. Но у меня не было под рукой кита. И что делал бы кит среди амб Абиссинии? А все остальные животные имеют слишком малый мозг по сравнению с человеком: лошадь и лев — по шестисот граммов, корова и горилла — по четыреста пятьдесят, прочие обезьяны — еще меньше, тигр — всего двести девяносто, овца — сто тридцать, собака — сто пять граммов. Было бы очень занятно иметь слона или лошадь с мозгом Ринга. Тогда он, наверное нашел бы путь в долину. Но это, к сожалению, было маловыполнимо. Задача очень интересная, и, может быть, когда-нибудь я сделаю такую операцию. «Но сейчас, — думал я, — мне надо достигнуть цели возможно быстрым путем». И вот что я придумал...

Вагнер поднялся, подошел к занавеске, отделившей угол палатки, и, приподняв полу занавески, сказал:

— Не угодно ли войти в это отделение моей лаборатории?

В этот угол свет проникал только сквозь плотный брезент палатки, и потому здесь стоял полумрак. Я увидел лежащий на ящике мозг, заключенный в какую-то прозрачную желтоватую оболочку и прикрытый сверху стеклянным колпаком. На другом ящике стоял большой сосуд, наполненный какою-то жидкостью, и на дне его

лежали два больших глаза. От глазных яблок шли какие-то нити.

— Не узнаете? — спросил, улыбаясь, Вагнер. — Это глаза вчерашней коровы. Что может быть проще! Я беру конец этого нерва и пришиваю к главному нерву в мозгу Ринга. Когда нервы коровы и Ринга срастутся, мозг Ринга вновь увидит свет, пользуясь глазом коровы.

— Почему глазом? — спросил я. — Разве вы дадите мозгу Ринга только один глаз?

— Да, и вот почему. Наше зрение устроено сложнее, чем вы, по-видимому, представляете. Глазной нерв не только передает зрительные представления мозгу. Нерв этот затрагивает целый ряд других нервов, в частности тех, которые ведают мышечными движениями глаза и речевыми движениями. При такой сложности наладить зрение обоими глазами — задача чрезвычайно трудная. Ведь мозг Ринга не в состоянии будет двигать глазом в любом направлении и сводить в один фокус два глаза. Довольно того, что он сможет владеть этим органом, наводя глаз на фокус. Конечно, это будет несовершенное зрение. Мне придется держать глаз и наводить его, как фонарь, на окружающие окрестности, а мозг будет узнавать местность и давать свои указания тем же несовершенным способом при помощи азбуки Морзе. Со всем этим немало хлопот. И Решер будет нам только мешать. Пожалуй, он еще напортит.

Помилуйте, он человек, верующий в бессмертную душу, и вдруг душа его друга в таком заключении! Я решил поступить с Решером так. Скажу ему, что я признал бесцельность дальнейших поисков Турнера, и предложу отправиться на родину или куда он хочет. Я уверен, что Решер охотно оставит меня и уедет. Тогда у меня руки будут развязаны, если только вы согласитесь помочь мне.

Я согласился с большой готовностью.

— Ну, вот и отлично, — сказал Вагнер. — Надеюсь, что к утру мозг Ринга прозреет. Мною изобретено средство для ускорения процессов срастания тканей. К тому же времени, вероятно, Решер уберется отсюда, и мы с вами отправимся на поиски друга. Я прошу вас быть готовым выступить в поход рано утром.

IV. Необычайный проводник

Наутро я уже был в палатке Вагнера. Он встретил меня со своей обычной радушной и немного лукавой улыбкой.

— Все вышло как по писаному, — сказал он мне, поздоровавшись. — Господин Решер выразил приличествующее случаю душевное сокрушение, повздыхал, поморгал, быстро утешился и тотчас начал собираться в дорогу. В полночь

его уже здесь не было. А я тоже времени не терял даром, вот смотрите.

Из «подлобья» мозга выглядывал большой коровий глаз. Он был устремлен на меня, и мне даже стало жутко.

— Другой глаз я держу на всякий случай. Он содержится в особой жидкости и не испортится.

— А этот видит? — спросил я.

— Разумеется, — ответил Вагнер. Он начал быстро нажимать на мозг (стеклянный колпак был снят) и потом посмотрел на ленту.

— Вот видите, — сказал Вагнер, обращаясь ко мне, — я спросил мозг, кто находится перед ним, и он довольно точно описал вашу внешность. Теперь мы можем двинуться в путь.

Мы решили отправиться совсем налегке, даже без проводников и носильщиков. Что бы они подумали, если бы увидели коровий глаз, который руководит экспедицией! На случай встречи с туземцами Вагнер умело замаскировал ящик, в котором помещался мозг, оставив для глаза только небольшое отверстие. Лента, записывающая телеграммы мозга, была выведена наружу, и по ней мы справлялись, правильно ли мы идем. Ринг не обманул: у него оказалась довольно хорошая зрительная память. И если он не в состоянии был словесно описать дорогу, то теперь был совсем недурным проводником. Возможность видеть знакомые места, очевидно, са-

мому мозгу доставляла удовольствие. Он очень охотно руководил нами.

«Прямо.... Налево... Еще... Спускайтесь...»

Мы не без труда спустились в глубокий каньон. Летние ливни уже прошли. Воды на дне каньона не было. Но здесь стоял невыносимый смрад от разлагающихся трупов животных и гниющих растений. Горные жители не могут спускаться сюда из-за этого смрада.

«Вот здесь была плотина», — сигнализировал мозг. От плотины высотой в десять метров не оставалось ничего, кроме мусора, устилавшего сухое дно. Мы вышли на широкую поляну. Здесь как бы сходились десятки горных ручьев и рек, разливающихся лишь во время дождей и размывающих горы.

Прежде чем мы добрались до деревни, нам пришлось миновать участок леса с такой обильной растительностью, что мы принуждены были сделать несколько десятков километров круга. Даже слоны ломают иногда клыки в этих дебрях.

Наконец мы нашли профессора Турнера в бедной абиссинской деревне, в шалаше, который не предохранял ни от ветра, ни от дождя. К счастью, погода стояла теплая, и Турнер не страдал от сырости и холода. Он чувствовал себя неплохо, но ходил еще с трудом. Турнер очень удивился и обрадовался приходу Вагнера.

— А Решер, Ринг где?

К счастью, «Ринг» ничего не слышал, и Вагнер рассказал Турнеру без предвзвешиваний о нашем необычайном проводнике. Турнер покачал головой, задумался, потом рассмеялся.

— Только вы, Вагнер, способны на такие проделки! — сказал он, похлопывая приятеля по плечу. — Где он? Покажите мне его.

И когда Вагнер приоткрыл коровий глаз, выглядывавший из ящика, Турнер раскланялся, а Вагнер протелеграфировал мозгу приветствие Турнера.

«Что со мной?» — спросил мозг Ринга Турнера, но и Турнер не мог объяснить «Рингу» его странной болезни.

Вот и все. В Европу мы явились вместе: профессор Турнер, Вагнер и я. Решер приехал раньше нас. Простите, я забыл упомянуть еще об одном спутнике. Мозг Ринга также ехал с нами. В Берлине мы расстались с Турнером. При прощании он обещал никому не говорить о мозге Ринга.

Этот мозг, кажется, до сих пор существует в московской лаборатории профессора Вагнера. По крайней мере в последнем письме, полученном мною не больше месяца назад, Вагнер писал мне:

«Мозг Ринга шлет вам привет. Он здоров и уже знает, что от Ринга остался только один мозг. Эта новость не так поразила его, как я ожидал. «Лучше так, чем никак», — вот что от-

ветил мозг. Я сделал много чрезвычайно ценных наблюдений. Между прочим, клетки мозга начали разрастаться. И теперь мозг Ринга весит не меньше мозга кита. Но от этого он не стал умнее...»

* * *

Вагнер на рассказе написал:

«Не только ткани, но и целые органы, вырезанные из тела человека, могут жить и даже расти. Ученые (Броун-Секар, Каррель, Кравков, д-ра Брюхоненко и Чечулин и др.) оживляли пальцы, уши, сердце и даже голову собаки. При условиях питания кровью или раствором, близким по химическому составу к крови, так называемым физиологическим раствором, ткани и органы могут жить очень долго, ткани — даже по нескольку лет. Поэтому и оживление мозга научно вполне допустимая вещь. Но я сомневаюсь, что с таким оживленным мозгом удалось бы вступить в переговоры. Мозг и нервы при своей работе действительно излучают электромагнитные волны. Это бесспорно установлено работами академиков Бехтерева, Павлова и Лазарева. Однако мы еще не научились «читать» эти волны. Вот что пишет академик Лазарев по этому поводу в одном своем труде: «Пока мы можем только утверждать, что волны существуют, но не можем строго выяснить их роль».

Я был бы очень рад, если бы мне удалось оживить и вступить в переговоры с мозгом Ринга, но, к сожалению, такая возможность не больше как научное предвидение.

Вагнер».

ХОЙТИ-ТОЙТИ

I. Необыкновенный артист

Огромный берлинский цирк Буша был переполнен зрителями. По широким ярусам, как летучие мыши, бесшумно сновали кельнеры, разнося пиво. Кружки с откинутыми крышками, означавшими неудовлетворенную жажду, они сменяли полными, ставя их прямо на пол, и спешили на призывные знаки других жаждущих. Дородные мамы с великовозрастными дочками разворачивали пакеты пергаментной бумаги, вынимали бутерброды и пожирали кровяную колбасу и сосиски в глубокой сосредоточенности, не отрывая глаз от арены.

К чести зрителей, однако, надо сказать, что не самоистязатель-факир и не лягушкоглотатель привлекли в цирк такое огромное количество публики. Все с нетерпением ожидали конца первого отделения и антракта, после которого дол-

жен был выступить Хойти-Тойти. О нем рассказывали чудеса. О нем писали статьи. Им интересовались ученые. Он был загадкой, любимцем и магнитом. С тех пор как он появился, на касе цирка каждый день вывешивался аншлаг: «Билеты все проданы». И он сумел привлечь в цирк такую публику, которая раньше никогда туда не заглядывала. Правда, галерею и амфитеатр наполняли обычные посетители цирка: чиновники и рабочие с семьями; торговцы, приказчики. Но в ложах и в первых рядах сидели старые, седые, очень серьезные и даже хмурые люди в несколько старомодных пальто и макинтошах. Среди зрителей первых рядов попадались и молодые люди, но такие же серьезные и молчаливые. Они не жевали бутербродов, не пили пива. Замкнутые, как каста браминов, они сидели неподвижно и ждали второго отделения, когда выйдет Хойти-Тойти, ради которого они пришли.

В антракте все говорили только о предстоящем выходе Хойти-Тойти. Ученые мужи из первых рядов оживились. И, наконец, наступил давно жданный момент. Прозвучали фанфары, выстроились шеренгой цирковые униформисты в красных с золотом ливреях, занавес у входа широко раздвинулся, и под аплодисменты публики вышел он — Хойти-Тойти. Это был огромный слон. На голове его была надета расшитая золотом шапочка со шнурами и кисточками.

Хойти-Тойти обошел арену, сопровождаемый вожак — маленьким человеком во фраке, отвечивая поклоны направо и налево. Затем он прошел на середину арены и остановился.

— Африканский, — сказал седой профессор на ухо своему коллеге.

— Индийские слоны мне нравятся больше. Формы их тела округленнее. Они производят, если можно так выразиться, впечатление более культурных животных. У африканских слонов формы более грубые, заостренные. Когда такой слон протягивает хобот, он становится похож на какую-то хищную птицу.

Маленький человек во фраке, стоявший возле слона, откашлялся и начал говорить:

— Милостивые государыни и милостивые государи! Честь имею представить вам знаменитого слона Хойти-Тойти. Длина туловища — четыре с половиной метра, высота — три с половиной метра. От конца хобота до конца хвоста — девять метров...

Хойти-Тойти неожиданно поднял хобот и махнул им перед человеком во фраке.

— Виноват, я ошибся, — сказал вожак. — Хобот имеет в длину два метра, а хвост — около полутора метров. Таким образом, длина от конца хобота до конца хвоста — семь и девять десятых метра. Съедает ежедневно триста шестьдесят пять кило зелени и выпивает шестнадцать ведер воды.

— Слон считает лучше человека! — слышался голос.

— Вы заметили, слон поправил своего жока, когда тот ошибся в счете! — сказал профессор зоологии своему коллеге.

— Случайность, — ответил тот.

— Хойти-Тойти, — продолжал жока, — гениальнейший из слонов, когда-либо существовавших на земле, и, наверно, самое гениальное из всех животных. Он понимает немецкую речь... Ведь ты понимаешь, Хойти? — обратился он к слону.

Слон важно кивнул головой. Публика зааплодировала.

— Фокусы! — сказал профессор Шмит.

— А вот вы посмотрите, что будет дальше, — возражал Штольц.

— Хойти-Тойти умеет считать и различать цифры...

— Довольно объяснений! Показывайте! — крикнул кто-то с галерки.

— Во избежание всяких недоразумений, — продолжал невозмутимо человек во фраке, — я прошу спуститься сюда, на арену, нескольких свидетелей, которые могут удостоверить, что здесь нет никаких фокусов.

Шмит и Штольц посмотрели друг на друга и сошли на арену.

И Хойти-Тойти начал показывать свои изумительные дарования. Перед ним раскладывали

большие квадратные куски картона с нарисованными на них цифрами, и он складывал, умножал и делил, выбирая из груды кусков картона цифры, которые соответствовали результату его вычислений. От однозначных цифр перешли к двузначным и, наконец, к трехзначным; слон решал задачи безошибочно.

— Ну, что вы скажете? — спросил Штольц.

— А вот мы посмотрим, — не сдавался Шмит, — как он понимает цифры. — И, вынув карманные часы, Шмит поднял их вверх и спросил слона: — Не скажешь ли нам, Хойти-Тойти, который час?

Слон неожиданным движением хобота выхватил часы из руки Шмита и поднес к своим глазам, потом вернул часы их растерявшемуся владельцу и составил из кусков картона ответ:

«10.25».

Шмит посмотрел на часы и смущенно пожал плечами: слон совершенно верно указал время.

Следующим номером было чтение. Вожак разложил перед слоном большие картины, на которых были изображены различные звери. На других листах картона были сделаны надписи: «лев», «обезьяна», «слон». Слону показывали изображение зверя, а он указывал хоботом на картон, на котором было написано соответствующее название. И он ни разу не ошибся. Шмит пробовал изменить условия опыта: указывал слону на слова, заставлял найти соот-

ветствующее изображение. Слон и это выполнил безошибочно.

Наконец перед слоном была разложена азбука. Подбирая буквы, он должен был составлять слова и отвечать на вопросы.

— Как тебя зовут? — задал вопрос профессор Штольц.

«Теперь Хойти-Тойти», — ответил слон.

— Что значит «теперь»? — спросил, в свою очередь, Шмит. — Значит, раньше тебя звали иначе? Как же звали тебя раньше?

«Сапиенс», — ответил слон.

— Быть может, еще Хомо сапиенс? — рассмеявшись, сказал Штольц.

«Быть может», — загадочно ответил слон.

Затем он начал выбирать хоботом буквы и составил из них слова:

«На сегодня довольно».

Раскланявшись на все стороны, Хойти-Тойти ушел с арены, несмотря на протестующие возгласы жожака.

В антракте ученые собрались в курительной комнате, разбились на группы и начали оживленный разговор.

В дальнем углу Шмит спорил со Штольцем.

— Вы помните, уважаемый коллега, — говорил он, — какую сенсацию произвела в свое время лошадь по имени Ганс? Она извлекала квадратные корни и производила другие сложные вычисления, отбивая копытом ответ. А все-

дело сводилось, как выяснилось потом, к тому, что владелец Ганса выдрессировал его так, что он отстукивал копытом, подчиняясь скрытым сигналам хозяина, в счете же он смыслил не больше слепого щенка.

— Это только предположение, — возражал Штольц.

— Ну, а опыты Торндайка и Иоркса? Все они были основаны на образовании у животных естественных ассоциаций. Перед животным помещали ряд ящиков, причем только в одном из них находился корм. Этот ящик, например, мог быть вторым справа. Если животное угадает ящик, в котором находится корм, то автоматически открывается кормушка и оно получает пищу. У животных, таким образом, должна выработаться примерно такая ассоциация: «Второй ящик справа — пища». Затем порядок ящиков меняется.

— Надеюсь, ваши карманные часы не имеют кормушки? — с иронией спросил Штольц. — Чем же вы в таком случае объясняете факт?

— Но ведь слон и не понял ничего в моих часах. Он только поднес к глазам блестящий кружок. А когда начал подбирать цифры на картонках, то, очевидно, слушался незаметных для нас указаний жожака. Все это фокусы, начиная с того, что Хойти-Тойти «поправил» жожака, когда тот ошибся в подсчете длины слона. Условные рефлексy, и больше ничего!

— Директор цирка разрешил мне остаться с моими коллегами после окончания представления и проделать с Хойти-Тойти ряд опытов, — сказал Штольц. — Надеюсь, вы не откажетесь принять в них участие?

— Разумеется, — ответил Шмит.

II. Не вынес оскорбления

Когда цирк опустел и огромные лампы были погашены, кроме одной, висящей над ареной, Хойти-Тойти был вновь выведен. Шмит потребовал, чтобы вожак не присутствовал при опытах. Маленький человек, который уже снял фрак и был одет в фуфайку, пожал плечами.

— Вы не обижайтесь, — сказал Шмит. — Простите, не знаю вашей фамилии...

— Юнг, Фридрих Юнг, к вашим услугам...

— Не обижайтесь, господин Юнг. Мы хотим обставить опыт так, чтобы не было никакого подозрения.

— Пожалуйста, — сказал вожак. — Позовите меня, когда нужно будет уводить слона. — И он направился к выходу.

Ученые приступили к опытам. Слон был внимателен, послушен, безошибочно отвечал на вопросы и решал задачи. То, что он проделывал, было изумительно. Никакой дрессировкой и никакими фокусами нельзя было объяснить его

ответов. Приходилось допустить, что слон действительно наделен необычайным умом — почти человеческим сознанием. Шмит, уже наполовину побежденный, спорил только из упрямства.

Слону, очевидно, надоело слушать этот нескончаемый спор. Он вдруг ловко протянул хобот, вынул из кармана в жилете Шмита часы и показал их владельцу. Стрелки стояли на двенадцати. Затем Хойти-Тойти, вернув часы, приподнял Шмита за шиворот и пронес через арену к выходному проходу. Профессор неистово закричал. Его коллеги засмеялись. Из прохода, ведущего к конюшням, выбежал Юнг и начал кричать на слона. Но Хойти-Тойти не обращал на него никакого внимания. Покончив со Шмитом, выставленным в коридор, слон многозначительно посмотрел на ученых, оставшихся на арене.

— Мы сейчас уйдем, — сказал Штольц, обращаясь к слону, как к человеку. — Пожалуйста, не волнуйтесь.

И Штольц, а следом за ним и другие профессора, смущенные, покинули арену.

— Ты хорошо сделал, Хойти, что выпроводил их, — сказал Юнг. — Нам еще немало дела. Иоганн! Фридрих! Вильгельм! Где же вы?

На арену вышли несколько рабочих и занялись уборкой: подравнивали граблями песок, подметали проходы, уносили шесты, лесенки, обручи. А слон помогал Юнгу перетаскивать де-

корации. Но ему, видимо, не хотелось работать. Он был чем-то раздражен или, может быть, устал от второго сеанса, в необычное время. Фыркая, он крутил головой и грохотал передвигаемыми декорациями. Одну из них он дернул с такой силой, что она сломалась.

— Тише ты, дьявол! — закричал на него Юнг. — Почему не хочешь работать? Зазнался? Писать, считать умеешь, так уж тебе и не хочется физическим трудом заниматься? Ничего не поделаешь, брат! Это тебе не богадельня. В цирке все работают. Посмотри на Энрико Ферри. Лучший наездник, с мировым именем, а, когда не его номер, выходит в ливрее «парад алле» изображать и становится в ряд с конюхами. И арену граблями поправляет...

Это была правда. И слон знал это. Но Хойти-Тойти не было дела до Энрико Ферри. Слон фыркнул и направился через арену к проходу.

— Ты куда? — вдруг рассердился Юнг. — Стой! Стой, говорят тебе!

И, схватив метлу, он подбежал к слону и ударил его метельной палкой по толстой ляжке. Юнг никогда еще не бил слона. Правда, и слон раньше никогда не проявлял такого непослушания. Хойти вдруг заревел так, что маленький Юнг присел на землю и схватился за живот, как будто этот рев переворачивал ему внутренности. Обернувшись назад, слон схватил Юнга, как щенка, несколько раз подбросил вверх, ловя

на лету, потом посадил на землю, взял хоботом метлу и, шагая по арене, написал на песке:

«Не смей меня бить! Я не животное, а человек!»

Затем, бросив метлу, слон отправился к выходу. Он прошел мимо лошадей, стоявших в стойлах, подошел к воротам, прислонился к ним огромным туловищем и нажал плечом. Ворота затрещали и, не выдержав страшного напора, разлетелись вдребезги. Слон вышел на волю...

* * *

Директору цирка Людвигу Штрому пришлось провести очень беспокойную ночь. Он начал уже дремать, когда в дверь спальни осторожно постучал лакей и доложил, что пришел по неотложному делу Юнг. Служащие и рабочие цирка были хорошо вышколены, и Штром знал, что нужно было случиться чему-нибудь необычайному, чтобы осмелились побеспокоить его в такое неурочное время. В халате и туфлях на босу ногу он вышел в маленькую гостиную.

— Что случилось, Юнг? — спросил директор.

— Большое несчастье, господин Штром!.. Слон Хойти-Тойти сошел с ума!.. — Юнг таращил глаза и беспомощно разводил руками.

— А вы сами... вполне здоровы, Юнг? — спросил Штром.

— Вы мне не верите? — обиделся Юнг. — Я не пьян и в своем уме. Если вы не верите мне, можете спросить и Иоганна, и Фридриха, и Вильгельма. Они все видели. Слон выхватил у меня из рук метлу и написал на песке арены: «Я не животное, а человек». Потом он подбросил меня к куполу цирка шестнадцать раз, пошел в конюшни, выломал ворота и убежал.

— Что? Убежал? Хойти-Тойти убежал? Почему же вы сразу не сказали мне об этом, нелепый вы человек? Сейчас же надо принять меры к его поимке и возвращению, иначе он наделает бед.

Штром уже видел перед собой полицейские квитанции об уплате штрафа, длинные счета фермеров за потраву и судебные повестки о взыскании сумм за причиненные слоном убытки.

— Кто сегодня дежурный в цирке? Сообщили ли полиции? Какие меры приняли к поимке слона?

— Я дежурный и сделал все, что можно, — отвечал Юнг. — Полиции не сообщал, она сама узнает. Я побежал за слоном и умолял Хойти-Тойти вернуться, называл его бароном, графом и даже генералиссимусом. «Ваше сиятельство, вернитесь! — кричал я. — Вернитесь, ваша светлость! Простите, что я сразу не узнал вас: в цирке было темно, и я принял вас за слона». Хойти-Тойти посмотрел на меня, презрительно дунул хоботом и пошел дальше. Иоганн и Виль-

гельм гонятся за ним на мотоциклах. Слон вышел на Унтер-ден-Линден, прошел через весь Тиргартен по Шарлоттенбургершоссе и направился в лесничество Грюневальд. Сейчас купается в Гафеле.

Зазвонил телефон. Штром подошел к аппарату.

— Алло!.. Да, я... Я уже знаю, благодарю вас... Все возможное нами будет сделано... Пожарных? Сомневаюсь... Лучше не раздражать слона.

— Звонили из полиции, — сказал Штром, повесив трубку. — Предлагают послать пожарных, чтобы загнать слона при помощи брандспойтов. Но с Хойти-Тойти надо обходиться очень осторожно.

— Сумасшедшего нельзя раздражать, — заметил Юнг.

— Вас, Юнг, слон знает все-таки лучше, чем кого-либо другого. Постарайтесь быть возле него и лаской заманить в цирк.

— Конечно, постараюсь... Гинденбургом, что ли, его назвать?..

Юнг ушел, а Штром так до утра и не ложился, выслушивая телефонные сообщения и давая распоряжения. Слон долго купался у Павлиньего острова, затем сделал набег на огород, поел всю капусту и морковь, закусил яблоками в соседнем саду и направился в лесничество Фриденсдорф.

Все донесения говорили о том, что людей слон не трогал, напрасных разрушений не производил и вообще вел себя довольно благонаправно. Когда шел, осторожно обходил огороды, чтобы не мять травы, старался идти только по шоссе или проселочными дорогами. И лишь голод заставлял его лакомиться овощами и фруктами в садах и огородах. Но и там он вел себя очень осторожно: не топтал понапрасну гряд, пожирал капусту аккуратно, грядку за грядкой, не ломал плодовых деревьев.

В шесть часов утра явился Юнг, усталый, запыленный, с потным, грязным лицом, в мокрой одежде.

— Как дела, Юнг?

— Все так же. Хойти-Тойти не поддается ни на какие уговоры. Я назвал его «господином президентом», а он обозлился и бросил меня за это в озеро. У слонов мания величия, очевидно, протекает в несколько иных формах, чем у людей. Тогда я начал убеждать его разумными доводами: «Вы, может быть, воображаете, — спросил я его, опасаясь титуловать, — что находитесь в Африке? Здесь вам не Африка, а пятьдесят два с половиной градуса северной широты. Ну, хорошо, сейчас август, всюду много плодов, фруктов, овощей. А что вы будете делать, когда наступят морозы? Вы же не будете питаться корой, как козы? Имейте в виду, что у нас в Европе жили ваши прапрадеды — ма-

монты, но померли из-за холода. Так не лучше ли вам идти домой, в цирк, где вы будете в тепле, сыты и одеты?» Хойти-Тойти внимательно выслушал эту речь, подумал и... обдал меня водой из хобота. Две ванны в продолжение пяти минут! С меня довольно! Если я не простужусь, будет удивительно...

III. Война объявлена

Все попытки морального воздействия на слона оказались напрасными, и Штром принужден был согласиться на решительные меры. В лесничество был направлен отряд пожарных с паровыми трубами. Пожарные, руководимые полицией, подошли к слону на десять метров, выстроились полукругом и направили на огромное животное сильнейшие струи воды. Но слону очень понравился душ. Он только поворачивался то одним, то другим боком, шумно отфыркиваясь. Тогда десяток пожарных труб, соединив струи в одну, направили этот мощный поток на голову слона, прямо в глаза. Это слону не понравилось. Он заревел и двинулся на пожарных так решительно, что атакующие дрогнули и, бросив шланги, разбежались. В один момент шланги были порваны, машины перевернуты.

С этого момента счёта, которые должен был

оплатить Штром, начали быстро, возрастать. Слон был рассержен. Между ним и людьми была объявлена война, и он старался показать, что эта война не дешево обойдется людям. Он утопил в озере несколько пожарных автомобилей, разломал лесную сторожку, поймал одного полицейского и забросил его высоко на дерево. И если раньше он проявлял в своих действиях осторожность, то теперь был необуздан в своем вредительстве. Но и в этой разрушительной работе он проявлял все тот же необычайный ум, и вреда он мог причинить гораздо больше, чем обыкновенный, хотя бы и взбесившийся слон.

Когда полицей-президент получил сообщение о событиях во Фриденсдорфском лесничестве, он отдал приказ: мобилизовать большие отряды полиции, вооружить их винтовками, оцепить лесничество и убить слона. Штром был в отчаянии: другого такого слона не найти. В глубине души директор уже примирился с тем, что придется платить за проделки слона: Хойти-Тойти все вернет с лихвой, только бы он одумался. Штром умолял полицей-президента задержать выполнение приказа, все еще надеясь как-нибудь овладеть строптивым слоном.

— Я могу дать вам десять часов, — ответил полицей-президент. — Все лесничество через час будет оцеплено. Если потребуется, то в помощь полиции я вызову войска.

Штром созвал экстренное совещание, в котором приняли участие чуть ли не все артисты и служащие цирка, присутствовали также директор зоологического сада со своими помощниками. Через пять часов после совещания лесничество было покрыто замаскированными ямами и капканами. Всякий обыкновенный слон попался бы в эти хитро расставленные ловушки. Но Хойти был Хойти. Он обходил заграждения, разрывая маскировку ям, не наступал на доски, которые были соединены с тяжелой болванкой, подвешенной на веревке. Такая болванка, упав на голову слона, могла оглушить и свалить его.

Срок истекал. Сильные отряды все теснее сжимали кольцо блокады. Полицейские с винтовками подходили к озеру, возле которого находился слон. Уже между стволами видна была огромная туша Хойти. Он набирал в хобот воды и, подняв его вверх, пускал целый фонтан, который рассыпался в воздухе и падал дождем на его широкую спину...

— Приготовься! — тихо скомандовал офицер. И затем крикнул: — Огонь!

Грянул залп. Лесная чаща ответила многократным эхом. Слон дернул головой в сторону и, обливаясь кровью, направился прямо на людей. Полицейские стреляли, а слон, не обращая внимания на пули, продолжал бежать. Полицейские были неплохие стрелки, но они не были знакомы с анатомией слона, и их пули не заде-

вали жизненно важных центров слона — мозга и сердца. От боли и страха слон дико заревел, вытянул хобот вперед, потом быстро скатал его: хобот очень важный орган, без хобота животное погибает; и потому слоны только в самом крайнем случае пользуются им как орудием обороны и нападения. Хойти пригнул голову, и его огромные бивни, длиной в два с половиной метра и весом по пятьдесят килограммов каждый, были направлены на врагов, как страшные тараны. Он был ужасен. Но дисциплина все же сдерживала людей: они продолжали стоять на месте, непрерывно стреляя.

Слон прорвал цепь, вырвался из блокады и скрылся.

За ним была организована погоня, однако поймать и даже настигнуть его было не так-то легко. Отряды полиции принуждены были двигаться по дорогам, а слон шел напролом, теперь уже не разбирая пути, через сады, огороды, поля, леса.

IV. Вагнер спасает положение

Штром ходил по кабинету и в отчаянии повторял:

— Я разорен! Я разорен!.. Придется выбросить целое состояние, чтобы покрыть убытки, причиненные слоном, а самого Хойти-Тойти все

же расстреляют. Какая потеря! Какая невознаградимая потеря!

— Телеграмма! — сказал вошедший слуга, передавая Штрому на подносе бумажку.

«Кончено! — подумал директор. — Вероятно, это извещение о том, что слон убит... Телеграмма из СССР? Москва? Странно! От кого бы это?..»

«Берлин цирк Буша директору Штрому

Только что прочитал газете телеграмму бегстве слона точка Просите немедленно полицию отменить приказ убийстве слона точка Пусть один из ваших служащих передаст слону следующее двоеточие кавычки Сапиенс Вагнер прилетает Берлин вернитесь цирк Буша точка кавычки Если не послушает запятая можете расстрелять точка Профессор Вагнер».

Штром еще раз перечитал телеграмму.

«Ничего не понимаю! Профессор Вагнер, очевидно, знает слона, потому что указывает в телеграмме на его прежнюю кличку Сапиенс. Но почему Вагнер надеется, что слон вернется, узнав о приезде профессора в Берлин?.. Так или иначе, но телеграмма дает маленький шанс на спасение слона».

Директор начал действовать. Не без труда ему удалось уговорить полицей-президента «приостановить военные действия». К слону немедленно был отправлен на аэроплане Юнг.

Как настоящий парламентарий, Юнг помахал белым платком и, подойдя к слону, заявил:

— Глубокоуважаемый Сапиенс! Профессор Вагнер шлет вам привет. Он приезжает в Берлин и желает вас видеть. Место свидания — цирк Буша. Заявляю вам, что ни один человек вас не тронет, если только вы вернетесь обратно.

Слон внимательно выслушал Юнга, подумал, потом подхватил его хоботом, посадил себе на спину и мерной походкой направился в путь, обратно на север, к Берлину. Юнг, таким образом, оказался в роли заложника и охранителя: никто не осмелится стрелять в слона, потому что на его шее сидит человек.

Слон шел пешком, а профессор Вагнер со своим ассистентом Денисовым летел в Берлин на аэроплане и поэтому прибыл раньше его и немедленно отправился к Штрому.

Директор уже получил телеграмму о том, что Хойти-Тойти при одном упоминании о Вагнере опять сделался кротким и послушным и идет в Берлин.

— Скажите, пожалуйста, при каких обстоятельствах вы приобрели слона и не знаете ли вы его истории? — спросил Вагнер директора.

— Я купил его у некоего мистера Никса, торговца пальмовым маслом и орехами. Мистер Никс живет в Центральной Африке, на Конго, недалеко от города Матади. По его словам, слон сам явился к нему однажды, когда его дети играли в саду, и начал проделывать необычай-

ные фокусы: поднимался на задние ноги и танцевал, жонглировал палочками, становился на передние ноги и, упираясь в землю бивнями, поднимал задние и при этом так смешно махал хвостом, что дети Никса катались по луку от смеха. Они называли слона Хойти-Тойти, что по-английски, как вам, вероятно, известно, означает: «игривый, резвый», а иногда и междометие — нечто вроде «ну и ну!» К кличке этой слон привык, и мы оставили ее, когда его приобрели. Вот все документы о покупке. Все совершенно легально, и сделка едва ли может оспариваться.

— Я не собираюсь оспаривать у вас сделку, — сказал Вагнер. — Не имеет ли слон каких-нибудь особых примет?

— Да, на голове его имеются большие рубцы. Мистер Никс предполагал, что это следы ран, полученных слоном при его поимке. Дикари ловят слонов довольно варварским способом. Так как эти швы несколько портили его вид и могли у публики вызывать неприятное чувство, то мы надевали ему на голову особую шапочку, расшитую шелками и украшенную кисточками.

— Так. Нет никакого сомнения, что это он!

— Кто он? — спросил Штром.

— Слон Сапиенс. Мой пропавший слон. Я поймал его, когда был в научной экспедиции в Бельгийском Конго, и выдрессировал его. Но однажды ночью он ушел в лес и больше

не вернулся. Все поиски остались безуспешными.

— Значит, вы все же предъявляете претензии на слона? — спросил директор.

— Я не предъявляю, но слон сам может предъявить кое-какие претензии. Дело в том, что я дрессировал его новыми методами, которые дают поистине изумительные результаты. Вы сами могли убедиться, какого необычайного развития умственных способностей слона мне удалось достигнуть. Я бы сказал, что слон Сапиенс, или, как теперь он называется, Хойти-Тойти, в высокой степени обладает сознанием личности, если можно так выразиться. Когда я читал в газетах об изумительных способностях слона, выступавшего в вашем цирке, я тогда же решил, что только один мой Сапиенс способен на такие вещи: читать, считать и даже писать, — ведь я выучил его всему этому. И пока Хойти-Тойти мирно забавлял берлинцев, по-видимому довольный своей судьбой, я не считал нужным вмешиваться. Но слон взбунтовался. Значит, он был чем-то недоволен. Я решил прийти к нему на помощь. Теперь он сам должен решить свою судьбу. Он имеет на это право. Не забывайте, что если бы я не явился вовремя, слон давно уже был бы мертв — мы оба потеряли бы его. Насильно вы не заставите слона остаться у вас, в этом, надеюсь, вы уже убедились. Но не думайте, что я во что бы то ни стало хочу отнять

у вас слона. Я поговорю с ним. Может быть, если вы измените режим, устраните то, что его раздражало, он останется у вас.

— «Поговорю со слоном!» Виданное ли это дело? — развел руками Штром.

— Хойти-Тойти вообще невиданный слон. Кстати, скоро он прибывает в Берлин?

— Сегодня вечером. Он, по-видимому, очень спешит на свидание с вами; он идет, как мне телеграфировали, со скоростью двадцати километров в час.

В тот же вечер по окончании представления в цирке состоялось свидание Хойти-Тойти с профессором Вагнером. Штром, Вагнер и его ассистент Денисов стояли на арене, когда через артистический проход вошел Хойти-Тойти все еще с Юнгом на шее. Увидав Вагнера, слон подбежал к нему, протянул хобот, как руку, и Вагнер пожал эту «руку». Потом слон снял со спины Юнга и посадил на его место Вагнера. Профессор поднял огромное ухо слона и что-то прошептал в него. Слон кивнул головой и начал быстро-быстро махать концом хобота перед лицом Вагнера, который внимательно следил за этими движениями.

Шторму не нравилась эта таинственность.

— Итак, что решил слон? — спросил он в нетерпении.

— Слон высказал желание взять отпуск, чтобы иметь возможность рассказать мне кое-какие

интересные для меня вещи. После отпуска он соглашается вернуться в цирк, если только господин Юнг извинится перед ним за грубость и обещает никогда больше не прибегать к мерам физического воздействия. Удары для слона нечувствительны, но он принципиально не желает переносить никаких оскорблений.

— Я... бил слона?.. — спросил Юнг, делая удивленное лицо.

— Палкой от метлы, — продолжал Вагнер. — Не отпирайтесь, Юнг, слон не лжет. Вы должны быть вежливы со слоном так, как если бы он был...

— ...сам президент республики?

— ...как если бы он был человек, и не простой человек, а исполненный собственного достоинства.

— Лорд? — язвительно спросил Юнг.

— Довольно! — крикнул Штрот. — Вы виноваты во всем, Юнг, и понесете за это наказание. Когда же думает... господин Хойти-Тойти уйти в отпуск и куда?

— Мы отправимся с ним в пешеходную прогулку, — ответил Вагнер. — Это будет очень приятно. Я и мой ассистент Денисов усядемся на широкой спине слона, и он повезет нас на юг. Слон выразил желание попасть на швейцарских лугах.

Денисову было всего двадцать три года, но, несмотря на свою молодость, он уже сделал не-

сколько научных открытий в области биологии. «Из вас будет толк», — сказал Вагнер и пригласил его работать в своей лаборатории. Молодой ученый был этому несказанно рад. Профессор также был доволен своим помощником и всюду брал его с собой.

— «Денисов», «Аким Иванович», — все это очень длинно, — сказал Вагнер в первый день их общей работы. — Если я буду каждый раз обращаться к вам: «Аким Иванович», то на это потрачу в год сорок восемь минут. А за сорок восемь минут много можно сделать. И потому я вообще буду избегать называть вас. Если же нужно будет вас позвать, то я буду говорить: «Ден!» — коротко и ясно. А вы можете называть меня Ваг. — Вагнер умел уплотнять время.

К утру все было готово. На широкой спине Хойти-Тойти свободно разместились Вагнер и Денисов. Из вещей захватили только необходимое.

Штром, несмотря на ранний час, провожал их.

— А чем будет кормиться слон? — спросил директор.

— В городах и селах мы будем показывать представления, — сказал Вагнер, — а зрители за это будут кормить слона. Сапиенс прокормит не только себя, но и нас. До свиданья!

Слон медленно шел по улицам. Но когда миновали последние дома города и перед путешественниками потянулась полоса шоссе, слон без

понукания ускорил ход. Он делал не менее двенадцати километров в час.

— Ден, вам теперь придется иметь дело со слоном. И чтобы лучше понять его, вы должны познакомиться с его не совсем обычным прошлым. Вот возьмите эту тетрадку. Это путевой дневник. Он написан вашим предшественником Песковым, с которым я совершал путешествие в Конго. С Песковым случилась одна трагикомическая история, о которой я как-нибудь расскажу вам. А пока читайте.

Вагнер уселся поближе к голове слона, разложил перед собой маленький столик и начал писать сразу в двух тетрадях — правой и левой рукой. Меньше двух дел Вагнер никогда не делал.

— Итак, рассказывайте! — сказал он, обращаясь, по-видимому, к слону. Слон протянул хобот почти к самому уху Вагнера и начал очень быстро шипеть с короткими перерывами:

— Ф-фф-ffff-ф-фф-ffff...

«Точно азбука Морзе», — подумал Денисов, раскрывая тетрадь в клеенчатом переплете.

Вагнер левой рукой записывал то, что диктовал ему слон, а правой писал научную работу. Слон продолжал идти ровным шагом, и плавное покачивание почти не затрудняло писания. Денисов начал читать дневник Пескова и быстро увлекся чтением.

Вот содержание этого дневника.

V. «Человеком Рингу не быть...»

«27 марта. Мне кажется, что я попал в кабинет Фауста. Лаборатория профессора Вагнера удивительна. Чего только здесь нет! Физика, химия, биология, электротехника, микробиология, анатомия, физиология... Кажется, нет области знания, которой не интересовался бы Вагнер, или Ваг,⁴ как он просит себя называть. Микроскопы, спектрометры, электрометры... всяческие «скопы», которые позволяют видеть то, что недоступно невооруженному глазу. Потом идут такие же «вооружения» для уха: ушные «микроскопы», при помощи которых Вагнер слышит тысячи новых звуков: «и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье». Стекло, медь, алюминий, каучук, фарфор, эбонит, платина, золото, сталь — в самых различных формах и сочетаниях. Реторты, колбы, змеевики, пробирки, лампы, катушки, спирали, шнуры, выключатели, рубильники, кнопки... Не отражает ли все это сложность мозга самого Вагнера? А в соседней комнате целый паноптикум: там Вагнер выращивает ткани человеческого тела, питает живой палец, отрезанный у человека, кроличье ухо, сердце собаки, голову барана и... мозг человека. Живой, мыслящий мозг! Мне приходится ухаживать за ним. Профессор разговаривает с мозгом, нажимая пальцем на поверхность. А питается мозг особым физиоло-

гическим раствором, за свежестью которого я должен следить. С некоторых пор Вагнер изменил состав раствора, начал «усиленно питать мозг», и — удивительно! — мозг начал очень быстро разрастаться. Нельзя сказать, чтобы этот мозг, величиной с большой арбуз, представлял красивое зрелище.

29 марта. Ваг о чем-то усиленно совещается с мозгом.

30 марта. Сегодня вечером Ваг сказал мне:

— Это мозг одного молодого немецкого ученого, Ринга. Человек погиб в Абиссинии, а мозг его, как видите, продолжает жить и мыслить. Но в последнее время мозг загрустил. Глаз, который я приделал мозгу, не удовлетворяет его. Он хочет не только видеть, но и слышать, не только неподвижно лежать, но и двигаться. К сожалению, он высказал это желание несколько поздно. Скажи он об этом раньше, я, пожалуй, сумел бы удовлетворить это желание. Я смог бы найти в анатомическом театре труп, подходящий по размеру, и пересадить мозг Ринга в его голову. Если только тот человек умер от мозговой болезни, то при пересадке нового, здорового мозга мне удалось бы оживить мертвеца. И мозг Ринга получил бы новое тело и всю полноту жизни. Но дело в том, что я проделывал опыт разращения тканей, и теперь, как вы видите, мозг Ринга настолько увели-

чился, что не войдет ни в один человеческий череп. Человеком Рингу не быть.

— Что вы этим хотите сказать? Что Ринг может быть кем-то иным, кроме человека?

— Вот именно. Он может быть, ну, хотя бы слоном. Правда, до величины слоньего мозга его мозг еще не дорос, но это дело наживное. Надо только позаботиться о том, чтобы мозг Ринга принял нужную форму. Мне скоро пришлют череп слона; я посажу в него мозг и буду продолжать наращивать его ткани, пока они не заполнят всю полость черепа.

— Не хотите же вы сделать из Ринга слона?

— А почему бы нет? Я уже говорил с Рингом. Его желание видеть, слышать, двигаться и дышать так велико, что он согласился бы быть даже свиньей и собакой. А слон — благородное животное, сильное, долговечное. И он, то есть мозг Ринга, может прожить еще сто-двести лет. Разве это плохая перспектива? Ринг уже дал свое согласие...»

Денисов прервал чтение дневника и обратился к Вагнеру:

— Скажите, так неужели же слон, на котором мы едем...

— Да, да, имеет человеческий мозг, — отвечал Вагнер, не переставая писать. — Читайте дальше и не мешайте мне.

Денисов замолчал, но он не сразу вернулся к чтению дневника. Мысль, что слон, на ко-

тором они сидят, обладает человеческим мозгом, казалась ему чудовищной. Он смотрел на животное с чувством жуткого любопытства и почти суеверного ужаса.

«31 марта. Сегодня прибыл череп слона. Профессор распилил череп продольно через лоб.

— Это для того, — сказал он, — чтобы вложить мозг и чтобы удобнее было вынуть его, когда нужно будет переложить его из этого черепа в другой.

Я осмотрел внутренность черепа и был удивлен сравнительно небольшим пространством, которое предназначено для заполнения мозгом. Снаружи слон представлялся гораздо «умнее».

— Из всех сухопутных животных, — продолжал Ваг, — слон имеет наиболее развитые лобные пазухи. Видите? Вся верхняя часть черепа состоит из воздушных камер, которые специалист принимает обычно за мозговую коробку. Мозг же, сравнительно совсем небольшой, запрятан у слона очень далеко, вот где; примерно это будет в области уха. Поэтому-то выстрелы, направленные в переднюю часть головы, и не достигают обычно цели: пули пробивают несколько костяных перегородок, но не разрушают мозга.

Мы с Вагом проделали несколько дыр на черепе, для того чтобы провести через них трубки, снабжающие мозг питательным раствором, а затем осторожно вложили мозг Ринга в одну

из половинок черепа. Мозг еще далеко не заполнил предназначенного для него помещения.

— Ничего, в дороге дорастет, — сказал Ваг, придвинув вторую половину черепа.

Признаюсь, я очень мало верю в удачу опыта Вага, хотя и знаю о многих его необычайных изобретениях. Но здесь дело чрезвычайно сложно. Надо преодолеть огромные препятствия. Прежде всего необходимо раздобыть живого слона. Выписать его из Африки или Индии было бы слишком дорого. Притом слон может по той или иной причине оказаться неподходящим. Поэтому Ваг решил взять мозг Ринга в Африку, на Конго, где он уже бывал, поймать там слона и произвести операцию пересадки мозга. Произвести пересадку! Легко сказать! Это не то, что переложить перчатки из кармана в карман. Надо будет найти и сшить все окончания нервов, все вены и артерии. Несмотря на сходство анатомии человека и животного, все же различия велики. Как Вагу удастся спаять воедино эти две системы? И ведь вся эта сложная операция должна быть проделана над живым слоном...»

VI. Обезьяний футбол

«27 июня. Приходится писать залпом за целый ряд дней. Путешествие было богато не од-

ними удовольствиями. Уже на пароходе, и в особенности на лодке, нам начали досажать москиты. Правда, когда мы ехали по середине реки, еще широкой, как озеро, их было меньше. Но достаточно было подплыть ближе к берегу, как нас окружала целая туча москитов. Во время купанья нас облепляли черные мухи и сосали кровь. Когда мы высадились на берег и двинулись пешком, нас стали преследовать новые враги: мелкие муравьи и песочные блохи. Каждый вечер нам приходилось осматривать ноги и сметать этих блох. Змеи, многоножки, пчелы и осы также доставляли немало хлопот.

Не легко давалось передвижение в лесной чаще. А на открытых местах ходить было едва ли не труднее: трава густая, стебли толстые, высотой до четырех метров. Идешь между двумя зелеными стенами — ничего не видеть вокруг. Жутко! Острые листья царапают лицо и руки. Подомнешь траву ногами — путается, обвивается вокруг ног. В дождь на листьях скапливается вода и льет на тебя, как из ушата. Двигаться приходилось гуськом по узким тропам, проложенным в лесах и степях. Такие дорожки — единственные пути сообщения в этих местах. Нас шло двадцать человек, из них восемнадцать — носильщики и проводники из негритянского племени фанов.

Наконец мы у цели. Расположились лагерем на берегу озера Тумба. Наши проводники от-

дыхают. Они увлечены ловлей рыбы. С большим трудом приходится отрывать их от этого занятия, чтобы заставить помочь нам устроиться на новом месте. У нас две большие палатки. Место для лагеря выбрано удачно — на сухом холме. Трава невысокая. Кругом видно далеко. Мозг Ринга благополучно перенес путешествие, чувствует себя удовлетворительно. С нетерпением ожидает возвращения в мир звуков, красок, запахов и прочих ощущений. Ваг утешает его, что теперь недолго осталось ждать. Он занят какими-то таинственными приготовлениями.

29 июня. У нас переполох: фаны нашли свежие следы льва совсем недалеко от нашего лагеря. Я распаковал ящик с ружьями, роздал ружья тем, которые заявили, что умеют стрелять, и сегодня после обеда устроил пробную стрельбу. Это нечто ужасное! Они прикладывают ложу ружья к животу или колену, кувываются от отдачи и пускают пули с отклонением от цели на сто восемьдесят градусов. Зато их увлечение превосходит все границы. Крик стоит неимоверный. Этот крик, пожалуй, соберет к нам голодных зверей со всего бассейна Конго.

30 июня. Прошлой ночью лев был совсем близко от нашего лагеря. После него остались вещественные доказательства: он растерзал дикую свинью и съел ее почти без остатка. Череп у свиньи расколот, как орех, а ребра искрошены

на мелкие куски. Не хотел бы я попасть в такую костоломку!

Фаны напуганы. Как только наступает вечер, они собираются к нашим палаткам, зажигают костры и поддерживают пламя всю ночь. Мне стал понятен страх первобытного человека перед ужасным зверем. Когда лев рычит — а я уже несколько раз слышал его рык, — со мною творится что-то неладное: в крови просыпается страх далеких предков и сердце останавливается в груди. Даже бежать не хочется, а хочется сидеть съжившись или зарыться в землю, как крот. А Ваг как будто не слышит львиного рыка. Он по-прежнему что-то мастерит в своей палатке. Сегодня после завтрака он вышел ко мне и сказал:

— Завтра утром я пойду в лес. Фаны говорили, что к озеру ведет старая слоновая тропа. Слоны ходили на водопой недалеко от нашей стоянки. Но они часто меняют пастбища. Прорезанная ими в лесу «просека» начала уже зарастать. Значит, они ушли куда-нибудь дальше. Надо будет разыскать их.

— Но вы знаете, конечно, что к нам пожаловал лев? Не рискуйте отправляться один без ружья, — предупредил я Вага.

— Мне не страшны никакие звери, — ответил он, — я слово такое знаю, заговор. — И его густые усы начали шевелиться от скрытой улыбки.

— И отправитесь в лес без ружья?

Ваг утвердительно кивнул головой.

2 июля. Любопытные дела произошли за это время. Ночью опять рычал лев, и у меня от жути стягивало живот и холодело под сердцем. Утром я мылся у своей палатки, когда из соседней вышел Ваг. Он был в белом фланелевом костюме, в пробковом шлеме и в крепких ботинках с толстыми подошвами. Костюм походный, но ни сумки, ни ружья за плечом. Я приветствовал Вага с добрым утром. Он кивнул мне головой и, как мне показалось, осторожно ступая, двинулся вперед. Постепенно шаг его делался все увереннее, и, наконец, он зашагал своей обычной ровной и скорой походкой. Так дошел он до спуска с нашего холма. Когда дорога начала становиться покатой, Ваг поднял руки вверх, и... тут случилось нечто необыкновенное, заставившее меня и всех фанов вскрикнуть от удивления.

Тело Вага начало медленно, а затем все быстрее вращаться в воздухе, как если бы он кувыркался на трапеции в вытянутом положении; на мгновение оно принимало горизонтальное положение, затем голова оказывалась внизу, а ноги вверху; описывая круги, ноги и голова продолжали меняться местами. Наконец вращение его тела усилилось настолько, что ноги и голова слились в туманный круг, а середина туловища выступала, как темное ядро. Так про-

должалось до тех пор, пока Ваг не достиг подножия холма. Прокувыркавшись несколько метров уже на ровном месте, он выпрямился и пошел по направлению к лесу своим обычным шагом.

Я ничего не мог понять, фаны — тем более. Они были не только удивлены, но и напуганы: ведь то, что они видели, конечно, было для них сверхъестественным явлением. Для меня же это кувыркание представляло только одну из загадок, которые частенько задавал мне Ваг.

Но загадки загадками, а лев остается львом. Не слишком ли Ваг понадеялся на себя? Я знаю, что собаку можно испугать «сверхъестественным» явлением: попробуйте обвязать кость тонкой ниткой или волосом и бросьте ее собаке. Когда она захочет взять кость, потяните за нитку. Кость вдруг двинется по полу, как бы убегая от собаки. Собака будет испугана этим необычайным событием и, поджав хвост, убежит от «ожившей» кости. Но убежит ли лев, поджав хвост, от кувыркающегося в воздухе Вага? Это большой вопрос. Я не могу оставить Вага без охраны.

И, захватив ружья, в компании четырех наиболее храбрых и толковых фанов я отправился следом за Вагом. Не замечая нас, он шел впереди по довольно широкой лесной просеке, проложенной слонами. Тысячи животных, ходивших на водопой, утрамбовали ее. Только ме-

стами попадались на пути небольшие упавшие стволы или сучья. Каждый раз, когда встречалось такое препятствие, Ваг останавливался, как-то странно поднимал ногу вверх — гораздо выше, чем это требовалось, — и делал широкий шаг. Иногда вслед за этим его тело, не сгибаясь, наклонялось вперед, потом выравнивалось в вертикальном положении, и он продолжал идти. Мы следовали за ним на некотором расстоянии. Впереди показался яркий свет. Дорога расширялась и выходила на лесную поляну.

Ваг вышел из тени и шел уже по освещенной поляне, когда я услышал какое-то странное рокотание или ворчание, которое могло принадлежать только большому рассерженному или потревоженному зверю. Но это рокотание не напоминало львиного рева. Фаны шепотом называли зверя, но я не знал местных названий. Судя по лицам и движениям моих спутников, они боялись зверя, издающего это ворчание, не меньше, чем льва. Однако они не отставали от меня, а я, чуя недоброе, ускорил шаг. Когда я вышел на поляну, то увидел любопытную картину.

Направо от меня, метрах в десяти от леса, сидел на земле детеныш гориллы, ростом с десятилетнего мальчика. На некотором расстоянии от него — серовато-рыжая горилла-самка и огромный самец. Ваг шел довольно быстро

по ровной поляне и, очевидно, прежде чем заметил зверей, сидевших на траве, оказался между детенышем и его родителями. Самец, увидав человека, издал тот ворчащий хриплый звук, который я слышал еще в лесу. Ваг уже заметил зверей: он смотрел в сторону гориллы-самца, но продолжал идти своим обычным шагом. Маленькая горилла, увидав человека, вдруг завизжала, залаяла и поспешно взобралась на невысокое дерево, стоявшее недалеко от нее.

Самец издал второй предостерегающий звук. Гориллы избегают человека, но если нужда заставляет их вступать в бой, то они проявляют неустрашимость и необычайную свирепость. Видя, что человек не уходит назад, и, очевидно, боясь за своего детеныша, самец вдруг поднялся на ноги и принял воинственную позу. Я не знаю, найдется ли зверь более страшный, чем это уродливое подобие человека. Самец был огромного для обезьяны роста — не меньше среднего роста человека, — но его грудная клетка показалась мне чуть не вдвое шире человеческой. Туловище непропорционально велико. Длинные руки толсты, как бревна. Кисти и ступни — непомерной длины. Под сильно выдающимися надбровными дугами виднеются свирепые глаза, а оскаленный рот сверкает огромными зубами.

Зверь начал ударять по своей бочкообразной грудной клетке косматыми кулачищами с такой

силой, что внутри у него загудело, как в пустой сорокаведерной бочке. Потом он зарычал, залаял и, опираясь о землю правой рукой, побежал по направлению к Вагу.

Признаюсь, я был так взволнован, что не мог снять с плеча ружья. А горилла в несколько секунд перебежала отделявшее ее от Вага пространство, и... но тут опять случилось нечто необычайное.

Зверь со всего размаха ударился о какую-то невидимую преграду, заревел и упал на землю. Ваг не упал, а перевернулся в воздухе, как на трапедии, с приподнятыми вверх руками и вытянутым телом. Неудача еще больше рассердила зверя. Он вновь поднялся и еще раз попытался прыгнуть на Вага. На этот раз он перелетел через его голову и вновь упал. Самец пришел в бешенство. Он заревел, залаял, зарычал, начал плевать пеной и набрасываться на Вага, пытаясь охватить его своими чудовищно длинными руками. Но между гориллой и Вагом существовала какая-то невидимая, но надежная преграда. Судя по положению рук гориллы, я понял, что это должен быть шар. Невидимый, прозрачный, как стекло, не дающий никаких бликов, и крепкий, как сталь. Вот в чем состояла очередная выдумка Вага!

Убедившись в полной его безопасности, я начал с интересом следить за этой необычайной игрой. Мои фаны танцевали от восхищения и

даже побросали ружья. А игра становлась все оживленнее.

Горилла-самка, кажется, с не меньшим любопытством, чем мы, следила за своим остервеневшим супругом. И вдруг, издав воинственный вой, она побежала к нему на помощь. И тут игра приобрела новый характер. В азарте гориллы набрасывались на невидимый шар, и он начал перелетать с места на место, как заправский футбольный мяч. Невесело находиться внутри этого мяча, если в роли азартных футболистов выступают гориллы! Вытянутое в струнку тело Вага все чаще вертелось колесом, перелетая с места на место. Теперь я понял, почему тело его вытянуто, а руки приподняты вверх: ногами и руками он упирается в стенки шара, чтобы не разбиться. Стенки должны быть необычайно прочны. Когда гориллы нападали на шар одновременно с двух сторон и с разбегу «выжимали» его вверх, он подпрыгивал метра на три и все же не разбивался, падая на землю. Однако Ваг, видимо, начал уставать. Продержаться в вытянутом положении с напряженными мускулами долго нельзя. И вот я увидел, что Ваг вдруг согнулся и упал на дно шара.

Дело принимало серьезный оборот. Больше нельзя было оставаться только зрителями. Я крикнул фанам, заставил их поднять с земли ружья, и мы направились к шару. Но я запре-

тил туземцам стрелять без моего приказа, опасаясь, как бы они случайно не попали в Вага: я не знал, может ли невидимый шар устоять против пули. Притом шар не мог быть сплошным — иначе Ваг задохся бы, — в шаре должны быть отверстия, сквозь которые пули могли в него проникнуть.

Мы приближались с шумом и криком, чтобы обратить на себя внимание, и нам удалось достигнуть этого. Самец первый повернул голову в нашу сторону и угрожающе заревел. Видя, что не производит впечатления, он двинулся нам навстречу. Когда он отошел в сторону от шара, я выстрелил. Пуля попала горилле в грудь — я видел это по струе крови, залившей серовато-рыжую шерсть. Зверь закричал, схватился рукой за рану, но не упал, а побежал ко мне навстречу еще быстрее. Я выстрелил вторично и попал в плечо. Но в этот момент он был уже возле меня и вдруг схватил лапой дуло моего ружья. Выхватив ружье с необычайной силой, зверь на моих глазах согнул ствол и надломил его. Не удовлетворившись этим, он схватил ствол в зубы и начал грызть его, как кость. Потом, неожиданно пошатнувшись, он упал на землю и начал судорожно подергивать конечностями, не выпуская изуродованного ружья. Самка поспешила скрыться.

— Вы не очень пострадали? — услышал я голос Вага, как будто доносившийся издалека.

Неужели я стал плохо слышать оттого, что горилла помяла мне бока?

Я поднял глаза и увидел Вага, стоявшего надо мной. Теперь, когда он был возле меня, я заметил, что вокруг его тела находилась как бы туманная оболочка. Присмотревшись еще внимательнее, я убедился, что вижу не оболочку, которая была абсолютна прозрачна, а следы лап горилл и местами налипшую на поверхности шара грязь.

Ваг, по-видимому, заметил мой взгляд, устремленный на эти пятна его невидимой сферы. Он улыбнулся и сказал:

— Если почва влажная или грязная, то на поверхности шара остаются некоторые следы, и он становится видимым. Но ни песок, ни сухие листья не пристают к нему. Если вы в силах, поднимайтесь, идем домой. По пути я расскажу вам о своем изобретении.

Я поднялся и посмотрел на Вага. Он тоже немного пострадал: на его лице кое-где виднелись синяки.

— Ничего, до свадьбы заживет, — сказал он. — Это мне наука. Оказывается, в дебри африканских лесов нельзя ходить без ружья, если даже находишься в таком неприступном шаре. Кто бы мог подумать, что я окажусь внутри футбольного мяча!

— И вам пришло в голову такое сравнение?

— Разумеется. Итак, слушайте. Вам не при-

ходило́сь читать, что в Америке изобре́тен особый металл, прозрачный, как стекло, или стекло, крепкое, как металл? Из этого материала построен, говорят, военный аэроплан. Удобство его вполне понятно: он почти не виден врагу. Говорю почти, потому что летчик должен быть виден, так же как виден я сквозь мой шар. Так вот, я уже давно думал о том, чтобы устроить такую «крепость», которая не мешала бы мне все видеть, наблюдая жизнь животных и защищала бы, если звери увидят и нападут на меня. Я проделал несколько опытов и достиг цели. Этот шар сделан из каучука. О, люди еще далеко не использовали всех качеств этого необычайно полезного материала! Именно каучук мне удалось сделать прозрачным, как стекло, и прочным, как сталь. Несмотря на сегодняшнее не совсем приятное приключение, которое могло бы окончиться еще неприятнее, если бы вы не пришли вовремя ко мне на помощь, я считаю свое изобретение очень удачным и целесообразным. А гориллы? Кто бы мог думать, что я встречу их здесь? Правда, это довольно дикое местечко, но гориллы обыкновенно живут в еще более диких, непроходимых дебрях.

— Но как вы передвигаетесь?

— Очень просто. Разве вы не видите? Я наступаю подошвой ноги на внутреннюю стенку шара и тяжестью своего тела заставляю его катиться вперед. На поверхности шара имеются

отверстия для дыхания. Шар состоит из двух половинок; я захожу в него и закрываюсь, стягивая особые ремни, сделанные из прозрачного каучука. Пожалуй, некоторым неудобством является то, что на уклонах бывает трудно задержать шар, он начинает катиться быстро, и тогда приходится заниматься физкультурой. Но почему бы и не заняться?»

VII. Невидимые пути

«20 июля. Опять перерыв в моем дневнике.

Слоны, очевидно, ушли очень далеко. Нам пришлось сняться с лагеря и идти по слоновьей тропе несколько дней, пока мы, наконец, не встретили более свежих следов стада. А еще через два дня наши фаны разыскали место слоновьего водопоя. Фаны — опытные охотники на слонов, они знают много способов ловли. Но Ваг предпочел свои оригинальные способы. Он приказал принести к слоновьей тропе ящик и начал вынимать из него что-то невидимое. Фаны в суеверном ужасе смотрели на руки человека, которые делали такие движения, словно что-то брали и перекладывали, хотя это «что-то» было невидимо, как воздух. Наверное, они считают Вагнера великим кудесником.

Ваг мне еще ничего не сказал, но я уже догадался, что он вынимает из ящика приспособ-

ления для ловли, сделанные, как и шар, из того же невидимого материала.

— Подойдите и попробуйте, — сказал мне Вагнер, видя, что я умираю от любопытства.

Я подошел, пощупал воздух и вдруг зажал в руке канатик не менее сантиметра в диаметре.

— Каучук?

— Да, одна из бесчисленных разновидностей каучука. На этот раз я сделал его гибким, как веревка. Но прочность стали и незримость остаются те же, что и в материале шара. Из этих невидимых пут мы сделаем петли и разложим их на пути следования слона. Животное запутается и будет в наших руках.

Нельзя сказать, чтобы это была легкая работа — расстилать на земле невидимые веревки и завязывать из них петли. Мы сами не раз падали, зацепившись ногой за «веревку». Но к вечеру работа была закончена, и нам оставалось только ждать слонов.

Была прекрасная тропическая ночь. Джунгли наполнились неведомыми шорохами и вздохами. Иногда словно кто-то плакал, — быть может, маленькая зверюшка, расстававшаяся с жизнью; иногда слышались раскаты дикого смеха, от которого, как от струи холодного воздуха, ежились фаны.

Слоны подошли незаметно. Огромный вожак шел несколько впереди стада, вытянув длин-

ный хобот и беспрерывно двигая им. Он вбирал в него тысячи ночных запахов, классифицировал их, отмечая те, которые таили в себе какую-нибудь опасность. За несколько метров до наших невидимых заграждений слон вдруг приостановился и вытянул хобот так прямо, как мне никогда не приходилось видеть. Он к чему-то усиленно принюхивался. Быть может, он слышал запах наших тел, хотя по совету фанов мы незадолго до заката солнца выкупались в озере и выстирали наше белье: ведь на экваторе приходится потеть весь день.

— Плохо дело, — шепнул Ваг. — Слон разнюхал наше присутствие; и я полагаю, что он учуял запах не наших тел, а каучука. Об этом я не подумал...

Слон был в явной нерешимости. Очевидно, ему приходилось знакомиться с каким-то новым для него запахом. Чем угрожает этот неведомый запах? Слон нерешительно двинулся вперед, быть может, для того, чтобы ближе познакомиться с источником странного запаха. Он сделал несколько шагов и попал в первую петлю. Дернул передней ногой, но невидимое препятствие не отпускало ногу. Слон начал натягивать «веревку» все сильнее. Мы видели, как сжимается кожа немного выше его ступни. Гигант подался назад всем корпусом так, что зад его почти коснулся земли. Кожа — огромной толщины слоновья кожа — не выдержала: она

лопнула от давления «веревки», и по ноге потекла густая темная кровь.

А «веревка» Вага выдерживала необычайное напряжение.

Мы уже торжествовали победу. Но тут случилось непредвиденное. Толстое дерево, к которому была привязана «веревка», рухнуло, словно подсеченное топором. Слон от неожиданности упал назад, быстро поднялся и, повернувшись, скрылся, тревожно трубя.

— Теперь дело пропало! — сказал Вагнер. — Слоны не подойдут к тому месту, где мы растянем наши невидимые, но ощутимые для них по запаху тенета. Или мне придется заняться химической дезодорацией*. Химической... Гм... Запахи... так... — Вагнер о чем-то глубоко задумался. — А почему бы нет? — продолжал он. — Видите ли, какая мысль пришла мне в голову: можно было бы попробовать применить для помки слона химические средства, например газовую атаку. Нам надо не убить слона — это сделать нетрудно, — а привести его в бессознательное состояние. Мы вооружимся противогазовыми масками, захватим с собой баллон с газом и пустим газ вот на эту лесную дорожку. Окружающая зелень очень густа, — это настоящий зеленый тоннель; газ будет довольно хорошо сохраняться... А есть средство и еще проще!..

* Дезодорация — уничтожение запаха,

Вагнер вдруг рассмеялся. Какая-то мысль показалась ему очень забавной.

— Теперь нам надо только выследить, куда будут ходить слоны на водопой. Сюда они едва ли вернутся...»

VIII. «Слоновья водка»

«21 июля. Фаны нашли новое место водопоя. Это было небольшое лесное озеро. И когда слоны, напившись, ушли в чащу, Ваг, я и туземцы принялись за работу. Мы разделись, вошли в воду и начали вбивать в дно колья тесным рядом, отгораживая небольшую часть озера. Затем мы плотно обмазали глиной подводную стену. Получилось нечто вроде садка. Плотина отделила часть озера как раз в том месте, куда приходили на водопой слоны.

— Отлично, — говорил Ваг. — Теперь нам остается только «отравить» воду. Для этого у меня есть очень хорошее средство, совершенно безвредное, но действующее сильнее алкоголя.

Ваг проработал несколько часов в своей лаборатории и, наконец, вынес оттуда ведро «слоновьей водки», как он выразился. Эта водка была вылита в воду. Мы взобрались на дерево и приготовились наблюдать.

— А будут ли слоны пить вашу водку? — спросил я.

— Надеюсь, она покажется им достаточно вкусной. Ведь пьют же водку медведи. И даже делаются настоящими алкоголиками. Тсс!.. Кто-то идет...

Я посмотрел на «арену», она была очень велика.

Сделаю маленькое отступление. Надо сказать, что меня все время поражало пейзажное и архитектурное разнообразие тропического леса. Местами идешь по «трехэтажному» лесу: небольшой подлесок кустарников и невысоких деревьев едва покрывает голову. Над этим лесом поднимается второй лес, высота которого примерно такова, как в наших северных лесах. Наконец, над ним высится третий лес, состоящий из огромных деревьев. Между первым и вторым рядами крон имеются пустые пространства, заполняемые только нитями и канатами разных ползучих растений. Такой тройной лес представляет необычайно красивое зрелище. Высоко над головой зеленые пещеры, водопады зелени, ниспадающие с уступа на уступ, зеленые горы, уходящие ввысь. И все это расцвечено перьями птиц и яркими цветами орхидей.

Потом сразу попадаешь словно в величественный готический храм с лесом исполинских колонн, поднимающихся от мшистой земли к едва различимому куполу. Еще несколько шагов — и новая перемена: ты — в чаще, в непроходимых дебрях. Листья сбоку, впереди, сзади,

сверху. Мох, трава, листья, цветы внизу — по самые плечи. Словно очутился в зеленом водовороте. Ноги путаются в мягкой зелени или спотыкаются об упавшие деревья. И вот когда окончательно обессилеешь и кажется, что безнадежно увяз в болоте сплошной зелени, неожиданно раздвигаешь кусты и останавливаешься, пораженный: ты в огромной круглой пещере с зеленым сводом. Неимоверной толщины «столб» подпирает купол этой пещеры. На земле — ни травинки, хоть в крокет играй. Деревовеликан своею тенью погубило кругом всю растительность, не пропуская ни одного луча солнца. Ветви его спустились до земли и вросли в нее. Здесь царят мрак и прохлада. Нам не раз приходилось отдыхать в тени таких гигантов — баобабов, каучукового дерева, индийской смоковницы.

Такое же огромное дерево дало нам приют на своих ветвях. Оно стояло совсем недалеко от воды, и, таким образом, все звери, идущие по слоновьей тропе, должны были пройти «арену», прежде чем подойти к берегу. На этой «арене», очевидно, происходило немало лесных драм. Там и сям виднелись обглоданные кости антилоп, буйволов и кабанов. Недалеко начинались степи; поэтому сюда на водопой частенько заходили и животные саванны.

На «арену» вышел кабан. Следом за ним появились кабаниха и восемь маленьких кабанят.

Вся семья направилась к воде. Через минуту явились еще пять самок, принадлежащих, очевидно, к той же семье. Кабан подошел к воде и начал пить. Но тотчас же поднял рыло, неодобрительно фыркнул и перешел на другое место. Попробовал — не нравится. Замотал головой.

— Не пьет, — шепнул я Вагу.

— Не раскушал, — так же тихо ответил он.

Он оказался прав. Скоро кабан перестал мотать головой и начал пить воду. Но кабаниха волновалась и, как мне показалось, кричала своим кабанятам, чтобы они не пили. Однако скоро и она вошла во вкус. Кабан, самка и кабанята пили очень долго — дольше обыкновенного. На кабанятах опьянение сказалось прежде всего: они вдруг начали визжать, бросаться друг на друга, бегать по «арене». Все шесть самок опьянели вслед за кабанятами. Они шатались, повизгивая, принялись выделять необычайные движения — брыкались, становились на дыбы, катались по земле и даже кувыркались через голову. Потом они свалились и уснули вместе с поросятами. Но кабан оказался буйным во хмелю. Он свирепо хрюкал, нападал на огромный ствол дерева, стоявший посреди «арены», и вонзал в кору кинжалы-клыки с такой силой, что потом едва мог вытянуть их.

Мы так заинтересовались проделками пьяного кабана, что не заметили, как подошли слоны.

Мерно ступая, один за другим выходили они из зеленой просеки. В это время площадка вокруг ствола действительно напоминала цирковую арену. Но ни один цирк не видал такого громадного количества четвероногих артистов. Признаюсь, мне стало страшно от такого количества слоновьих туш. Слоны показались мне похожими на огромных крыс. Их было больше двух десятков.

Но что проделывает этот пьянчужка-кабан! Вместо того чтобы спастись подобру-поздорову, он вдруг угрожающе захрюкал и стрелой помчался навстречу стаду слонов. Большой слон, шедший впереди, очевидно, не ожидал нападения. Он опустил голову и с любопытством смотрел на бегущего зверя. А кабан, подбежав к слону, ударил его клыком в ногу. Слон быстро свернул хобот, наклонил голову еще ниже и, поддев кабана на бивни, отбросил его так далеко, что тот упал в воду.

Кабан захрюкал, забарахтался, выбрался на берег, хлебнул наспех еще несколько глотков, как бы для храбрости, и вновь побежал к слону. Но слон на этот раз был осторожнее; он ожидал кабана с опущенными бивнями. Кабан наскочил на бивни и был распорот. Слон стряхнул издыхающего зверя с бивней и наступил на него ногой. От кабана остались только голова и хвост. Туловище и ноги были размолоты в кашу.

Тою же спокойной, мерной поступью, как будто ничего не случилось, слон-вожак прошел через «арену», осторожно обошел лежащих на земле без памяти кабанят и кабаних, спустился к воде и погрузил в нее хобот. Мы с любопытством смотрели, что будет дальше.

Слон начал пить, потом поднял хобот и стал шарить по воде, очевидно сравнивая ее вкус в различных местах. Он прошел несколько шагов и опустил хобот в воду вне нашей загородки. Там вода не была отравлена опьяняющим напитком.

— Пропала наша затея! — шепнул я. Но в тот же момент чуть не вскрикнул от удивления. Слон вернулся на старое место и начал пить «слоновью водку». Она, видимо, понравилась ему. Рядом с вожакom выстроились другие слоны. Но наша плотина была не слишком велика, и потому часть слоновьего стада пила обычную воду.

Мне казалось, что этому водопитию не будет конца. Я видел, как чудовищно раздувались его бока. Он пил, пил без конца. Через полчаса уровень воды в нашей запруде понизился наполовину; через час вожак и его товарищи высосали всю жидкость до дна. Слоны начали покачиваться, еще не окончив пить. Один из них вдруг рухнул в воду, подняв целое волнение. Он затрубил, поднялся и опять упал на бок. Положив хобот на берег, он захрапел так, что

листья дрожали и птицы испуганно перелетали на верхушки деревьев.

Огромный вожак отошел от озера, громко пофыркивая. Он остановился. Хобот его повис, как тряпка. Уши то поднимались, то безжизненно падали. Слон медленно и равномерно покачивался — вперед, назад. Вокруг него падали, как сраженные пулей, его товарищи. А те, которые не пили «водки», с удивлением смотрели на этот странный падеж. Трезвые слоны тревожно трубили, ходили вокруг пьяных, даже пытались поднять упавших. Большая слониха подошла к вожаку и с беспокойством щупала его голову хоботом. Слон отвечал на этот жест участия и ласки слабым помахиванием хвоста, не прекращая своего раскачивания. Потом он вдруг поднял голову, захрапел и упал на землю. Трезвые слоны растерянно толпились вокруг него, не решаясь идти без вожака.

— Будет скверно, если трезвые останутся здесь, — сказал Ваг уже громко. — Перебить их, что ли? Подождем, посмотрим, что будет дальше.

Трезвые слоны о чем-то совещались. Они издавали странные звуки, непрерывно двигая хоботами. Это совещание продолжалось довольно долго. Начала разгораться заря, когда слоны выбрали себе нового предводителя и медленно один за другим оставили «арену», где лежали «трупы» их товарищей.

IX. Ринг стал слоном

«Надо было спускаться с дерева. Я с некоторым волнением посмотрел на «арену», которая напоминала теперь поле сражения. Огромные слоны валялись на боку попеременно с кабанами. Но надолго ли хватит этого опьянения? Что, если слоны придут в себя, прежде чем мы окончим операцию пересадки мозга? А слоны, как будто желая еще больше напугать меня, время от времени махали хоботами и иногда сквозь сон пищали.

Но Ваг не обращал на все это никакого внимания. Он быстро спустился с дерева и приступил к работе. В то время как фаны были заняты истреблением спящих кабанов, мы с Вагом занялись операцией. У нас уже все было заготовлено. Ваг заранее заказал хирургические инструменты, которые могли бы одолеть крепость слоновой кости. Он подошел к вожаку, вынул из ящика стерилизованный нож, сделал на голове слона надрезы, отвернул кожу и начал распиливать череп. Слон несколько раз подергивал хоботом. Это нервировало меня, но Ваг успокаивал:

— Не беспокойтесь. Я ручаюсь за действие моего наркоза. Слон не проснется раньше чем через три часа, а за это время я надеюсь вынуть его мозг. После этого он будет для нас безопасен.

И он продолжал методически распиливать череп. Инструменты оказались хорошими, и скоро Ваг приподнял часть теменной кости.

— Если вам придется охотиться на слона, — сказал он, — то имейте в виду, что убить его вы сможете только в том случае, если попадете вот в это маленькое местечко. — И Ваг показал мне пространство между глазом и ухом, величиною не более ладони. — Я уже предупредил мозг Ринга, чтобы он берег это место.

Ваг довольно быстро опорожнил голову слона от мозгового вещества. Но тут произошло нечто неожиданное. Слон без мозга вдруг начал шевелиться, раскачиваться грузным телом, потом, к нашему удивлению, встал и пошел. Но он, видимо, ничего не видел перед собою, хотя глаза его и были открыты. Он не обошел лежащего на пути товарища, споткнулся и упал на землю. Его хобот и ноги начали судорожно подергиваться. «Неужели подыхает?» — думал я, сожалея, что все труды пропали даром.

Ваг подождал, пока слон перестал двигаться, затем приступил к продолжению операции.

— Теперь слон мертв, — сказал он, — как и полагается животному без мозга. Но мы воскресим его. Это не так трудно. Давайте скорее мозг Ринга. Только бы не занести инфекции!..

Тщательно вымыв руки, я вынул из привезенного слоновьего черепа разросшийся мозг Ринга и передал его Вагу.

— Ну-ка... — сказал он, опуская мозг в череп слона.

— Подходит? — спросил я.

— Чутьочку не дорос. Но это не имеет значения. Было бы хуже, если бы мозг перерос и не вошел в черепную коробку. Теперь осталось самое главное — сшить нервные окончания. Каждый нерв, который я буду сшивать, явится контактом между мозгом Ринга и телом слона. Теперь вы можете отдохнуть. Сидите и смотрите, но не мешайте мне.

И Ваг начал работать с необычайной быстротой и тщательностью. Он был поистине артистом своего дела, и его пальцы напоминали пальцы пианиста-виртуоза во время исполнения труднейшей пьесы. Лицо Вага было сосредоточенно, оба глаза устремлены в одну точку, что с ним бывало только в случаях исключительного напряжения внимания. Очевидно, в этот момент обе половинки его мозга выполняли одну и ту же работу, как бы контролируя друг друга. Наконец Ваг накрыл мозг черепной крышкой, скрепил ее металлическими скобками, затем покрыл кусками кожи и сшил кожу.

— Отлично. Теперь у него — если он благополучно выживет — останутся только рубцы. Но Ринг, я думаю, простит меня за это.

«Ринг простит!» Да, теперь слон стал Рингом, или, вернее, Ринг стал слоном. Я подошел к слону, в голове которого был человеческий

мозг, и с любопытством посмотрел в его открытые глаза. Они казались такими же безжизненными, как и раньше.

— Почему это? — спросил я. — Ведь мозг Ринга должен находиться в полном сознании, а между тем глаза... его (я не мог сказать ни слона, ни Ринга) как будто остекленели.

— Очень просто, — ответил Ваг. — Нервы, идущие от мозга, сшиты, но еще не срослись. Я предупредил Ринга, чтобы он не пытался производить каких-либо движений, пока нервы не срастутся окончательно. Я принял меры, чтобы это произошло возможно скорее.

Солнце уже начинало клониться к закату. Фаны сидели на берегу и, разложив костры, жарили кабанье мясо и с удовольствием поедали его. Некоторые предпочитали есть его сырым. Вдруг один из пьяных слонов начал громко трубить. Этот резкий призывный звук разбудил остальных слонов. Они начали подниматься на ноги. Ваг, я и фаны поспешили укрыться в кустах. Слоны, все еще шатавшиеся, подошли к оперированному вожаку, долго ощупывали и обнюхивали его хоботом и что-то говорили на своем языке. Воображаю, как должен был чувствовать себя Ринг, если он только мог уже видеть и слышать. Наконец слоны ушли. Мы снова приблизились к нашему пациенту.

— Молчите и ничего не отвечайте, — сказал Ваг, обращаясь к слону, как будто тот мог го-

ворить. — Все, что я могу вам позволить, — это мигнуть веком, если вы уже в силах это сделать. Итак, если вы понимаете, что я говорю, мигните два раза.

Слон мигнул.

— Очень хорошо! — сказал Вагнер. — Сегодня вам придется полежать неподвижно, а завтра я, быть может, разрешу вам встать. Чтобы слоны и прочие животные не беспокоили вас, мы перегородим слоновью тропу, а ночью зажжем костры.

24 июля. Сегодня слон поднялся в первый раз.

— Поздравляю! — сказал Ваг. — Как же вас теперь звать? Ведь мы не можем перед посторонними разглашать свою тайну. Я буду звать вас Сапиенс. Идет?

Слон кивнул головой.

— Объясняться мы будем, — продолжал Ваг, — мимически, по азбуке Морзе. Вы можете махать кончиком хобота: вверх — точка, вбок — тире. А если вам покажется удобнее, можете сигнализировать звуками. Помахайте хоботом.

Слон начал махать, но как-то странно: хобот поворачивался во все стороны, как вывихнутый сустав.

— Это вы еще не привыкли. Ведь у вас никогда не было хобота, Ринг. А ходить вы можете?

Слон начал ходить, причем задние ноги, видимо, слушались его лучше, чем передние.

— Да, вам таки придется поучиться быть слоном, — сказал Ваг. — В вашем мозгу нет многого такого, что имеется в слоновьем. Двигать ногами, хоботом, ушами вы научитесь довольно скоро. Но в мозгу слона имеются еще природные инстинкты — квинтэссенция опыта сотен тысяч слоновьих поколений. Настоящий слон знает, чего ему опасаться, как защищаться от разных врагов, где найти пищу и воду. Вы ничего этого не знаете. Вам пришлось бы учиться на личном опыте. А этот опыт стоил жизни немалому количеству слонов. Но вы не смущайтесь и не бойтесь, Сапиенс. Вы будете с нами. Как только вы окончательно поправитесь, мы с вами поедem в Европу. Если захотите, можете жить на родине — в Германии, а можете поехать со мной и в СССР. Там вы будете жить в зоопарке. Но как вы чувствуете себя?

Сапиенсу-Рингу, очевидно, было легче сигнализировать сопением, чем движением хобота. Он начал издавать хоботом короткие и длинные звуки. Ваг слышал (в то время я еще не знал азбуки Морзе) и переводил мне:

— Вижу я как будто несколько хуже. Правда, с высоты моего туловища я вижу дальше, но поле моего зрения довольно ограничено. Зато мой слух и обоняние тонки и остры необычайно. Я никогда не мог вообразить, что в мире так

много звуков и запахов. Я чувствую тысячи новых необычных запахов и их оттенков, я слышу бесконечное количество звуков, для выражения которых, пожалуй, не найдется слов на человеческом языке. Свист, шум, треск, писк, стрекотанье, визг, стон, лай, крик, громоуханье, рокот, лязг, хрустенье, шлепанье, хлопанье... еще, быть может, десяток слов, и человеческий лексикон, передающий мир звуков, исчерпан. Но вот жуки и черви сверлят кору дерева. Как передать этот разноголосый, отчетливо слышимый мною концерт? А шумы!

— Вы делаете успехи, Сапиенс, — сказал Ваг.

— А запахи! — продолжал Ринг описывать свои новые ощущения. — Здесь я окончательно теряюсь и не могу передать вам хотя бы приблизительно то, что я ощущаю. Вы можете понять только одно, что каждое дерево, каждый предмет имеет свой специфический запах. — Слон опустил хобот к земле, понюхал и продолжал: — Вот пахнет землей. И пахнет травой, которая лежала здесь, быть может оброненная каким-нибудь травоядным животным, шедшим на водопой. Затем пахнет кабаном, буйволом, медью... не понимаю откуда. Вот! Здесь валяется обрезок медной проволоки, которую, вероятно, вы бросили, Вагнер.

— Но как же это может быть? — спросил я. — Ведь тонкость ощущений обуславливается не только тонкостью воспринимающих перифериче-

ских органов, но и соответствующим развитием мозга.

— Да, — ответил Ваг. — Когда мозг Ринга приспособится, он будет ощущать не хуже слона. Теперь он ощущает, вероятно, во много раз хуже настоящего слона. Но тонкость слухового и обонятельного аппарата дает Рингу уже теперь огромное преимущество по сравнению с нами. — Затем он обратился к слону: — Надеюсь, Сапиенс, вас не очень обременит, если мы вернемся к нашей стоянке на холме, сидя на вашей спине?

Сапиенс милостиво согласился, кивнув головой. Мы погрузили на спину слона часть багажа. Он поднял хоботом меня и Вага — фаны шли пешком, — и мы отправились в путь.

— Я думаю, — сказал Ваг, — через две недели Сапиенс будет вполне здоров, и тогда он доставит нас в Бому, а оттуда морским путем двинемся домой.

Когда мы разбили лагерь на холме, Ваг сказал Сапиенсу:

— Корму здесь хоть отбавляй. Но я прошу вас не отходить слишком далеко от нашего лагеря, в особенности ночью. Вам могут угрожать различные опасности, с которыми настоящие слоны справились бы очень легко.

Слон кивнул головой и принялся обламывать хоботом ветви с соседних деревьев.

Вдруг он как-то пискнул и, отдернув хобот, подбежал к Вагу.

— Что случилось? — спросил Ваг. Слон протянул хобот почти к его лицу.

— Ай! Ай! — протянул Ваг с упрёком. — Идите сюда, — обратился он ко мне, показывая на пальцеобразный отросток хобота. — Чувствительность этого «пальчика» превосходит чувствительность пальцев слепых. Это самый нежный орган слона. И смотрите, наш Сапиенс умудрился поранить свой «пальчик» шипом.

Ваг осторожно вытащил шип из хобота.

— Будьте осмотрительны, — сказал он наставительно слону. — Слон с пораненным хоботом — инвалид. Вы не в состоянии будете даже пить воду, и вам придется каждый раз входить в реку или озеро и пить пастью, вместо того чтобы, как обычно делают слоны, вбирать воду в хобот и из хобота выливать в пасть. Здесь много колючих растений. Пройдите немного дальше. Научитесь различать породы.

Слон вздохнул, помотал хоботом и отправился в лес.

27 июля. Все благополучно. Слон ест невероятно много. Сначала он разбирался в пище и старался отправлять в пасть только траву, листья и самые тонкие нежные ветки. Но так как он не насыщался, то скоро, подобно заправскому слону, начал ломать и засовывать себе в пасть ветви чуть ли не с руку толщиной.

Деревья вокруг нашего лагеря имеют самый жалкий вид — как будто здесь упал метеорит или пролетела всепожирающая саранча. На ку-стах подлеска и на нижних ветвях больших де-реьев — ни листика. Сучья поломаны, обна-жены. Кора содрана. На земле — сор, помет, куски ветвей, стволы сваленных деревьев. Са-пиенс очень извиняется за эти разрушения, но... «положение обязывает», как сказал он Вагу при помощи своих звуковых сигналов.

1 августа. Сегодня Сапиенс не явился ут-ром. Сперва Вагнер не беспокоился.

— Не иголка, — найдется. Что с ним сдела-ется? Ни один зверь не решится напасть на него. Вероятно, за ночь далеко зашел.

Однако часы шли за часами, а Сапиенс не являлся. Наконец мы решили отправиться на поиски. Фаны — великолепные следопыты, быст-ро попали на след. Мы пошли за ними. Старый фан, глядя на следы, быстро читал вслух эти письма, оставленные слоном.

— Здесь слон ел траву, потом он начал есть молодые кустарники. Потом он пошел дальше. Здесь он как будто подпрыгнул — чего-то испу-гался. Вот что испугало его: след леопарда. Прыжок. Слон бежит. Ломает все на своем пути. А леопард? Он тоже бежит... от слона. В другую сторону.

Следы слона увлекли нас далеко от лагеря. Вот он пробежал болотистую поляну. Следы

налились водой. Слон проваливался, но бежал, видимо с трудом вытаскивая ноги из болота. Вот и река. Это Конго. Слон бросился в воду. Он должен был переплыть на другую сторону.

Наши проводники отправились на поиски селения, нашли лодку, и мы перебрались на другой берег. Но там следов слона не было. Неужели он погиб? Слоны умеют плавать. Но умели плавать Ринг? Удалось ли ему овладеть искусством плаванья по-слоновьи? Фаны высказали предположение, что слон поплыл вниз по реке. Мы проплыли несколько километров по течению. Следов все нет и нет. Ваг удручен. Все наши труды пропали даром. И что случилось со слоном? Если он жив, как он будет жить в лесу со зверями?..

8 августа. Целую неделю мы потратили на поиски слона. Напрасно! Он пропал бесследно. Нам ничего больше не оставалось, как рассчитывать с фанами и отправиться домой».

Х. Четвероногие и двуногие враги

— Дневник окончен, — сказал Денисов.

— Вот продолжение дневника, — ответил Вагнер, хлопая по шее слона. — В то время как вы читали дневник, Сапиенс, он же Хойти-Тойти, он же Ринг, рассказал мне занятную историю своих приключений. Я уже не надеялся видеть

его в живых, но, оказывается, он сам сумел разыскать путь в Европу. Вы должны расшифровать и переписать мои стенографические записи того, что рассказал мне слон.

Денисов взял у Вагнера его тетрадь, испещренную черточками и запятыми, начал читать и затем записывать историю слона, рассказанную им самим. Вот что говорил Сапиенс Вагнеру:

«Едва ли мне удастся передать вам все, что я испытал с тех пор, как стал слоном. Мне никогда даже и во сне не снилось, что я, ассистент профессора Турнера, вдруг превращусь в слона и буду жить в дебрях африканских лесов. Постараюсь изложить последовательно весь ход событий.

Я отошел недалеко от лагеря и мирно пощипывал траву на лужайке. Вырывал пучки сочной травы, обколачивал корни, чтобы отбить приставшую землю, затем пожирал. Покончив с травой, я пошел лесом, чтобы найти другую лужайку. Была довольно светлая лунная ночь. Летали светящиеся жуки, летучие мыши и какие-то неизвестные мне ночные птицы, похожие на сову. Я медленно продвигался вперед. Шел я легко, не чувствуя тяжести своего тела. Я старался как можно меньше шуметь. Понюхивая хоботом, я чувствовал, что и справа и слева от меня находятся звери — какие, я не знал. Казалось бы, кого бояться мне? Я самый сильный

из всех зверей. Сам лев должен был уступить мне дорогу. А между тем я ужасно боялся каждого шороха, каждого звука, пробежавшей мыши, какого-то зверька, похожего на лисичку. Когда я встретил небольшого кабана, я уступил ему дорогу. Быть может, я еще не осознал своей силы. Одно успокаивало меня: я знал, что недалеко находятся люди, мои друзья, которые могут прийти мне на помощь.

Так, осторожно шагая, я вышел на небольшую поляну и уже опустил хобот, чтобы схватить пучок травы, как вдруг почуял запах зверя, а уши мои уловили шорох в камышах. Я поднял хобот, тщательно свернул его для безопасности и начал осматриваться. И вдруг я увидел леопарда, который притаился за камышами, росшими у ручья, и смотрел на меня жадными голодными глазами. Все его тело напряглось для прыжка. Еще минута — и он кинется мне на шею. Не знаю, быть может, я еще не привык быть слоном и чувствовал и рассуждал слишком по-человечески, но я не в силах был побороть безумного страха. Я весь задрожал и бросился бежать.

Деревья трещали и ломались на моем пути. Многие хищники были испуганы моим бешеным бегом. Они выскакивали из кустов и травы и разбегались в разные стороны, еще более пугая меня. Мне казалось, что звери всего бассейна Конго гонятся за мною. И я бежал, — не знаю,

сколько времени и куда, — пока, наконец, меня не остановило препятствие — река. Я не умею плавать — не умел, когда был человеком. Но меня нагонял леопард, — так думал я, и я бросился в воду и начал работать ногами, как если бы продолжал бежать. И я поплыл. Вода несколько охладила и успокоила меня. Мне казалось, что весь лес полон хищными голодными зверями, которые нападут на меня, как только я выйду на берег. И я плыл час за часом.

Уже взошло солнце, а я все плыл. На реке начали встречаться лодки с людьми. Людей я не боялся, пока с одной лодки не послышался выстрел. Я не мог предположить, что стреляют по мне. Я продолжал плыть. Раздался еще выстрел, и вдруг я почувствовал, словно меня ужалила пчела в шею. Я повернул голову и увидел, что в лодке, которой управляют туземцы, сидит белый человек, по виду англичанин. Он-то и стрелял в меня. Увы! люди оказались для меня не менее опасны, чем звери.

Что мне оставалось делать? Мне хотелось крикнуть англичанину, попросить его не стрелять, но я смог издать только какой-то пищавший звук. Если только англичанин попадет в цель, я погиб... Вы указали мне на опасное для меня место в черепе — между глазом и ухом, где находился мозг. Я вспомнил ваш совет и повернул голову так, чтобы пули не попали в это место, и постарался поскорее доплыть до бере-

га. Когда я вылез на берег, то представлял отличную мишень, но голова моя была обращена к лесу. А англичанин, вероятно, настолько знал правила охоты на слонов, что стрелять в заднюю часть считал бесцельным. Он больше не стрелял, вероятно, поджидал, не поверну ли я к нему голову. Но я, уже не думая о зверях, помчался в чащу.

Лес становился все гуще. Лианы преграждали мне путь. Скоро они опутали меня такой сетью, что даже я не в силах был разорвать их и принужден был остановиться. Я так смертельно устал, что свалился на бок, не заботясь о том, полагается или нет это делать в моем слоновьем положении.

Мне приснился страшный сон: будто я, доцент университета и ассистент профессора Турнера, нахожусь в Берлине, в своей маленькой комнатке на Унтер-ден-Линден. Летняя ночь. В открытое окно светит одинокая звезда. Доносится запах цветущих лип, а на столике благоухает красная гвоздика в венецианском гра-неном стаканчике синего стекла. И среди этих приятных запахов врывается, как непрощенный гость, какой-то очень терпкий приторный запах, напоминающий запах черной смородины. Но я знаю, что это запах зверя... Я готовлюсь к завтрашней лекции. Склоняю голову над книгами и засыпаю, продолжая слышать запах липы, гвоздики, зверя. Я вижу странный сон, как буд-

то я превратился в слона и нахожусь в тропическом лесу... Запах зверя все усиливается. Он беспокоит меня. Я просыпаюсь. Но это уже не сон. Я действительно превратился в слона, как Луций в осла *, силой волшебства современной науки.

Запах двуногого зверя. Пахнет потом африканского туземца. К этому запаху присоединяется запах белого человека. Это, наверно, тот, который стрелял в меня из лодки. Он преследует меня по следам. Быть может уже стоит за кустом и направляет дуло ружья в опасное местечко между глазом и ухом...

Я быстро вскакиваю. Пахнет справа. Значит, надо бежать влево. И я бегу, ломая и раздвигая кусты. Потом — кто учил меня этому? — я поступаю так, как поступают слоны, когда хотят сбить преследователя со следа. После шумного отступления слон вдруг затихает. Преследователь не слышит ни единого звука и думает, что слон остановился на месте. Но слон продолжает убегать, так осторожно ступая и раздвигая ветки, что даже кот не прошел бы тише.

Я пробежал не менее двух километров, пока, наконец, осмелился обернуться, чтобы понюхать воздух. Людьми еще пахло, но они были да-

* Луций — герой сатирической повести древнеримского писателя Апулея «Золотой осел».

леко, я думаю, не менее как за километр от меня. Я продолжал свой бег.

Настала тропическая ночь, душная, знойная, темная, как сама слепота. С темнотою пришел и страх. Он окружил меня со всех сторон и был такой безысходный, как и тьма. Куда бежать? Что делать? Стоять на месте казалось страшнее, чем двигаться. И я шел неустанной ровной походкой.

Скоро под ногами зашлепала вода. Еще несколько шагов — и я вышел на берег... чего? реки? озера? Я решил поплыть. На воде я мог быть по крайней мере в безопасности от нападения львов и леопардов. Я поплыл и, к своему удивлению, очень скоро почувствовал под ногами дно и вышел на мелкое место. Я пошел дальше.

На пути — какие-то ручьи, речки, болотца. В траве на меня шипят невидимые зверьки, боязливо отпрыгивают огромные лягушки. Я бродил всю ночь и к утру принужден был признать, что окончательно заблудился.

Прошло несколько дней, и я уже многого не боялся из того, что раньше внушало мне страх. Смешно! В первые дни своего нового существования я боялся даже поранить себе кожу колючками. Быть может, меня напугала история с уколотым пальцеобразным отростком хобота. Однако я скоро убедился, что самые острые и крепкие колючки не причиняют мне ни малей-

него вреда, — толстая кожа защищала меня, как броня. Затем я боялся случайно наступить на ядовитую змею. И когда это произошло в первый раз и змея обвилась вокруг моей ноги, пытаясь меня ужалить, от страха похолодело мое огромное слоновье сердце. Но тотчас я убедился, что змея бессильна причинить мне вред. С той поры я находил даже удовольствие давить ногами встречающихся на пути змей, если они заблаговременно не убирались с дороги.

Впрочем, кое-что осталось, что возбуждало мой страх. Ночью я боялся нападения крупных хищников — льва, леопарда. Я был сильнее их и не хуже их вооружен, но у меня не было личного опыта в борьбе и не было инстинктов, которые суфлировали бы мне мою роль. А днем я боялся охотников, в особенности белых. О, эти белые люди! Они самые опасные из зверей. Их капканов, силков, западней я не боялся. Меня трудно было загнать в загон, пугая кострами или трещотками. Единственно, что угрожало мне, — это возможность упасть в замаскированную яму, и я внимательно осматривал лежащий передо мною путь.

Запах деревни я чувствовал за несколько километров и старался далеко обходить всякое жилье человека. По запаху я различал даже туземные племена. Одни из них были более опасны для меня, другие менее, третьи совсем не опасны.

Однажды, потянув хоботом, я услышал новый запах — зверя или человека, я даже затрудняюсь сказать. Скорее человека. Меня охватило любопытство. Ведь я изучал лес и должен был знать обо всем, что могло угрожать мне опасностью. Я направился по запаху, как по компасу, очень осторожно продвигаясь вперед. Это было ночью, в тот час, когда туземцы снят крепче всего. Я подкрадывался как можно тише, в то же время внимательно осматривая путь перед собою. Запах становился все сильнее.

К утру я вышел на опушку леса и, скрываясь в густой заросли, посмотрел на поляну. Бледный месяц стоял над лесом и обливал пепельным светом низенькие остроконечные шалаши. Такой шалаш мог только прикрыть сидящего человека среднего роста. Было тихо. Даже собаки не лаяли. Я подошел с подветренной стороны. Я недоумевал: кто может жить в этих маленьких шалашах, как будто сделанных играющими детьми?

Вдруг я заметил, что из дыры в земле вылезло какое-то человекоподобное существо. Поднявшись на ноги, свистнуло. На свист отозвалось другое существо, соскочившее с ветви дерева. Еще два вышли из шалашей. Они сошлись у большого шалаша, высотой в полтора метра, и начали о чем-то совещаться. Когда первые лучи солнца осветили небо и я мог рассмотреть «гномов», — как назвал я странные суще-

ства, — то я убедился, что набрел на поселение пигмеев, самых маленьких людей из существующих на земном шаре. Они имели светло-коричневую кожу и волосы почти красного цвета. Их фигурки были очень стройны и пропорционально сложены. Но их рост не превышал восьмидесяти-девяти сантиметров. У некоторых из этих «детей» были бороды, густые и курчавые. Пигмеи о чем-то быстро говорили пискливыми голосами.

Это было очень интересное зрелище, но мне стало страшно. Лучше бы я встретился с великанами, чем с этими страшными для меня карликами. Пожалуй, я предпочел бы встречу с белым человеком. Пигмеи, несмотря на свой ничтожный рост, являются самыми страшными врагами слонов. Я знал это, прежде чем сделаться слоном. Они великолепные стрелки из лука и метатели копий. Они употребляют отравленные стрелы, одного укола которых достаточно, чтобы поразить насмерть слона. Они могут бесшумно подкрасться к слону сзади и набросить на задние ноги путы или же пересечь острым ножом ахиллесову жилу. Вокруг своих деревень они разбрасывают отравленные колючки и палочки...

Я вдруг повернулся всем телом и бросился убежать с такой же поспешностью, как в тот раз, когда убегал от леопарда. Сзади себя я слышал крик, вслед за этим звуки погони.

Я ушел бы от них, если бы передо мной была ровная дорога. Но мне пришлось бежать в дремучем лесу, то и дело обегая непреодолимые препятствия. А мои преследователи, ловкие, как обезьяны, подвижные, как ящерицы, и неутомимые, как борзые собаки, бежали так быстро, будто препятствия не существовали для них. Погоня приближалась. Несколько копий были брошены мне вслед. К счастью, густая зелень защищала меня. Я задыхался и готов был упасть от усталости. А маленькие человечки, не падая, не спотыкаясь, не отставая ни на шаг, следовали за мной.

Я убедился на горьком опыте, что нелегко быть слоном, что вся жизнь даже такого крупного и сильного животного, как слон, — непрерывная, ни на минуту не прекращающаяся борьба за существование. Мне казалось невероятным, что слоны доживают до ста и более лет. При таких волнениях, право же, они должны были бы умирать раньше, чем люди. Впрочем, настоящие слоны, быть может, не волнуются так, как волновался я. У меня был слишком нервный, легко возбудимый человеческий мозг. Уверяю вас, сама смерть в эти минуты казалась мне лучше, чем жизнь с вечно гонящейся по пятам смертью. Остановиться? Подставить грудь под удары отравленных копий и стрел моих двуногих мучителей?.. Я готов был сделать это. Но в последнюю минуту мое настроение изме-

нилось: я неожиданно втянул в хобот сильный запах слоновьего стада. Не найду ли я спасения среди слонов?

Дремучий лес редел и постепенно перешел в саванны, поросшие там и сям большими деревьями, которые давали мне возможность укрываться от стрел моих преследователей.

Я бежал зигзагами. Здесь пигмеям приходилось хуже, чем в лесу. Хотя я и прокладывал широкую дорогу, но все же крепкие стебли степных растений и трав мешали им бежать. Запах слонов становился все сильнее, хотя я все еще не видел их.

На моем пути встречались огромные ямы — здесь слоны валялись, как куры, копающиеся в песке. Местами виднелся помет. Вот и первые деревья. Я уже вижу нескольких слонов, барахтающихся на земле. Другие стоят возле деревьев, держат в хоботе большие ветви и обмахиваются ими, как веерами, помахивая в то же время хвостом. Уши их приподняты подобно зонтикам. Иные мирно купаются в реке. Я бежал против ветра, и слоны не учуяли меня. Тревога поднялась только тогда, когда крайние слоны услышали мой топот. Что тут произошло! Слоны метались по берегу реки, отчаянно трубили. Вожак, вместо того, чтобы защищать тыл, первый побежал, бросился в воду и переплыл на другую сторону. Чадолюбивые мамы защищали своих детей, которые по росту мало

чем отличались от взрослых. Самкам же приходилось защищать тыл. Неужели мое появление так напугало слонов, или они в моем сумасшедшем беге почувствовали иную опасность, чем та, которая заставила бежать меня самого?

Я со всего размаха бросился в воду, переплыл реку прежде многих самок с их детенышами и постарался выбежать вперед, чтобы между мною и моими преследователями оказались туши слонов. Это, конечно, было уже эгоистично с моей стороны, но я видел, что и другие слоны, за исключением самок-матерей, поступали так же. Я слышал, как подбежали к реке пигмеи. Их пискливые голоса сливались с трубными звуками слонов. Там происходила какая-то трагедия, но я боялся обернуться назад и продолжал бежать по открытой равнине. Я так и не узнал, чем окончилось сражение у реки между карликами-людьми и великанами-животными.

Мы бежали много часов, не останавливаясь. Так как я был утомлен бегом, то едва поспевал за слонами, но я ни за что не хотел отставать от стада. Если только слоны примут меня в свою компанию, среди них я буду в относительной безопасности, так как они лучше меня знают местность и своих врагов.

XI. В слоновьем стаде

Наконец слон, бежавший впереди, остановился, а вслед за ним и остальные. Мы повернули головы назад. Нас никто не преследовал. Только два молодых слона, сопровождаемые своими матерями, бежали к нам!

На меня как будто никто не обратил внимания. Однако, когда прибыли последние отставшие и стадо понемногу успокоилось, ко мне начали подходить слоны, обнюхивать хоботом, осматривать, обходить кругом. Они о чем-то спрашивали меня, издавая тихое ворчание, а я не мог ответить им. Я даже не понимал, что означает это ворчание — неодобрение или удовольствие.

Больше всего я опасался вожака. Я знал, что «я» был вожаком стада, прежде чем Вагнер произвел операцию. Что, если я попал в то самое стадо и новый вожак начнет спорить со мной из-за власти? Признаюсь, я очень волновался, когда вожак, большой, сильный слон, подошел ко мне и как бы невзначай толкнул меня бивнем в бок. Я покорился. Он еще раз толкнул меня, как бы вызывая на бой. Но я не принимал боя и только отходил в сторону. Тогда слон свернул хобот, положил его в пасть и слегка придержал губами. Впоследствии я узнал, что слоны таким образом выражают смущение и удивление. Вожак был, очевидно, оза-

дачен моею покорностью и не знал, что делать. Но в то время я не знал языка слонов и, думая, что он таким образом приветствует меня, также положил хобот в пасть. Слон пискнул и отошел от меня.

Теперь я понимаю каждый звук, издаваемый слоном. Я знаю, что тихое ворчание, а также писк означают удовольствие. Страх выражается сильным ревом, внезапный испуг — коротким резким звуком. Именно таким резким звуком встретило стадо мое появление. В ярости, будучи ранены или озабочены, слоны издают глубокие горловые звуки. Один слон, оставшийся на берегу реки, так кричал во время нападения пигмеев. Быть может, он был смертельно ранен отравленными стрелами. А при нападении на врага слоны издают сильный визг. Я передал только основные «слова» слоновьего языка, выражающие главнейшие их чувства. Но эти «слова» имеют множество оттенков.

В первое время я очень боялся, как бы слоны не догадались, что я не настоящий слон, и не выбросили бы меня из стада. Быть может, они и чувствовали, что со мною что-то неладное, однако они оказались достаточно миролюбивыми. Они относились ко мне, как к дефективному переростку, у которого в голове не все в порядке, но который никому вреда не делает.

Жизнь моя протекала довольно однообразно. Путешествовали мы всегда гуськом. От десяти-

одиннадцать часов утра до трех дня отдыхали, потом опять начинали пастись. Ночью опять отдыхали по несколько часов. Некоторые слоны ложились, почти все дремали, а один сторожил.

Я не мог примириться с тем, что мне придется всю жизнь провести в слоновьем стаде. Я тосковал о людях. Пусть я имею вид слона, но я предпочитаю жить с людьми, спокойно, без тревог. И я охотно пошел бы к белым людям, если бы не боялся, что они убьют меня ради моих бивней. Признаюсь, я даже пытался сломать бивни, чтобы обесценить себя в глазах людей, но из этого ничего не вышло. Бивни были несокрушимы, или же я не умел ломать их. Так пробродил я со слонами более месяца.

Однажды мы паслись на открытом месте, среди необозримых саванн. Я стоял на страже. Ночь была звездная, безлунная. В стаде было сравнительно тихо. Я отошел несколько в сторону, чтобы лучше прислушиваться и принимать к запахам ночи. Но пахло только разнообразными травами да неопасными для нас мелкими пресмыкающимися и зверьками. И вдруг далеко-далеко, почти на горизонте, вспыхнул огонек. Погас, потом опять вспыхнул и разгорелся.

Прошло несколько минут, и слева от огонька вспыхнул второй, потом на некотором расстоянии третий, четвертый. Нет, это не охотники, расположившиеся на ночлег. Костры загорались

на равном расстоянии друг от друга, как будто по степи проложили улицу и зажгли фонари. В это же время по другую сторону от себя я заметил такие же вспыхивающие огни костров. Мы оказались между двумя огненными линиями. Скоро в одном конце этой дороги между двух линий огня затрещат, закричат загонщики, а в другом конце нас будут ждать ямы или же загоны — в зависимости от того, какую цель ставят охотники: овладеть нами живыми или мертвыми. В ямах мы поломаем себе ноги и будем годны только на убой, а в загонах нас ждет жизнь рабов. Слоны боятся огней. Они вообще трусливы. Когда их будит шум, они бросаются в ту сторону, где нет огня и шума, — там их ждет молчаливая западня или смерть.

Только один я из всего стада понимаю положение вещей. Но дает ли это мне какое-нибудь преимущество? Что мне делать? Идти на огни? Там меня встретят вооруженные люди. Быть может, мне удастся прорвать блокаду. Этот риск лучше, чем верная смерть или неволя. Но тогда мне придется расстаться со стадом и начать жизнь слона-отшельника. Рано или поздно я все равно погибну от пули, отравленной стрелы или клыков зверя...

Мне казалось, что я все еще колебался, но на самом деле я уже сделал выбор, потому что, сам того не замечая, я отходил в сторону,

чтобы разбуженное стадо, убегая, не увлекло меня водоворотом тел навстречу беде.

Вот уже кричат загонщики, бьют барабаны, трещат, свистят, стреляют. Я трублю глубоким трубным призывом. Слоны просыпаются и в испуге топчутся на месте, трубя изо всех сил. Стоит такой необычайный рев, что дрожит земля. Слоны осматриваются по сторонам, видят костры, которые как будто приближаются (их переносят все ближе и ближе), перестают реветь и бросаются в одну сторону, но там они слышат шум надвигающихся загонщиков. Стадо поворачивает и бежит в противоположную сторону... навстречу своей гибели. Правда, эта гибель еще не так близка. Охота продолжится несколько дней. Костры будут все больше сближаться, загонщики — подходить все ближе к слонам и гнать их вперед, пока, наконец, слоны не попадут в загоны или ямы.

Но я не иду со слонами. Я остаюсь один. Панический ужас, который охватил все стадо, передается моим слоновьим нервам, а от них — моему человеческому мозгу. Страх затемняет сознание. Я готов бежать вслед за стадом. Я призываю на помощь все свое мужество, всю свою волю. Так нет же! Мой человеческий мозг победит страх слона, победит эту огромную гору мяса, крови, костей, которая увлекает меня к гибели.

И я, как шофер, поворачиваю руль «грузо-

вика» и сворачиваю прямо в реку. Плеск, каскад брызг, тишина... Вода охладила мою кипящую слоновью кровь. Рассудок победил. Теперь я крепко держу «в руках» разума свои слоновьи ноги. Они покорно топчутся по илистому дну.

Я решил проделать штуку, которую не проделывают обыкновенные слоны: отсидеться в воде, погрузившись в нее, как гиппопотам. Постараюсь дышать только кончиком высунутого хобота. Пробую проделать это. Вода неприятно заливает уши и глаза. Время от времени я поднимаю голову и слушаю. Загонщики все ближе. Я опять погружаюсь в воду. Вот загонщики прошли мимо, не заметив меня.

С меня довольно непрерывных волнений и страха. Пусть будет что будет, но я не пойду к людям-охотникам. Я спущусь вниз по Конго и разыщу одну из факторий, которых немало расположено между Стенли-Пулем и Бомом. Я явлюсь на факторию или ферму и постараюсь показать мирным людям, что я не дикий слон, а дрессированный, и они не прогонят и не убьют меня.

ХII. На службе у браконьеров

Привести в исполнение этот план оказалось труднее, чем я предполагал. Я довольно скоро

разыскал главное русло Конго и отправился вниз по течению. Днем я пробирался вдоль берега, ночью плыл по течению. Мое путешествие протекало благополучно. На этом участке река судоходна, и дикие звери опасаются подходить близко к берегам. За все время моего путешествия вниз по реке — а оно длилось около месяца — я только раз слышал отдаленный рев льва, и однажды у меня произошло довольно неприятное столкновение, в буквальном и переносном смысле этого слова, с гиппопотамом. Это было ночью. Он сидел в реке, погруженный по самые ноздри. Я не заметил его и, плывя, наскочил на неуклюжее животное, как на айсберг. Гиппопотам погрузился в воду еще глубже и начал своей тупой мордой пренепрятно бить меня в брюхо. Я поспешил убраться в сторону. Гиппопотам выплыл, сердито фыркнул и погнался за мной. Но я успел уплыть от него.

Доплыл я благополучно до Лукунги, где увидел большую фабрику, судя по флагу — бельгийскую. Я вышел из леса рано утром и направился к дому, кивая головой. Однако этот маневр не помог мне. Два огромных дога с неистовым лаем начали бросаться на меня. Из дома вышел человек в белом костюме, увидел меня и быстро вбежал в дом. Несколько негров с криками пробежали по двору и также скрылись в доме. Потом... потом я услышал два

ружейных выстрела. Я не стал дожидаться третьего и принужден был повернуть к лесу и уйти.

Однажды я шел ночью по редкому унылому лесу. Таких лесов немало в Центральной Африке. Темная зелень, болотистая почва под ногами, черные стволы деревьев. Недавно прошел сильный дождь, а ночь была для экватора довольно прохладная, ветренная. Несмотря на толстую кожу, я, как и другие слоны, довольно чувствителен к сырости. В дождь и сырую погоду я не стою на месте, я двигаюсь, чтобы согреться.

Я шел ровным шагом уже несколько часов, как вдруг увидел перед собой огонь костра. Место было довольно дикое. Здесь не встречалось даже деревень чернокожих. Кто мог зажечь костер? Я пошел быстрее. Лес кончился, началась саванна с невысокой травой. Видимо, здесь не так давно был лесной пожар, и трава еще не успела вырасти. На расстоянии полукилометра от леса виднелся старый изодраный шатер. Возле него горел костер, а у костра сидели двое, по-видимому, европейцы. Один из них что-то помешивал в котелке, висящем над костром. Третий — явно туземец, полуголый красавец — стоял, как бронзовое изваяние, недалеко от костра.

Я медленно приближался к костру, не спуская глаз с людей. Когда они увидели меня, я

опустился на колени так, как это делают дрессированные слоны, подставляющие спины под поклажу. Небольшой человек в пробковом шлеме вдруг схватил ружье с явным намерением стрелять. Но туземец в тот же момент закричал на ломаном английском языке:

— Не надо! Это хороший, это домашний слон! — И побежал ко мне навстречу.

— Уйди в сторону! Иначе я сделаю дыру в твоем теле! Эй ты, как тебя зовут? — закричал белый, прицеливаясь.

— Мпепо, — ответил туземец, но не отошел от меня, а подбежал еще ближе, как бы желая своим телом защитить меня от выстрела.

— Видишь, бана *, ручной! — говорил он, поглаживая мой хобот.

— Прочь, обезьяна! — кричал человек с ружьем. — Стреляю! Раз, два...

— Подожди, Бакала, — сказал второй белый, высокий и худой. — Мпепо прав. Бивней у нас достаточно, а доставить их хотя бы только до Матади будет не легко и не дешево. Этот слон, видимо, ручной. Чей он и почему шляется по ночам, об этом мы не будем спрашивать. Он нам может оказаться очень полезным. Слон поднимает тонну, хотя с таким грузом он далеко не уйдет. Ну, допустим, полтонны. Проще говоря, один слон может заменить нам тридцать-сорок

* Б а н а — господин.

носильщиков, понимаешь? И он нам ровно ничего не будет стоить. А когда придет время и он не будет нам больше нужен, мы убьем его и прибавим его прекрасные бивни к нашей коллекции. Ясно?

Тот, которого называли Бакала, слушал нетерпеливо и несколько раз пытался стрелять. Но, когда собеседник подсчитал, во сколько обойдется им наем носильщиков, которых может заменить слон, то согласился на эти доводы и опустил ружье.

— Эй, ты! Как тебя зовут? — обратился он к туземцу.

— М...пепо, — ответил тот. Впоследствии я убедился, что Бакала всякий раз обращался к туземцу: «Эй, ты, как тебя зовут», а тот неизменно отвечал с маленькой остановкой на букве «М», как будто он сам с трудом выговаривал свое имя. «М...пепо».

— Иди сюда. Веди слона.

Я охотно повиновался жесту Мпепо, приглашавшего меня подойти ближе к костру.

— Как же мы его назовем? А? Трэмп * — самое подходящее для него название, как ты думаешь, Кокс?

Я посмотрел на Кокса. Он весь был какой-то сизый. В особенности меня поразил его нос, словно только что вынутый из лиловой краски.

* Т р а м п — бродяга (англ.).

На сизом теле была надета сизая рубашка, растегнутая на груди, с рукавами, засученными выше локтя. Кокс говорил сиплым и, как мне показалось, тоже сизым голосом, шепелявя и картавя. Этот глухой голос как будто выцвел, как и его рубашка.

— Ну что ж, — согласился он, — пускай будет Трэмп.

Около костра зашевелилось тряпье, и из-под него послышался чей-то очень слабый, но густой бас:

— Что случилось?

— Ты еще жив? А мы думали, что уже умер, — спокойно сказал Бакала, обращаясь к тряпью.

Тряпье зашевелилось сильнее, и из-под него вдруг показалась большая рука. Рука сбросила тряпье. Большой, хорошо сложенный человек поднялся и сел, подпираясь руками и покачиваясь. Его лицо было очень бледно. Рыжая борода всклокочена. Видно было, что белый человек — лицо его было бело как снег — болен. Тусклые глаза посмотрели на меня. Больной усмехнулся и сказал:

— К трем бродягам прибавился четвертый. Белая кожа — черная душа. Черная кожа — белая душа. Один честный, и тот бакуба! — больной бессильно упал навзничь.

— Бредит, — сказал Бакала.

— Что-то бред его обидный, — отозвался

Кокс. — Загадки загадывает. Один честный, да и тот бакуба. Ты понимаешь, что это значит? Ведь наш Мпепо из племени бакуба. В этом ты можешь удостовериться, посмотрев ему в зубы: у него, по обычаю бакуба, выбиты верхние резцы. Выходит, что он один честный, а мы жулики.

— И сам Броун в том числе. У него кожа белей, чем у нас; значит, и душа чернее, если уж на то пошло. Броун, ты тоже жулик?

Но Броун не отвечал.

— Опять без памяти.

— Тем лучше. И будет еще лучше, если он совсем не придет в себя. От него теперь мало пользы, а он связывает нас по рукам.

— Поправится — один двоих нас будет стоять.

— От этого тоже мало удовольствия. Неужели ты не понимаешь, что он лишний?..

Броун забормотал в бреду, и разговор умолк.

— Эй, ты, как тебя зовут?

— М...пепо.

— Привяжи слона за ноги к дереву, чтобы не сбежал.

— Нет, слон не уйдет, — ответил Мпепо, поглаживая мою ногу.

Наутро я лучше разглядел моих новых хозяев. Больше всех мне понравился Мпепо. Он всегда был весел и улыбался, обнажая белые зубы, несколько обезображенные отсутствием двух верхних резцов. Мпепо, видимо, любил

слонов и очень заботливо ухаживал за мной. Он промывал мне уши, глаза, ноги и складки кожи. Приносил мне угощение — каких-то вкусных плодов и ягод, которые разыскивал для меня.

Броун все еще болел, и я не мог составить о нем более или менее полного представления. Его лицо и его прямота, когда он говорил со своими спутниками, нравились мне. Но Бакала и Кокс мне решительно не нравились. Особенно странное и неприятное впечатление производил Бакала. На нем был грязный изорванный костюм из лучшего материала и самого лучшего покроя. Этот костюм мог принадлежать какому-нибудь очень богатому туристу. И мне казалось, что костюм и палатка достались Бакале преступным путем. Быть может, он убил какого-нибудь знатного англичанина-путешественника и ограбил его. Великолепное ружье также могло принадлежать этому англичанину. На широком поясе Бакала носил большой револьвер и нож устрашающих размеров. Бакала был не то португалец, не то испанец, человек без родины, семьи и определенных занятий.

Сизый Кокс был англичанин, не поладивший с законами своей страны. Все трое были браконьеры: они охотились на слонов ради слоновой кости, не считаясь ни с какими законами и границами.

Мпепе был их проводник и инструктор. Он,

несмотря на свою юность, был прекрасный знаток слонов и слоновьей охоты. Правда, его приемы ловли слонов были грубые, варварские. Но других он не знал. Он применял те способы, которым научился у отцов. А браконьерам было глубоко безразлично, каким способом истреблять слонов. Они окружали их кольцом костров и добивали полузадохшихся от дыма и опаленных, ловили в ямы с острыми кольями на дне, стреляли, подрезывали жилы на задней ноге, оглушали бревном, падавшим сверху, и потом добивали. Мпепо был очень полезен им.

XIII. Трэмп пошаливает

Однажды, когда Броун начал поправляться, но был еще слишком слаб, чтобы принимать участие в охоте, Кокс и Бакала отправились, сидя на моей спине, за несколько десятков километров за бивнями слона, убитого накануне. Их никто не слышал, а я был всего только вьючное животное, и потому они откровенно разговаривали между собой.

— Этой шоколадной обезьяне — как там ее зовут? — придется отвалить, по уговору, пятую часть добычи, — сказал Бакала.

— Жирно будет, — ответил Кокс.

— А остальное придется разделить на три

части: тебе, мне и Броуну. Если считать, что килограмм кости даст нам семьдесят пять — сто марок...

— Ни в коем случае столько не дадут. Ты в этом деле ничего не понимаешь. Есть так называемая мягкая, или мертвая, кость и твердая, или живая. Первая только называется мягкой, но на самом деле она очень плотная, белая и нежная. Из нее делаются бильярдные шары, клавиши, гребенки. Такая кость дорого ценится. Но у здешних слонов не такая кость. За мягкой костью надо ехать в Восточную Африку. Но там из твоих твердых костей сделают мягкие, прежде чем позволят убить хоть одного слона. А кость здешних слонов — твердая, живая, прозрачная. Из нее можно делать только какие-нибудь ручки для палок и зонтов да дешевые гребенки.

— И что же получается? — спросил хмуро Бакала. — Что мы работали впустую?

— Зачем впустую? Кое-что останется. Если вчетвером охотиться, а добычу поделить только пополам, то и совсем не плохо будет...

— Пусть меня слоны растопчут в лепешку, если я сам не думал о том же.

— Надо не думать, а делать. Броун не сегодня-завтра окончательно станет на ноги, и тогда с ним не справиться. Бычья сила у этого рыжего черта. А Мпепо верток, как обезьяна. Их надо враз уничтожить. Лучше ночью. И для

верности напоить. У нас еще осталось немного спирта. С них хватит.

— Когда?

— Приехали...

В огромной яме боком лежал слон. Несчастный напоролся брюхом на острый кол еще три дня тому назад, но до сих пор был жив. Бакала пристрелил его, спустился в яму вместе с Коксом и начал вырубать бивни. Они проработали почти весь день. Солнце уже склонялось к заходу. Привязав бивни веревками к моей спине, они отправились в обратный путь.

Уже палатка была видна, когда Кокс сказал, как бы продолжая прерванный разговор:

— И нечего откладывать. Сегодня ночью.

Но их ждало разочарование. К своему удивлению, Броуна они не застали в лагере. Мпепо объяснил, что «бана» почувствовал себя настолько хорошо, что пошел на охоту и, может быть, на ночь не вернется. Бакала тихо выругался. Пришлось отложить убийство до другого раза.

Броун вернулся только под утро, когда Кокс и Бакала спали. Он подошел к Мпепо, тронул его за плечо. Туземец, стоявший на часах, весело улыбнулся, оскалив зубы. Броун махнул рукой и подвел юношу к слону, приказывая садиться. Мпепо сделал мне знак рукой, я склонил колени, они взобрались на спину, и я повез их вдоль опушки леса.

— Я хочу сделать им подарок. Они думают, что я болен, а я совсем здоров. Сегодня ночью мне удалось убить слона — большого слона с великолепными бивнями. Ты поможешь мне обрубить их. То-то удивятся Бакала и Кокс!

При свете восходящего солнца на берегу реки, среди зарослей кофейных кустарников, я увидел огромную раздутую тушу слона, лежащую на боку.

Покончив с бивнями, мы отправились назад — навстречу нашей гибели. Броун и Мпепе были обречены на более скорую смерть, я несколько позже должен был разделить их участь. Впрочем, я всегда мог убежать от людей. Но я не делал этого, так как непосредственной опасности мне не угрожало, и я хотел, если удастся, спасти от смерти Броуна и Мпепе. Мне было особенно жалко Мпепе — этого жизнерадостного юношу с телом Аполлона. Но как предупредить их? Увы, я не имел возможности рассказать им об угрожающей опасности... А что, если я откажусь нести их в лагерь?

Я вдруг круто повернул с дороги и направился в ту сторону, где протекала Конго. Мне казалось, что на реке они могут встретить людей и Броун сможет вернуться в культурные страны. Но он не мог понять моего упорства и начал очень больно ударять заостренной железной палочкой мне в шею. Острие прокалывало мне кожу. А моя кожа очень чувстви-

тельна и подвержена загноению. Я помнил, как долго не заживала ранка, причиненная пулей англичанина, охотившегося на меня с лодки. Я слышал, как Мпепу просил Броуна не колоть мне шею, но Броун был взбешен моим непослушанием и колот все сильнее, все глубже.

Мпепу пробовал уговаривать меня самыми ласковыми словами на своем языке. Я не понимал слов, но интонации голоса понятны одинаково всем людям и животным. Мпепу нагнулся и поцеловал меня в шею. Бедный Мпепу! Если бы он знал, о чем просит меня!..

— Убить его, и больше ничего! — сказал Броун. — Если Трэмп не хочет везти, то он больше ни на что не нужен, как только на то, чтобы обрубить его клыки. Порченный слон! Настоящий «трэмп». Ушел от одних хозяев, теперь хочет удрать от нас. Но это ему не удастся. Я сейчас всажу ему пулю между глазом и ухом.

Я затрепетал, когда услышал эти слова. Броун, охотник на слонов, не промахнется, сидя на слоне... Погибнуть самому или предать их на верную смерть? Я слышал, как Мпепу умолял Броуна пощадить меня. Но англичанин был непреклонен. Он уже снимал ружье с плеча.

В самый последний момент я неожиданно повернул к лагерю. Броун рассмеялся.

— Можно подумать, что слон понимает человеческий язык и знает, что я хотел сделать, — сказал он.

Я покорно прошел несколько шагов, потом вдруг схватил хоботом Броуна, стащил его со спины, бросил на землю и быстро побежал к лесу вместе с Мпепо. Броун кричал и ругался. Он ушибся не сильно, однако после болезни был еще слаб и не сразу мог подняться на ноги. Я воспользовался этим и добежал до леса. «Если нельзя спасти обоих — думал я, — то спасу по крайней мере Мпепо». Но и туземец не хотел расставаться с лагерем. Недаром он несколько месяцев охотился на слонов, рискуя жизнью. Теперь он должен был получить награду. Мне надо было попридержать Мпепо хоботом; я не догадался сделать этого, думая, что он не решится прыгать с высоты моей спины. Но юноша, ловкий, как обезьяна, поступил иначе: когда я шел вблизи леса, он ухватился за ветки и вскочил на сук. Я не мог достать Мпепо и стоял у дерева, пока не услышал запаха подкрадывающегося ко мне сзади Броуна. Тогда я, не ожидая, пока Броун начнет стрелять, побежал в лесную чащу.

Они ушли. Но я не хотел предоставлять этих людей их судьбе. И, подождав немного, отправился в путь. Я обошел стороной и прибыл в лагерь раньше их. Кокс и Бакала очень удивились, увидав меня без всадников, но с хорошими бивнями на спине.

— Неужели слоны или дикие звери помогли

нам отделаться от Броуна и Мпепо? — сказал Кокс, развязывая веревки.

Однако радость их была преждевременна. Скоро явились ругающийся Броун и Мпепо. Броун, увидав меня, разразился новым потоком проклятий и ругательств. Он рассказал своим товарищам, какую шутку я проделал с ними, и убеждал их тотчас прикончить меня. Но расчетливый Кокс был против и вновь начал делать свои выкладки. Кокс и Бакала уверяли, что они очень рады выздоровлению и возвращению Броуна, да еще с парой прекрасных бивней.

XIV. Четыре трупа и слоновая кость

Спать улеглись рано. Мпепо в эту ночь не дежурил и уснул сном младенца. Крепко уснул и уставший Броун. Кокс стоял на страже, а Бакала ворочался под одеялом, но, видимо, не спал. Несколько раз Бакала приподнимал голову, вопросительно поглядывая на Кокса, но тот отрицательно тряс головой: «рано».

Ущербленная луна показалась из-за леса, осветив поляну тусклым сиянием. Где-то в лесу жалобно закричал, как младенец, какой-то зверек, попав в зубы хищнику. Броуна не разбудил этот звук, — значит, спит крепко. Кокс кивнул головой утвердительно. И Бакала, который

следил за каждым жестом Кокса, тотчас встал и заложил руку за спину, очевидно вытаскивая из заднего кармана револьвер. Я решил, что надо начинать действовать. Я проделал штуку, к которой обыкновенно прибегают индийские слоны, желая напугать врага: они плотно прижимают отверстие хобота к земле и начинают сильно дуть. Получается странный, пугающий звук: треск, бульканье, храпенье. Этот звук мог бы разбудить мертвых. А Броун не был мертв.

— Какой черт тут играет на тромбоне? — сказал он, поднимая голову и тараща сонные глаза. Бакала присел на корточки.

— Ты что, танцуешь? — спросил Броун.

— Я... слон, проклятый, разбудил меня! Пшел прочь!

Но я не уходил, и через некоторое время, когда Броун опять погрузился в сон, повторил свой фокус. Кокс уже подходил к Броуну с револьвером в руке, когда я затрубил что было мочи. Броун вскочил, подбежал ко мне и предельно ударил меня ребром ладони по кончику хобота. Я быстро свернул хобот и отошел.

— Убью, проклятое животное! — крикнул он. — Это не слон, а дьявол какой-то. Мпепо! Гони слона отсюда в болото!.. Зачем у тебя револьвер в руках? — вдруг спросил Броун, подозрительно осматривая Кокса.

— Я хотел пальнуть разок-другой в Трэмпа, чтобы он убрался подальше.

Броун уже свалился на землю и начинал засыпать. Я отошел на несколько шагов, продолжая наблюдать за лагерем.

— Проклятый слон! — слышал я, как шипит Кокс, грозя мне кулаком.

— Он чует зверя, — ответил Мпепе. Юноша хотел оправдать мои поступки, не подозревая, как он близок от истины. Да, я ревел потому, что чуял зверей — двуногих беспощадных зверей.

Уже совсем под утро Кокс кивнул головой Бакале. Они быстро подбежали: Кокс к спящему Броуну, Бакала — к Мпепе, и оба одновременно выстрелили. Мпепе вскрикнул жалобно и пронзительно, как тот зверек, который кричал в начале ночи, поднялся, встряхнулся, упал и начал быстро-быстро подергивать ногами, а Броун не издал ни единого звука. Все произошло так быстро, что я не успел предупредить несчастных...

Однако Броун был еще жив. Он вдруг поднялся, оперся на локоть правой руки и выстрелил в Кокса, склонившегося над ним. Тот упал как подкошенный. Прикрываясь его трупом, Броун начал стрелять в Бакалу. Бакала закричал:

— А-а! Рыжий обманщик! — Выстрелил один раз и пустился бежать. Но, сделав несколько шагов, Бакала вдруг завертелся на одном месте, как это бывает с людьми, когда пуля попадет им в голову, и упал на землю. Броун

тяжело вздохнул и откинулся навзничь. Острый запах крови стоял над поляной. Все смолкло. Только хрипел Броун. Я подошел к нему и посмотрел в лицо. Глаза его уже были мутны. Но он сделал еще одно судорожное движение и еще раз выстрелил. Пуля легко оцарапала мне кожу у колена правой передней ноги.

XV. Удачный маневр

Наконец-то — это было в Матади — мне посчастливилось. Был вечер. Солнце спускалось за вершины гор, отделяющих бассейн Конго от океана. Я шел по лесу недалеко от реки, предаваясь грустным размышлениям. Я уже начал сожалеть, что не побежал вместе со стадом в загон. Теперь я не ходил бы изгнанником: или окончились бы все мои земные страдания, или же я превратился бы в честного рабочего слона. Направо от меня, сквозь чашу прибрежного леса, в лучах заходящего солнца горела рубинами река. Налево росли испюлинские каучуковые деревья с надрезами на коре. Судя по этим надрезам, здесь близко должны быть люди.

Я прошел еще несколько сот метров и вышел на обработанные поля, где росли маниока, просо, бананы, ананасы, сахарный тростник и табак. Осторожно ступая, я прошел по меже

между сахарным тростником и табачным полем. Межа привела меня к большой поляне с домом посредине. Около дома никого не было видно, а на поляне недалеко от меня резвились дети: мальчик и девочка семи-деяти лет, игравшие в серсо.

Я вышел на поляну, не замеченный ими, и вдруг, поднявшись на задние ноги, пискнул как можно смешнее и заплясал. Дети увидали меня и замерли от удивления. А я, радуясь, что они не заплакали и не убежали в первую минуту, проделывал такие забавные штуки, которые, вероятно, и не снились дрессированному цирковому слону. Мальчик первый пришел в восторг и начал хохотать. Девочка захлопала в ладоши. Я танцевал, кувыркался, становился то на передние, то на задние ноги, делал курбеты.

Дети все больше смелели и подходили ко мне. Наконец я осторожно протянул хобот и предложил мальчику сесть на него и покачаться. Мальчик после некоторого колебания решился и, усевшись на конец согнутого хобота, начал качаться. Вслед за этим я покачал и девочку. Признаюсь, я так был рад обществу этих веселых маленьких белых людей, что сам увлекся игрою и не заметил, как к нам подошел высокий худой мужчина с желтоватым лицом и впалыми глазами, говорившими о том, что он перенес не так давно приступ тропической лихорадки. Он смотрел на нас с неопишущим

изумлением я, казалось, онемел. Наконец его увидали и дети.

— Папа! — крикнул мальчик по-английски. — Смотри, какой у нас хойти-тойти!

— Хойти-тойти?! — повторил отец глухим голосом. Он стоял, опустив руки, и решительно не знал, что делать. А я начал любезно раскланиваться с ним и даже... опустил перед ним на колени. Англичанин улыбнулся и потрепал меня по хоботу.

«Победа! Победа!» — ликовал я...»

* * *

На этом и кончается повествование слона. В сущности говоря, на этом можно окончить и его историю, так как дальнейшая участь Хойти-Тойти не представляет особого интереса. Слон, Вагнер и Денисов совершили хорошую прогулку в Швейцарию. Слон, удивляя туристов, гулял в окрестностях Вэвэ, где в прежнее время любил бывать Ринг. Иногда слон купался в Женевском озере. К сожалению, в тот год рано похолодало, и нашим туристам пришлось вернуться в Берлин в специальном товарном вагоне.

Хойти-Тойти продолжает работать в цирке Буша, честно зарабатывая свой ежедневный трехсотшестидесятипятикилограммовый паек и

удивляя не только берлинцев, но и многих иностранцев, специально приезжающих в Берлин посмотреть на «гениального слона». Ученые все еще спорят о причинах этой гениальности. Одни говорят — «фокус», другие — «условные рефлексy», третьи — «массовый гипноз».

За слонем ухаживает Юнг, чрезвычайно вежливый и предупредительный. Юнг в глубине души побаивается Хойти-Тойти и подозревает, что тут не без чертовщины. Сами посудите: слон каждый день читает газету, а однажды вытащил из кармана Юнга коробку с двумя колодами карт для пасьянса — и что же? — когда Юнг пришел невзначай к слону, то застал его за раскладыванием пасьянса на днище большой бочки. Юнг никому не рассказал об этом случае: он не хочет, чтобы его считали лгуном.

* * *

Написано по материалам Акима Ивановича Денисова. И. С. Вагнер, прочитав эту рукопись, написал:

«Все это было. Прошу не переводить этого материала на немецкий язык. Тайна Ринга должна быть сохранена по крайней мере для окружающих».

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

— По всему видно, что Вироваль — знаменитый врач.

— Приходится согласиться, если это видно даже абсолютно слепым.

— Откуда вы знаете, что я абсолютно слепой?

— Меня не обманут ваши ясные голубые глаза. Они неподвижны, как у куклы. — И, тихо рассмеявшись, собеседник добавил: — Между прочим, я вертел пальцем перед самым вашим носом, а вы даже глазом не моргнули.

— Очень любезно с вашей стороны, — горько усмехнулся слепой и нервно пригладил свои и без того причесанные каштановые волосы. — Да, я слепой и сказал «по всему видно» по старой привычке. Но богатство и славу можно воспринимать не только зрением. Лучший квар-

тал города. Собственный дом-особняк. Запах роз у входа. Широкая лестница. Швейцар. Аромат дорогих духов в вестибюле. Лакеи, камеристки, секретари. Фиксированная высокая плата за визит. Предварительный осмотр ассистентами. Мягкие ковры под ногами, обитые дорогим шелком кресла, благородный запах в этой приемной...

— Замечательная психическая подготовка, — негромко заметил собеседник, сморщив в иронической улыбке свое желтое лицо. Он бегло осмотрел роскошную приемную Вироваля, как бы проверяя ощущения слепого. Все кресла были заняты больными, многие из которых носили темные очки или повязки на глазах. На лицах пациентов — ожидание, тревога, надежда...

— Ведь вы недавно потеряли зрение. Как это произошло? — обратился он снова к слепому.

— Почему вы думаете, что недавно? — удивленно поднял брови слепой.

— У слепых от рождения иные повадки. У вас, по-видимому, поражены зрительные нервы. Быть может, некроз нерва, как последствие весьма неприятной болезни, которую не принято называть...

Щеки, лоб и даже подбородок слепого порозовели, брови нахмурились.

— Ничего подобного, — быстро, с негодованием в голосе заговорил он, не поворачивая головы к собеседнику. — Я электромонтер. Рабо-

тая в одной из экспериментальных лабораторий Всеобщей компании электричества по монтажу новых ламп, излучающих ультрафиолетовые лучи....

— Остальное понятно. Я так и думал. Отлично! — собеседник потер руки, наклонился к слепому и зашептал ему на ухо: — Бросьте вы этого шарлатана Вироваля. С таким же успехом вы могли бы обратиться за врачебной помощью к чистильщику сапог. Вироваль будет морочить вам голову, пока не вытянет из вашего кошелька последнюю монету, а потом заявит, что сделал все возможное, и по-своему будет прав, так как ни одной монеты больше из вас уже не извлечет ни один специалист. У вас много денег? На что вы живете?

— Вы, вероятно, считаете меня простаком, — сказал слепой с гримасой отвращения. — Но даже и слепой простак видит вас насквозь. Вы агент какого-нибудь другого врача.

Собеседник беззвучно рассмеялся, собрав в морщины свое лицо.

— Вы угадали. Я агент одного врача. Моя фамилия Крусс.

— А фамилия врача?

— Тоже Крусс!

— Однофамилец?

— И даже больше, — хихикнул Крусс. — Я агент самого себя. Доктор Крусс к вашим услугам. Разрешите узнать вашу фамилию?

Слепой помолчал, затем неохотно ответил:

— Доббель.

— Очень приятно познакомиться... — Крусс дружески тронул слепого за локоть. — Я знаю, что вы обо мне думаете, господин Доббель. В этом городе торгашей и спекулянтов тысячи врачей отбивают друг у друга пациентов, прибегая к самым грязным средствам, уловкам и обманам. Но, кажется, еще ни один врач не унижал себя настолько, чтобы лично ходить по приемным других врачей, обливать конкурентов грязью и вербовать себе пациентов. Признавайтесь, что именно такие мысли приходят вам в голову, господин Доббель.

— Допустим, — сухо сказал слепой. — И что же дальше?

— А дальше я имею честь сообщить, что вы ошибаетесь, господин Доббель.

— Едва ли вам удастся переубедить меня, — возразил слепой.

— Посмотрим! — живо воскликнул Крусс и продолжал вполголоса: — Посмотрим. Я приведу вам аргумент, против которого вы не устоите. Слушайте. Я доктор совершенно особого рода. Я не беру денег за лечение. Больше того, я содержу пациентов на свой счет.

Веки слепого дрогнули.

— Благотворительность? — тихо спросил он.

— Не совсем, — ответил Крусс. — Я буду с вами откровенен, господин Доббель, надеясь,

что и вы подарите меня своей откровенностью. Скоро ваша очередь, буду краток... Родители оставили мне приличное состояние, и я могу позволить себе роскошь заниматься научными исследованиями по своему вкусу у себя на дому, где содержу небольшую клинику и имею хорошо оборудованную лабораторию. Меня интересуют такие больные, как вы...

— Что же вы хотите мне предложить? — нетерпеливо перебил Доббель.

— Сейчас ничего, — усмехнулся Красс. — Мое время наступит, когда вы отдадите Вировалю последнюю монету. Однако мне нужно узнать, каковы ваши сбережения. Поверьте, я не посягаю на них...

Доббель вздохнул:

— Увы, они невелики. Случай с моим ослеплением стал известен: о нем писали в газетах. Компания, чтобы скорее погасить шум вокруг этого дела, принуждена была уплатить мне сумму, которая обеспечивала меня на год. И это была большая удача. В наше время даже совершенно здоровые рабочие не могут считать себя обеспеченными на год.

— И на сколько времени у вас еще осталось средств?

— Месяца на четыре.

— А дальше?

Доббель пожал плечами.

— Я не привык заглядывать в будущее.

— Да, да, вы правы, заглядывать в будущее становится все труднее и для зрячих, — подхватил Красс. — Четыре месяца. Гм... Доктор Вироваль, надо полагать, значительно сократит этот срок. И у вас тогда не будет денег не только для лечения, но и для жизни. Великолепно! Почему бы вам тогда не прийти ко мне?

Доббель не успел ответить.

— Номер сорок восьмой! — объявила медицинская сестра в белой накрахмаленной козынке.

Слепой поспешно поднялся. Сестра подошла к нему, взяла за руку и увела в кабинет. Красс начал рассматривать иллюстрированные журналы, лежащие на круглом лакированном столике.

Через несколько минут Доббель с радостно-взволнованным лицом вышел из кабинета. Красс подбежал к нему.

— Позвольте мне довести вас на своей машине. Ну как? Вироваль, конечно, обещал вам вернуть зрение?

— Да, — ответил Доббель.

— Ну, разумеется. Иначе и быть не могло, — захихикал Красс. — С его помощью вы, конечно, прозреете... в некотором роде. Вы спрашивали, что я могу обещать вам. Это будет зависеть от вас. Возможно, впоследствии я приложу все усилия, чтобы вернуть вам зрение полностью. Но сначала вы должны будете оказать мне одну

услугу... О, не пугайтесь. Небольшой научный эксперимент, в результате которого вы, во всяком случае, выйдете из мрака слепоты...

— Что это значит? Я буду отличать свет от тьмы? А Вироваль обещает вернуть мне зрение полностью.

— Ну вот! Я же знал, что сейчас говорить с вами на эту тему преждевременно. Мой час еще не пришел.

Когда они подъехали к дому, где квартировал Доббель, Красс сказал:

— Теперь я знаю, где вы живете. Разрешите вручить вам свою визитную карточку с адресом. Месяца через три надеюсь видеть вас у себя.

— Я также надеюсь видеть вас, видеть собственными глазами, хотя бы для того, чтобы доказать вам, что Вироваль...

— Не обманщик, а чудотворец? — засмеялся Красс, захлопывая дверцу автомобиля. — Посмотрим, посмотрим!

Ничего не ответив, слепой уверенно перешел тротуар и скрылся в подъезде.

* * *

И вот Доббель снова сидит на мягком сиденье автомобиля. Денег осталось ровно столько, чтобы оплатить такси. Звонки трамваев, шум толпы

затихли вдали. На коже ощущение тепла и как бы легкого давления солнечных лучей. На этой тихой улице, очевидно, нет высоких домов, которые заслоняли бы солнце. Запахло молодой зеленью, землей, весной. Доббель представил себе коттеджи, виллы, окруженные садами и цветниками. Тишину изредка нарушает только шелест автомобильных шин по асфальту. Машины принадлежат, вероятно, собственникам особняков. Крусс должен быть действительно богатым человеком, если он живет на этой улице.

Шофер затормозил, машина остановилась.

— Приехали? — спросил Доббель.

— Да, — ответил шофер. — Я провожу вас к дому.

Запахло цветами. Под ногами закрипел песок.

— Осторожнее. Лестница, — предупредил шофер.

— Благодарю вас. Теперь я дойду сам.

Доббель расплатился с шофером, поднялся на лестницу, тронул дверь — она была не закрыта — и вошел в прохладный вестибюль.

— Вы к доктору Круссу? — послышался женский голос.

— Да. Прошу ему передать, что пришел Доббель. Он знает...

Теплая маленькая рука прикоснулась к руке Доббеля.

— Я провожу вас в гостиную.

По смене запахов и температуры — то теплой, то прохладной, по изменению отраженных от стен звуков Доббель догадывался, что спутница ведет его из комнаты в комнату — большие и малые, освещенные солнцем и погруженные в тень, заставленные мебелью и пустые. Станный дом и странный порядок водить пациентов по всем комнатам.

Чуть скрипнула дверь, и знакомый голос Крусса произнес:

— О, кого я вижу! Господин Доббель. Можете идти, Ирен.

Маленькую теплую руку сменила холодная, сухая рука Крусса. Еще несколько шагов, и Доббель почувствовал сильный смешанный запах лекарства. Звенели стекла, фарфор, сталь. Вероятно, кто-то убирал медицинские инструменты и посуду.

— Ну, вот вы и у меня, господин Доббель, — весело говорил Крусс. — Садитесь вот сюда в кресло... Однако сколько мы с вами не виделись? Если не ошибаюсь, два месяца. Позвольте, совершенно верно. Мой почтенный коллега доктор Вироваль обчистил ваши карманы даже раньше предсказанного мною срока. Видите ли вы меня — об этом, полагаю, спрашивать не нужно.

Доббель стоял, опустив голову.

— Ну, ну, старина, не вешайте носа, — Крусс

трескуче рассмеялся. — Вы не пожалеете, что пришли ко мне.

— Что же вы хотите от меня? — спросил Доббель.

— Буду говорить совершенно откровенно, — отвечал Красс. — Я искал такого человека, как вы. Да, я возьмусь бесплатно лечить вас и даже содержать на свой счет. Я употреблю все усилия, чтобы по истечении срока нашего договора полностью вернуть вам зрение...

— Какого договора? — с недоумением воскликнул Доббель.

— Разумеется, мы заключим с вами письменный договор, — хихикнул Красс. — Должен же я обеспечить свою выгоду... У меня есть одно изобретение, которое мне необходимо проверить. Предстоит операция, связанная с известным риском для вас. Если опыт удастся, то вы, временно оставаясь слепым, увидите вещи, которых не видел еще ни один человек на свете. А затем, зарегистрировав свое открытие, я обязуюсь сделать все от меня зависящее, чтобы вернуть вам нормальное зрение.

— Вы полагаете, что мне остается только согласиться?

— Совершенно верно, господин Доббель. Ваше положение безвыходно. Куда вам от меня идти? На улицу с протянутой рукой?

— Но объясните же мне по крайней мере,

что произойдет со мною после операции? — раздраженно воскликнул слепой.

— О, если опыт удастся, то... Я думаю, я уверен, что после операции вы сможете видеть электрический ток, магнитные поля, радиоволны — словом, всякое движение электронов. Невероятные вещи! Каким образом? Очень просто.

И, расхаживая по комнате, Крусс тоном лектора продолжал:

— Вы знаете, что каждый орган реагирует на внешние раздражения присущим ему, специфическим образом. Ударяйте легонько по ушам, и вы услышите шум. Попробуйте ударить или надавить на глазное яблоко, и вы получите уже световое ощущение. У вас, как говорят, искры из глаз посыплются. Таким образом орган зрения отвечает световыми ощущениями не только на световое раздражение, но и на механическое, термическое, электрическое.

Я сконструировал очень маленький аппарат — электроноскоп, нечто вроде панцирного гальваноскопа высочайшей чувствительности. Провода электроноскопа — тончайшие серебряные проволоки — присоединяются к зрительному нерву или зрительному центру в головном мозгу. И на ток, который появится в моем аппарате-электроноскопе, зрительный нерв или центр должен реагировать световым ощущением. Все это просто.

Трудность заключается в том, чтобы мертвый

механизм электроноскопа приключить к системе живого зрительного органа и чтобы вы могли световые ощущения проецировать в пространстве. По всей вероятности, ваш зрительный нерв не поражен на всем протяжении. Не легко будет найти наилучшую точку контакта. Впрочем, к операции мы прибегнем лишь в крайнем случае. Ведь электрический ток может добраться до зрительного нерва и по смежным нервам, мышцам, сосудам. Вот основное. Подробности я вам объясню, если вы решите...

— Я уже решил, — ответил Доббель, махнув рукой. — В жизни мне нечего терять. Экспериментируйте как хотите. Можете даже продолжить мне череп, если потребуется.

— Ну что же, отлично. У вас теперь по крайней мере есть цель жизни. Видеть то, чего еще не видел ни один человек в мире! Это не всякому выпадает на долю.

— А уж на вашу долю в связи с этим, наверное, тоже кое-что перепадет! — язвительно сказал Доббель.

— Выгодная реклама, не больше, которая поможет мне отбить у Вироваля всех его пациентов, — с самодовольным смехом ответил Крусс.

* * *

— Темнота. Черная как сажа и глубокая как бездна, впрочем, я лгу: полная темнота не имеет пространственного измерения. Я не представ-

ляю, простираются ли передо мною тысячи кубических километров или сантиметры темноты, нахожусь ли я в пустоте или же со всех сторон меня окружают предметы. Они для меня не существуют, пока я не дотронусь до них или не расшибу себе лба...

Доббель замолчал.

Он лежал на кровати в большой белой комнате. Голова его и глаза были забинтованы. Красс сидел в кресле возле кровати и курил сигару.

— Скажите, доктор, почему вы так тяжело дышите? — спросил Доббель.

— Не знаю. Наверно, сердечко шалит. От волнения... Да, я волнуюсь, господин Доббель. Волнуюсь, наверно, больше вашего... Почему так долго ничего...

— Послушайте! — вдруг воскликнул Доббель и приподнялся на кровати.

— Лежите, лежите! — поспешил Красс уложить голову Доббеля на подушку.

— Послушайте! Мне кажется... я вижу...

— Наконец-то! — свистящим шепотом произнес Красс. — Что же вы видите?

— Я вижу... — взволнованно ответил Доббель, — мне кажется... если это только не зрительная галлюцинация... Бывают зрительные галлюцинации у слепых?

— Да ну же, ну, что вы видите? — вскричал Красс, ерзая в кресле.

Но Доббель замолчал. Его лицо было бледным и таким сосредоточенным, словно он к чему-то прислушивался. Красс поднялся, осторожно ступая, дошел до двери и нажал кнопку электрического звонка. Когда появилась санитарка в белом халате, Красс приказал тихо, как бы боясь нарушить грезы Доббеля:

— Скорее... нитроглицерин... у меня сердечный припадок.

— Доктор! Господин Красс! Да, да, я вижу... тьма ожила! — заговорил Доббель, как в бреду. — Проходят какие-то сгущения светового тумана...

— Какого цвета? — взвизгнул Красс, хрипло дыша.

— Свет белый... хотя на фоне мрака кажется чуть-чуть голубоватым... Световые пятна приходят и уходят ритмически, как волны...

— Волны! — хрипел Красс. — Проклятье! Недостает только, чтобы я умер именно сейчас. Давайте! Скорей давайте! — обратился он к вошедшей санитарке, жадно выпил лекарство, опустил веки и откинулся на спинку кресла. Хрипы становились все реже и тише.

— Прохождения световой материи бывают то короче, то длиннее, — говорил Доббель о своих видениях.

— Быть может, это работает радиотелеграф? — высказал предположение Красс. — Ну

вот, мне лучше. Мне значительно лучше. Я вас слушаю!

— Удивительно. Передо мною словно проявляется фотографическая пластинка. Я вижу больше света... Пятна, точки, дуги, кольца, волны, узкие, трепещущие лучи пересекают, пронизывают друг друга, сливаются, расходятся, переливаются... Световая сетка, узоры... Как трудно разобраться во всем этом!

— Замечательно! Бесподобно! — восхищался Красс удачными результатами своего опыта. — Вам трудно разобраться потому, что вы еще не приспособились регулировать аппарат и не можете выделять токи различной силы. Не мудрено, ведь вы находитесь как бы в световом хаосе. Но вы быстро овладеете регулятором и сможете выделять токи от слабых до сильных любого напряжения. Да не жалеете же слов, дружище! Что вы видите еще?

— Нет больше темноты, — продолжал Доббель. — Пространство полно света. Свет разной силы и — да, да! — разной окраски — голубой, красноватый, зеленоватый, фиолетовый, синий... Вот с левой стороны вспыхнуло световое пятно величиною с яблоко. От него исходят голубоватые лучи, как от маленького солнца...

— Что такое? — воскликнул Красс, вскакивая с кресла. — Вы видите? Не может быть! Ведь это луч солнца из окна упал и осветил полиро-

ванный шарик на ручке двери. Но не можете же вы видеть этот шарик!

— Я не вижу шарика. Я вижу только световое пятнышко и голубоватые лучи, исходящие от него.

— Но как? Почему? Какие лучи?

— Мне кажется, я нашел разгадку, господин Крусс. Энергия солнечного луча, осветившего шарик, начала вырывать с металлической поверхности шарика электроны.

— Да, да, да, да! Вы правы. Вы совершенно правы. Как только я сразу не догадался! А ну-ка, сделаем такой опыт. Вы, конечно, не видите, где находятся провода электрической лампы? Так. Теперь я включаю свет. Электрический ток двинулся, и...

— И я увидел электрический провод. Светящаяся линия проходит по потолку, — Доббель указывал пальцем, Крусс утвердительно кивал головой, — по стене... а вон там, в углу, происходит утечка тока. Вам придется пригласить монтера... Дальше провод проходит через ряд комнат, спускается в первый этаж, выходит на улицу... Я вижу и горящую электрическую лампу. Вот она. Только я вижу не свет, а токи электронов от накалированного волоска...

— Термионная эмиссия, или эффект Эдисона, — кивнул головой Крусс.

— А знаете что, господин Крусс? — весело сказал Доббель. — Я вижу кое-что и более ин-

тересное, чем эффект Эдисона в горящей лампочке. Вижу, даже не поворачивая головы. Будьте добры, подойдите к моей кровати. Так. Здесь ваша голова? А здесь ваше сердце?

— Совершенно верно... Гром и молния! Неужели вы... неужели вы видите электротоки, излучаемые моим мозгом и сердцем? Хотя что же тут удивительного? Ведь в каждой клетке нашего организма происходят сложные химические процессы, сопровождаемые электрическими явлениями. Но сердце и в особенности мозг — это настоящие генераторы.

— От вашей головы исходит мягкий лиловый свет. Он усиливается, когда вы усиленно думаете. А когда волнуетесь, разгорается пламенем ваше сердце, — сказал Доббель.

— Вы клад, Доббель! Вы золото! Вы незаменимый для науки человек! Ведь гальванометр не может рассказать всего, как вы! Я горжусь собою... и вами, Доббель. Сегодня вечером мы покатаемся с вами по городу в автомобиле, и вы расскажете мне о ваших видениях!

* * *

Перед Доббелем открылся новый мир. Тот вечер, когда Крусс катал его по городу в авто, навсегда остался в памяти Доббеля. Этот пер-

вый вечер был совершенно волшебным, фантастическим.

Доббель видел свет всюду, где только имелся электрический ток, а где нет электричества в большом городе! Доббель видел вспышки высокого напряжения, которые дает магнето автомобильного двигателя. Моторы трамваев катились по улицам, как китайские колеса фейерверков, отбрасывая от себя снопы искр — электронов. Словно расплавленные канаты, висели вдоль улиц трамвайные провода. Вокруг них были такие мощные магнитные поля, что светом наполнялась вся улица. Доббель видел, вернее угадывал, как свет — ток от воздушного токонесущего провода — бежал по бугелю под крышу вагона к контроллеру на передней площадке, затем под пол — в железную раму вагона, в ось, в колеса, в рельсы, в подземный кабель. Многочисленные кабели ярко светились под землей. Кое-где они были неисправны, и Доббель отчетливо видел уходящие в землю голубоватые ветвистые ручейки — утечка тока. А позади себя, далеко на окраине города, он видел зарево и целые каскады огня. Там была расположена одна из многих городских электростанций с ее мощными альтернаторами. Они-то и излучали эти огненные каскады.

Любопытно было смотреть на многоэтажные дома. Доббель не видел стен. Он видел только ярко светящуюся сложную решетку проводов

электрического освещения и более слабый свет телефонных проводов, как бы светящийся скелет небоскребов. По этим скелетам Доббель узнавал отдельные здания города. Там и сям в домах виднелись косматые световые пятна — моторы.

Все пространство было наполнено рассеянным светом от проходящих радиолучей, а над городом, до самых звезд, как бы связывая небо с землею, текли световые потоки, ливни, реки света — то была игра космических лучей, вырвавшихся из недр солнца электронов и магнитных токов самой Земли...

— Не один ученый дал бы выколоть себе глаза, чтобы видеть все это! — восторженно воскликнул Крусс, слушая описания Доббеля. — Кстати, будьте готовы, Доббель. Завтра вас интервьюируют журналисты крупнейших газет, а послезавтра я демонстрирую вас в научном обществе.

* * *

Изобретение Крусса произвело сенсацию. Несколько дней подряд все газеты наперебой трубили о нем, и Крусс купался в лучах славы. Доббеля тоже непрерывно интервьюировали и фотографировали, а затем он начал получать письма с деловыми предложениями.

Военное ведомство предполагало использовать Доббеля для перехватывания во время войны радиотелеграмм противника. Доббель воспринимал волны радиотелеграфа как ряд световых вспышек разной продолжительности. Преимущество Доббеля перед приемной радиостанцией заключалось в том, что ему не надо было перестраиваться на длину волн: он видел их все — и длинные и короткие.

Крупная фирма «Электроремонт» предлагала ему работу — контроль над утечкой тока в подземных кабелях и обнаружение так называемых бродячих токов, причинявших повреждения подземным кабелям и разным металлическим конструкциям. Фирма подсчитывала, что живой аппарат — Доббель — обойдется дешевле монтеров и техников, вооруженных обычными аппаратами, определяющими место утечки тока.

Наконец, Всеобщая компания электричества сделала ему предложение — служить живым аппаратом при опытных работах в научной лаборатории компании. В экспериментальной лаборатории испытывались различные системы катодных трубок и ламп, осциллографов, аппаратов, излучающих ультрафиолетовые и рентгеновы лучи, искусственные гамма-лучи; здесь изучалась вся шкала электромагнитных колебаний, делались опыты бомбардировки атомного ядра, изучались свойства космических лучей.

Такой живой аппарат, как Доббель, конечно, мог быть очень полезен при производстве опытов над невидимыми лучами.

Крусс разрешил Доббелю принять предложение Всеобщей компании электричества.

— Но жить вы будете по-прежнему у меня, — сказал Крусс. — Так мне будет удобнее. Ведь договор наш остается еще в силе. Я не произвел еще над вами всех интересующих меня наблюдений.

* * *

Для Доббеля вновь началась трудовая жизнь.

Ровно в восемь утра Доббель уже сидел в лаборатории, где всегда пахло озоном, каучуком и какими-то кислотами. Производились ли опыты при солнечном свете, или же вечером, при свете ламп, или, наконец, в полной темноте, Доббель всегда был окружен своим призрачным миром светящихся шаров, колец, облаков, полос, звезд. Машины гудели, жужжали, трещали. Доббель видел, как возле них возникают сияющие магнитные поля, как срываются потоки электронов, как эти потоки изгибаются или ломаются в пути под влиянием хитроумных электрических преград, сетей и ловушек. И Доббель объяснял, объяснял и объяснял все виденное.

Две стенографистки записывали его речь.

Он видел интереснейшие световые феномены и делал ученым сообщения о вещах совершенно неожиданных. Когда начинала работать гигантская электромагнитная установка, которая была больше и тяжелее самого большого паровоза, Доббель говорил:

— Фу, ослепнуть можно! Эта машина наполняет ярким светом целый квартал города, а крайние пределы светящегося магнитного поля выходят далеко за окраину города. Ведь я вижу весь город насквозь — электрический скелет города, вижу сразу во все стороны. Я теперь вижу все вещи и вас, господа. Электроны облепили меня, как светящийся улей. Вон у господина Ларднера искры уже сыплются с носа, а голова господина Корлиса Ламотта напоминает голову Медузы Горгоны в пламени. Я отчетливо вижу все металлические предметы, они горят, как раскаленные, и все связаны светящимися нитями.

При помощи Доббеля, говорящего и мыслящего аппарата, было разрешено несколько не поддававшихся разрешению обычным путем научных вопросов. Его ценили. Ему хорошо платили.

— Я могу считать себя самым счастливым среди слепых, но зрячие все же счастливее меня, — говорил он Круссу, который ежедневно выслушивал его отчеты о работе и продолжал

на основании их свои изыскания по усовершенствованию изобретенного им аппарата.

И вот настал день, когда Крусс сказал:

— Господин Доббель! Сегодня истек срок нашего договора. Я должен исполнить свое обязательство — вернуть вам нормальное зрение. Но вам тогда придется потерять вашу способность видеть движение электронов. Это все-таки давало вам преимущество в жизни.

— Вот еще! Преимущество быть живым аппаратом! Не желаю. Довольно. Я хочу иметь нормальное зрение, быть нормальным человеком, а не ходячим и болтающим гальваноскопом.

— Дело ваше, — усмехнулся Крусс. — Итак, начнем курс лечения.

* * *

Настал и этот счастливейший день в жизни Доббеля. Он увидел желтое, покрытое морщинами лицо Крусса, молодое, но злое лицо сестры, помогающей Круссу, увидел капли дождя на стеклах большого окна, серые тучи на осеннем небе, желтые листья на деревьях. Природа не позаботилась встретить прозрение Доббеля более веселыми красками.

Но это пустяки. Были бы глаза, а веселые краски найдутся!

Крусс и Доббель некоторое время молча смотрели друг на друга. Потом Доббель крепко пожал руку Крусса.

— Не нахожу слов для благодарности...

Крусс отошел от кресла, приподняв правое плечо.

— Благодарить незачем. Для меня лучшая награда — успех в моей работе. Я же не шарлатан, не Вироваль. Вернув вам зрение, я доказал это всем — надеюсь, его приемная очень скоро опустеет... Но довольно обо мне. Вот вы и зрячий, здоровый, нормальный человек, Доббель. Можно позавидовать вашему росту, вашей физической силе и... что же вы теперь намерены делать?

— Я понял ваш намек. Я больше не ваш пациент и потому не должен обременять вас своим присутствием. Сегодня же перееду в отель, а затем подыщу себе квартиру, работу.

— Ну что ж, желаю вам успеха, Доббель.

* * *

Прошел месяц.

Однажды Крусса попросили сойти вниз, в вестибюль. Там стоял в пальто с приподнятым воротником и со шляпой в руке Доббель. Струйки дождя стекали на паркетный пол с полей

его шляпы. Доббель выглядел уставшим и похудевшим.

— Господин Крусс! — сказал Доббель. — Я пришел еще раз поблагодарить вас. Вы вернули мне зрение. Я прозрел...

— Вы лучше скажите, удалось найти вам работу?

— Работу? — Доббель желчно рассмеялся. — Я прозрел, господин Крусс. Прозрел вдвойне. И я хочу просить вас... ослепить меня. Сделайте меня слепцом, навсегда слепцом, видящим только движение электронов.

— Добровольно подвергнуть себя ослеплению?! Но ведь это чудовищно! — воскликнул Крусс.

— У меня нет другого выхода. Не умирать же мне с голоду.

— Нет, я не сделаю этого, решительно отказываюсь! — горячо возразил Крусс. — Что подумали бы обо мне! И потом вы опоздали. Да. Занимаясь электроноскопом, я внес в него кое-какие конструктивные изменения, запатентовал и продал патент Всеобщей компании электричества. Теперь каждый человек может с помощью моего электроноскопа видеть электро-ток. И компания не нуждается в таких ясно-видящих слепцах, каким были вы, Доббель.

Доббель молча надел мокрую шляпу и в раздумье посмотрел на свои сильные, молодые руки.

— Ладно, — сказал он, в упор взглянув на Крусса. — Они годятся по крайней мере на то, чтобы сломать всю эту чертову мельницу. Прощайте, господин Крусс! — И он вышел, хлопнув дверью.

Дождь прошел, и на синем осеннем небе ярко сияло солнце.

Историко-литературная справка

Цикл «Изобретения профессора Вагнера» публиковался А. Р. Беляевым в течение одиннадцати лет, с 1926 по 1936 год. Сюда входят как юморески, составившие «Творимые легенды и апокрифы», так и большие «дилогии» рассказов: «Человек, который не спит» и «Гость из книжного шкафа», «Амба» и «Хойти-Тойти». В порядке публикации произведения цикла располагаются следующим образом: «Человек, который не спит» (1926), «Гость из книжного шкафа» (1926), «Над черной бездной» (позднее — «Над бездной», 1927), «Творимые легенды и апокрифы» (1929), «Чертова мельница» (1929), «Амба» (1929), «Хойти-Тойти» (1930), «Ковер-самолет» (1936). В сборнике рассказы даны в соответствии с восьмым томом собрания сочинений А. Р. Беляева в 8 т. (1964). Отдельным изданием цикл выходил в Кемерово в 1983 году.

ТВОРИМЫЕ ЛЕГЕНДЫ И АПОКРИФЫ

Впервые — «Всемирный следопыт», 1929. — № 4.

Средство от усталости — появился целый набор таких средств, но пока они не снимают усталость, а отодвигают ее наступление или не дают чувствовать. В виде допинга стали бичом профессионального спорта.

Средство от сна — радикального пока не найдено, хотя исследования людей, которые не спят, показали, что такое средство на уровне физиологии человеческого организма возможно.

Способ думать двумя полушариями. Выявленная асимметрия головного мозга делает осуществление этой фантастической идеи в высшей степени проблематичным, хотя раздвоение личности на совершенно независимые психические сущности наблюдалось при травматических поражениях связи двух полушарий мозга и при операциях, предусматривавших разрез так называемого мозолистого тела (комиссуротомию).

Чтение лекций в университете по радио — сейчас это делается с помощью телевидения, а в последнее время — и с помощью компьютерных сетей.

Повреждение мозга лошади с преступными целями — не может рассматриваться как идея, это скорее прием популяризации положений нейрофизиологии.

Омолождение с помощью эндокринологических методов — модная в 20-х годах идея. Опыты по омоложению и научное изучение старения дали начало науке геронтологии, но омоложение так и не было получено...

Увеличение размеров живых существ путем вмешательства в гормональную регуляцию организма — успешные опыты ведутся сейчас с применением методов генной инженерии.

Прыжки с помощью пружины и пневмокоштом для амортизации ударов — пружинные усилители и амортизаторы применяются для ускорения бега, например. Пневмозащита оказалась особенно эффективна в автомобилях и самолетах.

Использование сил гравитации для прыжков через препятствия — идея, реализованная в аттракционах.

Использование радиоволн для лечения — повсеместно (УВЧ).

Использование радиоволн для обогрева на расстоянии. Прямое применение этой идеи — микроволновые кухонные плиты. Способом, описанным в рассказе, применение невозможно из-за рассеивания радиоволн и быстрого падения (пропорционально квадрату расстояния) мощности, передаваемой лучом.

Овладение волевой терморегуляцией человеческого тела — в узких пределах достигается йогическими упражнениями. В масштабах, намеченных в рассказе, вредно и никому не нужно. Пример попытки распространения власти человека над природой до абсурда.

КОВЕР-САМОЛЕТ

Впервые рассказ опубликован в журнале «Знание — сила», 1936. — № 12.

Лошадь-автомат — осуществлявшаяся именно с пропагандистскими целями реклама шагающего робота.

Металлическая пена с водородным наполнением — решаемая инженерная задача. Однако цель создания такой пены — хранение водорода. Полет, даже при использовании легчайшего «газа» — вакуума, при сколько-то разумных размерах ковра невозможен.

ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА

Впервые рассказ опубликован в журнале «Всемирный следопыт», 1929. — № 9.

Использование отделенных от тела человеческих органов для производства полезной работы — осуществимо, но стоимость необходимого для этого оборудования делает такое применение совершенно бессмысленным, не говоря уже о моральных аспектах проблемы. Опыты подобного рода проводятся в бионике — для моделирования полезных особенностей «живых конструкций» в технике. Единственное серьезное применение чужих органов — трансплантация сердца, почек, печени, легких и т. д., что сейчас почти повсеместно вошло в практику мировой медицины.

Шагающий автомобиль — идет непрерывное совершенствование экспериментальных конструкций такой машины, в том числе и с использованием моделей человеческих ног и искусственных мускулов.

НАД БЕЗДНОЙ

Первоначально — «Над черной бездной» — «Вокруг света». 1927. — № 2—3. Под названием «Над бездной» впервые — в сборнике: А. Р. Беляев. Борьба в эфире. — М.; Л., 1928.

Управление силой тяжести — пока совершенно фантастическая идея.

Локальное усиление силы тяжести. Яркий пример последующего использования этой идеи — «комариная плешь» в повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине».

Гравитационное оружие — распространенная в фантастике 20—30-х гг. идея. Пока остается фантастической.

Изменение скорости вращения Земли — пример использования фантастического приема — изменения одной из существенных мировых констант для показа «что, если...»

Применение гипноза в обучении — поразительные примеры успехов в этом направлении показали опыты В. Райкова.

Гипнопедия — обучение во сне. Следует отдать в этой области приоритет А. Р. Беляеву. Роман «Великолепный новый мир» О. Хаксли, в котором якобы было впервые описано применение гипнопедии, появился в 1932 году.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ СПИТ

Впервые опубликовано в сборнике: А. Р. Беляев. Голова профессора Доуэля. — М.; Л., 1926.

Прибор для дыхания свежим воздухом — с исчезновением под натиском автомобилей свежего воздуха в городах и широким применением кондиционеров идея стала анахронизмом.

Ретардин — средство от усталости — см. выше «Творимые легенды и апокрифы».

Ускорение научно-технического и общественного прогресса в 6 раз за счет увеличения производительности умственного труда — идея, получающая своеобразное воплощение в концепциях интенсивного развития экономики и ускорения.

Цветомузыка — идеи синестезии, гармонического соединения различных ощущений, появились еще в XIX веке, но технические средства для такого соединения возникли лишь в 60-х годах XX века.

Погружение в сон целой страны — идея, возможно заимствованная из фильма Рене Клера «Париж уснул».

ГОСТЬ ИЗ КНИЖНОГО ШКАФА

Рассказ опубликован впервые в сборнике: А. Р. Беляев. Голова профессора Доуэля. — М.; Л., 1926. Орывок под названием «Мир в стеклянном шаре» — Всемирный следопыт, 1926. — № 9.

Воздушный абордаж — в начале развития авиации одно из фантастических представлений о ходе воздушных боев, развивавшееся еще Г. Уэллсом («Война в воздухе», 1908). Своеобразной трансформацией этой идеи может быть стыковка с самолетом-заправщиком при дальних перелетах.

Получение протоматерии при ядерном распаде — идея, пока отброшенная физикой. В советской фантастике после А. Р. Беляева впервые появилась в рассказе А. и Б. Стругацких «Забывтый эксперимент» (1959).

Искусственная космическая туманность, повторяющая в ускоренном масштабе времени развитие Солнечной системы в миниатюре. Совершенно фанта-

стическая идея, высказанная, однако, намного раньше, чем в рассказе Т. Старджона «Бог микрокосмоса» (1940, рус. пер. 1961), считающемся классикой этой темы. В послевоенной советской фантастике к ней обратился А. Полещук «Ошибка Алексея Алексеева» (1960).

Возможность иерархии созданных искусственно вселенных — когда создатель одной сам включен в созданный другим мир — и так *ad infinitum* — вероятно, первое в советской фантастике предположение такого рода. Подробно разработано С. Лемом в «Воспоминаниях Ийона Тихого» (1961).

Эффект проницаемости макротел — пока совершенно фантастическая идея. «Инженерный» подход к ее использованию наиболее ярко выражен в романе И. Войскунского и Е. Лукодянова «Экипаж «Меконга»» (1961).

Восприятие глазом новых видов излучений — реализовано в виде электронно-оптических преобразователей и компьютерной обработки изображений.

АМБА

Рассказ впервые опубликован в журнале «Всемирный следопыт», 1929. — № 10.

Поддержание жизнедеятельности отделенного от тела мозга — опыты с мозгом обезьян проводились. По одной из гипотез, быстрая деградация функций мозга в этих опытах обусловлена сенсорной депривацией.

Электроэнцефалограф — осуществлено.

Общение с мозгом при посредстве его биотоков — опыты по сознательному или бессознательному конт-

ролю вида излучений мозга показывают принципиальную осуществимость идеи.

Введение сигналов в мозг человека от органов чувств животного — прогресс в этой области связан с созданием искусственного глаза на электронной основе.

Средство для ускорения процессов срастания нервных тканей — получено в недавнее время.

ХОЙТИ-ТОЙТИ

Впервые повесть опубликована в журнале «Всемирный следопыт», 1930. — № 1—2.

Акустические усилители — осуществлено.

Увеличение размеров отделенного от тела мозга — подобные опыты из-за сложности и нецелесообразности, не говоря о морально-этических аспектах, не ставились.

Пересадка мозга человека в череп слона — теоретически допустимая, но в высшей степени сомнительная в этическом плане операция. Однако в романе С. Снегова «Люди как боги» (1966—1978) мозг человека был пересажен дракону.

Необычайно прочный прозрачный каучук — создан целый спектр пластмасс, обладающих такими свойствами.

В цикле А. Р. Беляева «Изобретения профессора Вагнера» использовано 39 научно-фантастических идей. Из них осуществлено или осуществимо 24.

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

Впервые рассказ опубликован в журнале «Вокруг света», 1938. — № 1.

Восприятие новых видов электромагнитных излучений, способность видеть электрический ток — реализовано в виде электронно-оптических преобразователей, позволяющих видеть картину в инфракрасном свете или даже разность потенциалов в микросхеме.

Подключение «электронного глаза» непосредственно к нервным окончаниям человека в качестве средства от слепоты — работы в этом направлении ведутся.

А. П. Лукашин

СОДЕРЖАНИЕ

ТВОРИМЫЕ ЛЕГЕНДЫ И АПОКРИФЫ	5
I. Человек, который не спит	5
II. Случай с лошастью	8
III. О блохах	15
IV. Человек-термо	26
КОВЕР-САМОЛЕТ	51
ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА	69
НАД БЕЗДНОЙ	91
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ СПИТ	117
ГОСТЬ ИЗ КНИЖНОГО ШКАФА	190
АМБА	235
ХОЙТИ-ТОЙТИ	276
НЕВИДИМЫЙ СВЕТ	380
Историко-литературная справка	406

Александр Романович Беляев

ИЗОБРЕТЕНИЯ ПРОФЕССОРА ВАГНЕРА

Редактор А. Лукашин

Младший редактор Л. Рубцова

Оформление Т. Ключаревой

Фотография А. Никифорова

Художественный редактор С. Можаяева

Технический редактор В. Чувашов

Корректор Г. Черникова

ИБ № 1741

Сдано в набор 28.08.87. Подписано в печать 04.01.88.
ЛБ02001. Формат 84×108¹/₄. Бум. тип. № 2. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. Усл.
кр.-отт. 11,03. Уч.-изд. л. 13,678. Тираж 200 000 экз.
(2-й завод 100 001—200 000 экз.). Заказ № 240. Цена
1 р. 70 к.

Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь,
ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управле-
ния издательств, полиграфии и книжной торговли.
614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Беляев А. Р.

Б43 Изобретения профессора Вагнера: Рассказы. — Пермь: Кн. изд-во, 1988. — 414 с.

ISBN 5—7625—0088—8

Очередной сборник произведений классика советской научно-фантастической литературы включает цикл рассказов о приключениях гениального изобретателя профессора Вагнера. Продолжает ряд, начатый сборником «Звезда КЭЦ», вышедшим в 1987 году.

Б 4702000000—10
M152(03)—88 35—88

ББК84Р7—4